

Кристина Той

рутинны цвeтaх

Кристина Той

РУИНЫ в цветах

Annotation

В 2012 году начался мировой конфликт, который унес жизни более половины населения планеты... И его последствия необратимы – разрушенный озоновый слой, полное уничтожение природы из-за взрывов, пожаров и радиации. Спустя тринадцать лет жизнь возможна только под куполом. Что происходит за его пределами – остается только догадываться. Но и без того хрупкий мир девочки-подростка Ани внезапно рушится, когда начинается охота на новое необычное поколение подростков. Так ли они опасны, как о них говорят?

И что делать если ты... один из них?

- [Кристина Той](#)
 -
 -
 - [Плейлист](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [\(Выписка из ежедневника\)](#)
 - [От автора](#)
 -
-

Кристина Той

Руины в цветах

Иллюстрация на обложку и в блок LINK
Дизайн обложки Екатерины Климовой

Copyright © Кристина Той, 2023

© LINK, иллюстрация

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Бесплодная, стеревшая земля
начала прорастать.
Деревья, кусты, трава –
все это словно поднималось
из пепла.
Они зацвели алыми красками...*

Плейлист

Extreme Music – Bring Me To Life
Like A Storm – Break Free
Bullet For My Valentine – Tears Don't Fall
Seether & Amy Lee – Broken
Sum 41 – With Me
Red – Hymn For The Missing
Evanescence – My Immortal
Peter Andre – Only One
Bullet For My Valentine – P.O.W.
Hoobastank – The Reason
Bullet For My Valentine – Road To Nowhere
Foo Fighters – Tired Of You
Pendulum – Witchcraft
Pendulum – Crush
Three Days Grace – Give In To Me
Darren Hayes – Roses
Sting – Fragile
Within Temptation – Angels
Takida – To Have And To Hold
Matthew Barber – Where The River Bends
Aspen Grove – July 19

Плейлист составлен Аленкой (t.me @al_mo_bookss)

В голову не пришло ничего путного, что я могла бы сказать вам о книге до ее первой главы, поэтому скажу только то, что пока вы читаете

ее, помните: все законы, ситуации и персонажи в ней – выдуманные.

Любые совпадения – случайны.

Доводилось ли вам когда-нибудь наблюдать за красным небосводом в двенадцать часов дня? Это был последний день ядерной войны – тогда запустили самую мощную ракету – МОР I, положившую конец нормальной жизни человечества. Все небо, усыпанное миллионами звезд, вмиг запылало в огне. С чем бы я мог сравнить это?.. Смело могу сказать: ад уже долгое время был рядом, и в тот момент мы просто сорвали с него последние декорации земных реалий.

Всего через месяц после ее запуска случилось невозможное – в бесплодной, как всем казалось, почве появились намеки на жизнь. И словно напоминание о том, что натворил человек, все растения вокруг как будто напитались кровью. Представьте себе алые ростки, через года вырастающие в алые леса. Что стало с черными морями, загрязненными людьми – не известно. Но одно мы знали точно: кислорода на Земле больше не было.

12 августа 2012 года – этот день считается началом отсчета новой эры. День, когда началась Третья мировая война. Сразу восемь стран выпустили ядерные ракеты по соседним государствам. В результате ужасающей войны, которая продлилась пять лет, погибло более трети населения планеты.

Но еще в начале военных действий создатели ракеты МОР I возвели над несколькими большими городами купола высотой около километра. Нет, изначально купола возводились без расчета на то, что ракеты все-таки запустят. Дело в том, что в ходе войны постепенно разрушался озоновый слой. Погубил свой дом сам человек.

Из рассказа Миши Слота.

Эрику и Анне

Глава 1

14.05.2030

Аня бегала глазами по комнате, наблюдая за тем, как яркие лучи задорно танцуют на лице спящего брата. Много раз она слышала в свой адрес, что ей повезло застать то время, когда солнце согревало землю, но сама она всегда пожимала плечами и отвечала, что не помнит, каково это – ощущать тепло большой звезды на коже. Для нее бетонные стены стали совсем родными. В отличие от сверстников, Аня не пыталась каждый день поймать момент смены искусственного освещения на настоящее солнце, возвышающееся над куполом. Считала это поводом лишней раз расстроиться. Расстроиться и вновь неосознанно вернуться к мыслям о своей настоящей семье. Она была единственной из них, кому удалось пережить войну, и то благодаря другу отца – генералу Мише Слоту. Он нашел ее в еще уцелевшем жилом доме и приютил в этих бетонных секторах.

Глядя на Аню – худую, с бледной кожей и светлым, почти белесым цветом волос, – сразу можно было догадаться, что она не родная сестра Эрика. Вот он – спит напротив, по другую сторону комнаты, и совсем на нее не похож. Смуглый, кудрявые волосы цвета смолы и темно-карие глаза. Точная копия ее спасителя, сын своего отца. А кем был ее собственный отец, Аня знала только по рассказам Миши. Человек, которого она не помнила, работал военным инженером. Так он и погиб – на поле боя. Иногда Аня представляла себе, как он, безымянный солдат, не успевший проститься с родными, лежит где-то в земле за тысячи километров от стены в куче таких же

«безымянных» тел. А отцом его дочь теперь называет его лучшего друга. О матери Аня не знала вообще ничего. Никто из посвященных так и не рассказал ей, что Мариса не смогла пережить смерть новорожденного мальчика, а после и потерю мужа. Окутанная невыносимой печалью, она шагнула в окно. Вот и получилось, что по сей день в голове Ани мама была жива.

Все, что Аня помнила из тех времен – так это то, как она проснулась в холодной квартире на кровати родителей, совсем одна. Окно было распахнуто, и морозный ветер, залетающий в комнату, заставлял вздрагивать занавески и развороты старых газет на журнальном столике. Но проснулась она не от холода, нет, а от стука в дверь. Вскочив и открыв ее, Аня с непониманием рассматривала папиного друга в военной форме и двух полицейских, стоявших за ним. Гости спросили, дома ли мама, на что Аня сонно пожалала плечами. Миша присел и протянул к ней руки, старательно сдерживая слезы, а молчаливые солдаты отвернулись, делая вид, что разглядывают стены. Никто не хотел и не знал, как сказать трехлетней девочке, что ее мать лежит на холодном бетоне по ту сторону окна.

После этого Миша привез Аню к себе и сказал, что теперь она будет жить с ними. Война длилась уже больше трех лет, потому Эрик и Аня ни разу не встречались до этого момента, хоть их отцы и дружили. Тихой скромной девочке было не до новых знакомств, но она сразу поняла, что ее новый друг не даст ее в обиду, и с первого же дня поселилась в его комнате. Спала она на детской кроватке в виде машинки «Формулы-1», а Эрик, не закатывая сцен, временно переселился на пол. На обычный матрас от старой кровати.

Сегодня Ане исполнилось шестнадцать лет, по законам послевоенного времени этот возраст считался совершеннолетием. Теперь ей предстояло выбрать профессию, чтобы стать полезной для общества, или же, как грозились мачеха, ее отправили бы к сброду в первый или второй сектор.

Аня пыталась заставить себя встать с кровати, но ощущение, что тело ее – неподъемный кусок металла, только усилилось. Каждый день она вела борьбу между желанием жить как нормальный, «полезный» человек и желанием бросить все, скатившись к «сброду». Сейчас это была очередная маленькая победа. Аня вновь открыла глаза и, широко зевая, села на край матраса. Неохотно потянулась к небесам,

нарисованным на потолке, тем самым поправив лямку майки, сползшую с плеча, и взглянула на часы.

– Эрик, – прошептала она так, словно смирилась со всеми катастрофами этого мира. – Ты работу проспал.

Опаздывать в этом мире полезных людей было нельзя: сразу выдадут штраф, запишут в личное дело и этим попортят репутацию, а дальше, как говорится, по накатанной. Поэтому Аню, привыкшую вечно опаздывать на уроки, немного удивило спокойное поведение брата. Он опаздывал редко, но именно в такие моменты сестра наблюдала его воистину воинственный настрой. Прямо как учил их отец в детстве. А вот Аня, что в детстве, что сейчас, любила подолгу любоваться на искусственные лучи и раздражала взрослых своей нерасторопностью.

– Сегодня же четырнадцатое? – тихо спросил он, даже не пошевелившись.

– Четырнадцатое.

– Мая?

– Мая.

– Значит, все верно, – ответил Эрик, накрываясь одеялом и поворачиваясь лицом к стене с таким усилием, словно мягкий матрас был тягучей лужей. – У тебя же день рождения, я попросил выходной еще в начале месяца. Поэтому собирайся на учебу, получай хорошие оценки... А после мы поедем в третий сектор, праздновать.

– Правда?

Голубые глаза на бледном лице распахнулись от удивления. Да, их семья не была бедной, и уж тем более им было далеко до «сброда» в первом и втором секторах, но и денег на поездку в другой сектор никто бы из родителей не выделил. «Бессмысленные» расходы на дорогу, на аренду жилья, потому что на последний вечерний поезд они точно не успеют, и уж тем более на «незаслуженные» забавы.

«Все эти развлечения и попытки построить мир, каким он был до катастрофы – пыль в глаза. Мы словно в воображаемом кошмаре на краю пропасти», – повторяла Эрику мать на любые просьбы сходить куда-то всем вместе. И это понятно. Ей было страшно. Страшно, что сломаются стены, страшно, что семья все же опустится за черту бедности, и они будут драться друг с другом за кусок хлеба. Страшно было и самой Ане.

– Дорого же...
– Пусть деньги останутся моей заботой. А прогуляешь занятия – я передумаю.

У Ани не было сомнений: он с ней прощается.

* * *

– *Внимание! Они очень опасны! Если вы знаете мутировавшего человека, немедленно сообщите властям! Для помощи в выявлении таких людей обратитесь к любому офицеру или воспользуйтесь сайтом администрации. Самосуд запрещен! Повто...*

– Выключи! – процедила Аня сквозь зубы и крепко закрыла уши.

– Эту рекламу нельзя пропускать, – виновато прошептал Макс, выключая телефон и пряча его в карман. – Ладно, видимо, потом посмотрю.

– Гребаная пропаганда. Уже снится, – продолжила шипеть Аня.

– Какая пропаганда! Ты знаешь, какие они опасные! – Вина в его голосе резко сменилась испугом.

– Какие?

– Они агрессивные! Ты же видела в трансляции!

Конечно, она видела и то, какими пытались показать мутантов. Трансляция публичной казни: по ту сторону экрана человек, с виду не отличавшийся от нее и Макса, просто защищался, когда его убивали. Аня всегда вспоминала забавную присказку про кол в сердце вампира: «Ведь обычный человек не умрет, если ему кусок древесины в сердце воткнуть?» Сама она говорила так: «Ведь обычный человек не станет защищаться, просто желая выжить?»

– Ты вообще в курсе, что у нас в школе случилось? На прошлой неделе Жнецы пятого сектора пришли к парню из параллельного класса. Он согласился на лечение, а вчера у него случился приступ агрессии, он напал на врачей... Кажется, его медикаментозно усыпили.

«Как дворнягу», – с отвращением подумала Аня, а вслух сказала:

– Да что за нелюди? – Она произнесла это довольно громко и, к сожалению, в тот момент, когда в класс вошла учительница.

– Что за разговоры? Анна, только вас и слышно! Есть чем поделиться с нами? Так поделитесь! – недовольно произнесла тощая

женщина в черном обтягивающем платье и направилась к Ане.

Каждый шаг заставлял кости ее таза выпирать вперед – такова была особенность пугающей походки Анабель Бор, учительницы истории.

– Вы все еще не запомнили, что, если учитель присутствует в классе, должна быть полная тишина?! Или хотите получить отрицательную характеристику в аттестат?

«Конечно,» – подумала Аня. Ни знания, ни оценки давно не являлись показателем того, что тебя возьмут на работу. Только хорошая характеристика.

– Что вы! Вот Макса убеждаю, что история – интересный предмет. – Аня, стиснув зубы, попыталась мило улыбнуться, но понимала, что выражение ее лица сейчас не лучше, чем тогда, когда на спор ей пришлось сжевать лимон. Впрочем, она знала: все обойдется. Анабель не умела отличать сарказм от правды.

– Анна, раз уж мне предстоит выдать вам мало-мальски положительную оценку, начнем опрос с вас. Сколько секторов сейчас насчитывается на планете?

– На нашем континенте – пять. Другие континенты не изучены после войны.

– Кто принял решение их возводить?

– Леди пятого сектора, Мира Соколь.

– Никогда не забывайте добавлять, что Мира Соколь начала строить их вместо того, чтобы воевать. Это было одно из самых важных решений для человечества. Строить! А не разрушать! Если бы не она, нас бы не было в живых сейчас. А теперь вы же мне и ответите, чем важен каждый сектор.

Аня знала эту информацию; знала, что и ее стоило добавить в ответ – их заставляли заучивать это лучше, чем теоремы и формулы. Знала, и все равно медлила перед тем, как продолжить отвечать. Ее пугала агрессивная манера допроса учительницы. И вот случилось то, чего она больше всего боялась: она все забыла. То, чему учили с пеленок, превратилось в пустоту. Поэтому Аня выдала то, что еще смогла выудить из кусочков памяти.

– Секторы № 1 и № 2 – самые маленькие, по площади сравнимы с бывшей столицей России – Москвой. Поскольку возводились они в качестве эксперимента, то и застроены по большей части домами, к

сожалению, не совсем пригодными для нормальной жизни. Здесь поселились беженцы, выжившие после войны, и правительство не сильно заинтересовано в перестройке этих секторов.

– Чем он важен? – поторапливала Анабель, терпение ее явно было на исходе.

– П – производственная часть. Вся опасная промышленность концентрируется в этих секторах.

– Только не вздумайте ляпнуть это где-нибудь на собеседовании.

С первых парт послышались смешки, и страх Ани сменился злостью.

– А что?! Правда глаза режет? Неприятно, что там на людей плевать хотели? А чем важен третий сектор? М? Развлечениями, музеями и аттракционами? И как? Часто удается убежать от реальности и страха, что вот-вот эти чертовы купола лопнут?!

В классе повисла тишина. Аня поправила форму элитной гимназистки, которая в миг ей стала словно мала, и выпрямила спину.

– Дело не в том, что правда, а что нет, Анна Слот. Дело в том, что люди хотят от вас услышать. Научиться понимать это и использовать – вот показатель того, что вы достаточно осознанны для совершеннолетия. А если вы бунтуете вместо того, чтобы что-то менять, – это откидывает вас на одну ступень с ребенком.

Ступень. Откидывает. Одни ступени. Всю жизнь их учат видеть мир в карьерных ступенях, где каждый «не тот» шаг – пропасть и страх. Волна апатии и беспомощности захлестнула Аню. Невидимый ошейник на ее шее затянулся, на миг перекрыв кислород. Но ей хватило сил вдохнуть еще раз.

– Макс, вам, по праву сидящего рядом, следующий сектор.

– Сектор № 4 – промышленный. Славится двумя заводами: сладостей и техники. Завод сладостей – единственный, производит кондитерские изделия на все пять секторов. Но технический завод в сложившейся ситуации более важен. От него зависят все купола, их работа и безопасность.

При упоминании о заводе сладостей Анабель возмущенно вскинула бровь, но не успела ничего сказать. Макс поспешил заработать дополнительный балл.

– Сектор № 5 – центральный, здесь находится управленческая часть. По площади его можно сравнить с довоенным Сиднеем –

крупнейшим городом Австралии, двенадцать с половиной тысяч квадратных километров. Также пятый сектор называют столичным, здесь решается множество вопросов, связанных с восстановлением, медициной, научным прогрессом, законом и порядком. Проживают тут преимущественно богатые семьи и семьи глав правительства.

– Сектора, их строение и значение? Когда их возвели и зачем? – произнесла Анабель тоном, которым старательно заваливала лучших учеников.

– После войны была проведена глобальная перестройка. Защитные купола расположили рядом, что помогало людям восстановить нормальную жизнедеятельность. Не осталось ни стран, ни наций. Просто выжившие. Чтобы добиться возобновления кислородных ресурсов, пришлось строить бетонные блоки для сохранения почвы под секторами. Все сектора напоминают огромные бетонные горшки с землей, позволяющей сохранить растения такими, какими они были до войны: их структуру, цвет и функции. Четыре сектора расположены вокруг центрального и соединены между собой опоясывающим скорорельсом. Скорость поездов по нему достигает пятисот километров в час, поэтому дорога между секторами занимает максимум четыре часа. Центральный же соединен с каждым напрямую, так что время пути между ним и любым другим в два раза меньше. Над скорорельсами возвышается трехметровый купол. Это помогает защитить дорогу и поезда от предполагаемых выживших хищников, не давая тем прыгнуть под поезд и нарушить движение, – закончил Макс.

– Дай бог вам закончить академию с положительной характеристикой, Макс. Связались же вы на свою голову с этой особой.

«Бога в этом мире давно нет», – хотелось выкрикнуть Ане вслед уходящей учительнице, но она промолчала и прикрыла глаза.

«Быть где угодно, но не здесь». Где угодно, но не здесь. Не в этих белых стенах, полных искусственного света, с лицемерными людьми и их попытками верить в прекрасное будущее. Пусть это будет балкончик на берегу моря, где она сидит, свесив ноги, словно одна из героинь старых фильмов. Наслаждается видом полудня, слушает шум прибоя и не думает о том, как выжить в гребаном мире, где по

лестнице благополучия можно сделать всего один шаг вперед и бесконечное множество – назад.

Где угодно, но не в стенах академии, не в стенах купола... И тем более не дома.

* * *

После войны и перестройки собственное жилье считалось роскошью, но Миша Слот получил его как военнослужащий. Квартира была небольшая: коридор с обоями стандартного бежевого цвета (не менявшимися с момента переезда), две комнаты и кухня, расположенная напротив спальни Эрика и Ани. Так как солнечная сторона дома досталась ребятам, кухню пришлось освещать посредством светлых обоев и ламп. И теперь казалось, что там всегда лето.

Это место стало любимым у Лиды Слот. Чего нельзя сказать о комнате детей: она туда вообще не заходила. С самого начала Лида холодно приняла Аню, ведь, зная характер мужа, была уверена, что Миша будет любить приемную дочь не меньше, чем своего сына. А что, если и сын полюбит ее больше, чем Лиду?

Эта ревность лишь только разгоралась, но ее вполне хватило на тот момент, чтобы количество раз, когда Аня проходила по коридору и заглядывала в комнату родителей, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Недовольство Лиды подогревалось тем, что, по просьбе отца, Эрик спал теперь на полу, а через пару дней к нему перебралась и Аня. Каким возмутительным показалось это Лиде! Она долго говорила с ребятами о том, что им не стоит спать вместе, но все было бесполезно.

Со временем Эрик, окруживший Аню заботой, стал ей самым близким человеком на этой планете. И она всегда считала, что на плечи брата, который был старше ее всего лишь на два года, упало слишком много проблем. Теперь, когда они все еще жили вместе, но уже по разные стены комнаты, Аню не покидала мысль, что вся эта забота Эрика – не по-настоящему.

* * *

– Я готова!

Аня ворвалась в квартиру быстро, как метеор, что было ей несвойственно, и бросила рюкзак на пол в коридоре. Затем торопливо сняла кеды и начала искать Эрика: осмотрела сперва комнату, после, осторожно приоткрыв обычно распахнутую, а сейчас закрытую дверь, заглянула на кухню.

Там был не только Эрик. За столом спиной к Ане сидел рыжий парень. По наступившей тишине и устремленному на нее взгляду Эрика Аня поняла, что своим появлением прервала важный разговор. Незнакомец медленно обернулся и осмотрел ее с головы до ног. Ухмыльнулся. С виду он был ровесником Эрика. Его заостренное лицо напоминало морду хитрого лиса. Она недолго всматривалась в него и, кроме выразительных скул, отметила небольшой шрам, пересекающий левую бровь.

– Вот это у тебя фигура! Ничего лишнего! – Ухмылка не сходила с его лица.

– Я кастрирую тебя, если хоть пальцем ее тронешь! – моментально вскипел Эрик.

– Понял – принял. Только смотреть, – примирительно развел руками рыжий.

– Дюк, ты человек умный, не хочу ломать тебе челюсть сейчас, когда у нас еще много незаконченных дел.

Лицо гостя сразу стало серьезным.

– Ты жесток. Я тебя понял, повторять не надо.

– Меня не будет три дня, не бей тревогу.

Эрик встал из-за стола и направился к выходу. Аня, словно запуганный зверек, поспешила следом.

– Три дня, говоришь... Я буду скучать по тебе, Эрик.

Дюк покинул кухню вслед за Аней и вновь пристально осмотрел ее, на этот раз со спины. Эрик не останавливаясь прошел в комнату за вещами, которые они с сестрой в спешке собрали утром. Оставшись в коридоре с Аней, гость не спешил уходить.

– Был рад познакомиться, – прошептал он, наклоняясь к лицу Ани и почти касаясь своим слегка вздернутым носом ее щеки. От такой неожиданности Аня широко раскрыла глаза. Она замерла на месте, руки, стягивающие кофту на месте выреза, судорожно прикрывали грудь.

– Не... не...

– Не взаимно, она хочет сказать, – перебил растерявшуюся Аню Эрик. – Отойди, не пугай ребенка. – Он неспешно поднял рюкзаки и направился к выходу. – Сначала обидел, потом вторгся в личное пространство...

– Я же похвалил ее фигуру, сделал комплимент, так сказать, – выпрямился Дюк.

Ростом он был как Эрик – где-то метр девяносто. Теперь Аня смотрела на асимметричный вырез его белой майки. Сложно понять, было ли так задумано или футболка порвалась, но сомнений не вызывало одно – парень любил бывать в передрягах. Такой вывод Аня сделала, заметив под майкой массивный шрам, рваными кривыми линиями переходящий с груди на плечо и шею.

– Маленькая извращенка, – прошептал Дюк с широкой улыбкой на лице.

– Иди уже... – смутилась Аня, натянув рукава на ладони и прикрывая ими красные от стыда щеки.

– И правда, пора... – Дюк не спеша прошел в нескольких сантиметрах, прощаясь с ней взглядом, и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Эрик протянул Ане ее рюкзак. Она быстро схватила его и, выглянув в коридор, ощутила укол разочарования. На пороге, с большими пакетами в руках стояла мачеха, а Дюк словно испарился.

– О, Аня, ты уже пришла! Хорошо, как раз поможешь накрыть на стол.

– И... из... – пробормотала Аня, ловя себя на мысли, что компания рыжего парня нравилась ей больше.

– Мам, мы уезжаем, я тебя предупредил. Едем в третий сектор праздновать день рождения Ани, – вмешался Эрик, забрасывая лямку рюкзака на плечо.

– Ах да... Выходные. Быстро же они наступили! – Лида заметно помрачнела. Конечно же, ей не нравилась идея совместной поездки, ведь это бесполезная трата денег и полное отсутствие контроля с ее стороны.

Аня кивнула и отошла в сторону, чтобы мать Эрика смогла войти в квартиру.

– А когда домой? Вещи все взяли? Эрик, оденься попроще. Кофту в сумку, там жарко. – Оставив пакеты в коридоре, мать кинулась

дергать Эрика за теплую синюю кофту. После чего обняла, скрестив руки у него на спине. – Я буду так переживать, – жалобно произнесла она.

– Мам, я не маленький, – закатил глаза Эрик. Ему было ужасно неудобно за эту демонстрацию любви к нему и за неприязнь матери к Ане. Да и сама Аня в этот момент хотела провалиться сквозь землю, он читал это по ее лицу. Она развернулась на пятках и быстро вышла за порог.

– Я подожду на улице, – проговорила она, захлопнув дверь.

– Неблагодарная... Неблагодарная, – тихо произнесла Лида полным упрека голосом, продолжая при этом обнимать сына.

– Я пошел, – прошептал Эрик.

– И ты туда же...

Эрик быстро спустился по лестнице вслед за Аней, а его мать так и осталась стоять в коридоре.

Эрик нашел сестру уже в такси. Аня сидела на заднем сиденье, казалось, уже откатавшего свое черного беспилотника и, подпирая щеку рукой, смотрела в окно на детскую площадку, на детей, гуляющих с родителями. Он не видел ее лица, но понимал, о чем она думает. В детстве она спросила его: «Каково это, когда тебя любят родители? Что-то меняется в твоей жизни?» Тогда Эрик был мал, чтобы ответить на этот вопрос, но больше Аня его не задавала.

Он сел рядом и, обняв, прижал ее к себе так, что голова Ани оказалась у него на груди. Сейчас ей это было необходимо.

Уже на полпути к вокзалу Аня приободрилась, несмотря на большую пробку впереди, и начала приставать с расспросами:

– Эрик, а кто этот рыжий парень?

– Дюк? Друг... Знакомый... Коллега по работе. Называй, как хочешь, – улыбнулся Эрик. – Понравился?

– Да нет, я не об этом, просто... Нечасто встретишь твоих друзей, особенно у нас дома.

– Он сам пришел. По работе. Дело срочное.

– По нему и не скажешь, что у него есть работа. Он не похож на прилежного гражданина. По крайней мере нашего купола.

– Почему? – усмехнулся Эрик.

Аня не понимала, как объяснить, что тут, в четвертом куполе, все пытались произвести хорошее впечатление, показать манеры и

образованность, а этот покалеченный парень в шрамах – словно не из этого мира. Настоящий хам и глупец, и не боится таким себя демонстрировать. В его глазах она не видела ни страха, ни стеснения. Всего на минуту она готова была признаться, что ей хочется стать такой же – не зависящей от мнения чужих людей.

– Ты права, – ответил Эрик, поняв, что Аня уже не ответит. – Он со второго. Устроился к нам как лучший механик.

– Разве такое возможно? – искренне удивилась Аня. Возможно ли в этом чертовом мире сделать столько шагов вперед? Да еще и такому сомнительному человеку, как Дюк?

* * *

На вокзале они едва успели запрыгнуть в тамбур вагона и сделать всего пару шагов, как поезд начал движение. Это означало, что у них осталось совсем мало времени, чтобы занять свои места. Потом поезд начнет набирать максимальную скорость, и передвигаться по вагону первые пятнадцать минут будет сложно.

В вагоне вдоль коридора шел ряд купе без дверей, по четыре места каждое. Белые стены, два мягких черных кресла напротив двух таких же. А между ними – раздвижной столик. Кроме Эрика и Ани в купе никого не было, и это давало возможность свободно вести беседы на темы, о которых запрещалось говорить даже дома. Но Эрик был слишком увлечен чтением, поэтому они ехали молча. Спустя некоторое время Аня, взглядываясь в алую даль, решила прервать тишину:

– Интересно... – Она сделала небольшую паузу, все же раздумывая, стоит ли задавать вопрос. – А что там, за куполом?

– Смерть, – недолго думая, произнес Эрик. От книги он так и не оторвался.

Глава 2

Третий сектор, в который сейчас держали путь ребята, как и четвертый, где они привыкли коротать свои дни, сохранил в себе, по их мнению, лучшее от прежнего мира: прекрасный климат, малоэтажные уютные дома с ярким озеленением рядом. Погода не менялась, не было плохих или хороших дней. Все одинаковые. День сурка, не приводящий ни к чему радостному. И вдобавок к этому вечная борьба поколений: взрослые, повидавшие войну и потому ценившие каждый сантиметр этой земли, и подростки, не поднимающие глаз от асфальта под своими кедами.

Вряд ли жители, рассуждающие о ценности сохранившейся под куполами природы, задумывались о том, что стены вокруг этой природы могут в любой момент рухнуть. Дети же всегда смотрят глубже. Например, ты показываешь им птицу, рассказывая, как по одному движению отличить механическую камеру правительства от настоящей пернатой, а они тем временем смотрят на дерево, которое гниет изнутри и вот-вот перестанет выделять и без того не хватающий ресурс в виде кислорода. Но они даже не подозревают, что за тем, куда направлено их внимание, хорошо следят. И сколько ни убеждай новое поколение, будто все под контролем, их страх крушения мира никуда не исчезает.

Затхлый запах воздуха стал для Ани привычным, но в этом секторе он был приглушен ароматом, исходящим от цветущих деревьев, которых так не хватало в четвертом. И только сейчас Ане стало интересно, как же пахнет воздух в других секторах.

Они с Эриком приехали поздно, поэтому Эрик, соблюдая режим, уснул сразу, а Аня коротала ночь, смотря в потолок. Белые бетонные стены студии, где остановились ребята, сильно напоминали их спальню дома. Простота и уют были призваны отвлекать от плохих мыслей. Когда за окном начало светать, Аня сдалась, встала с кровати и попыталась привести себя в порядок. В тесной ванной комнате, которая словно давила на нее, она смотрела в зеркало и не могла побороть собственные чувства: вины за «незаслуженную» трату денег, умиротворения от того, что это все же ее день рождения, и страха, что он может оказаться последним. Дрожащими руками она заплетала неуклюжие косы, вспоминая парня из параллельного класса, убитого Жнецами совсем недавно.

«Как эти бесчувственные люди в форме понимали, кто действительно мутант, а кого оболгали? Правда ли, что существует изгнание? Чем же все-таки опасны мутанты?..» – подумала Аня, в последний раз взглянув на себя с особой ненавистью и крепко сжав раковину тонкими руками.

В комнату она вернулась уже с невозмутимым видом. Села на кровать и с каким-то странным чувством наблюдала, как брат недовольно отворачивается к стене. Аня не сразу поняла, что просто завидует его крепкому сну. Бессонница мучала ее с тех самых пор, как объявили об охоте. Три недели – срок достаточно долгий, чтобы ощущать усталость от недосыпа и кошмаров, и в то же время, по ее мнению, недостаточный, чтобы обратиться за помощью хотя бы к близким людям.

«Обратиться за помощью?» – Аня вздрогнула от этой мысли. Яркие вспышки-воспоминания о психологической клинике напомнили ей, что «послевоенный стресс» обязывал обращаться к врачам подобного профиля вне зависимости от возраста, пола или ситуации в жизни. А ей так вообще не требовалось прилагать никаких усилий, чтобы приемные родители отправили ее на лечение.

Аня натянуто улыбнулась, сглотнув колючий ком в горле, и что было сил радостно прильнула к кровати брата.

– Эрик! Эрик! Просыпайся! Ты так весь день проспишь!

Ее, несомненно, брала гордость за свою актерскую игру, ведь до сих пор, как бы наигранно она ни улыбалась, никому и в голову бы не пришло, что в душе она сгорает от страха и тревоги.

– Выходной день, – послышался недовольный голос брата, с его утренней хрипотой. – Демон ты маленький, дай поспать.

– Ну Эрик, мы так ничего не успеем! – промямлила она, и резкая волна усталости окатила ее. Правда ли она боялась что-то не успеть? Нет, конечно, нет. Она просто не могла долго находиться наедине сама с собой и торопилась вымотаться так, чтобы терять сознание, как только ее голова соприкоснется с подушкой.

Брат нехотя повернулся к звонкому голосу сестры, всего на секунду приоткрыл глаз и сонно пробормотал:

– Ты что, спала в этом сарафане?

Аня закатила глаза, но тут же усмехнулась, придумав, как кольнуть брата.

– Ну ты бы сказал, что мы спать в этот сектор приедем. Не стала бы наряд брать, осталась бы в пижаме.

– Один – один, – улыбнулся он, оголив клык с правой стороны.

Аню этот клык каждый раз умилял, как в первый. В детстве она всегда доказывала их с Эриком родство тем, кому не стоило знать правду, указывая на эти самые зубы: «Вот видишь клыки – у меня и у него одинаковые! Ы-ы-ы. Мы брат с сестрой, настоящие! Не видишь? Сейчас укушу – и заметишь!»

– Ладно, встаю, – простонал Эрик, и Аня победно улыбнулась.

Голос у Эрика был по-утреннему хриловатым, но в то же время приятным и спокойным. Это успокоило ее, ведь брат по-разному относился к подобного рода баловству. Иногда обнимал так крепко, что она не могла выбраться из его объятий, иногда улыбался и ерошил волосы, неохотно просыпаясь на завтрак, на который сестра не ходила одна. Но бывали и такие дни, когда Аня каждой клеточкой тела чувствовала его раздражение. Она замирала, пытаясь понять, что же сделала не так, и часами глядела в окно, сидя в одной позе, пока брат не выспится. Этого он никогда не замечал, закрывая глаза и проваливаясь дальше в сон.

Она резко подпрыгнула от радости, уперев ладони в кровать, отчего та жалобно заскрипела.

– Смотри кровать не сломай, а то платить придется. Еще подумают чего... неприличного.

Эрик не заставил себя долго ждать. Он натянул свои обычные джинсы и серую майку, оставляя на виду татуировку – черно-красный размытый череп на плече. Собирался он до ужаса устало и нехотя. Эрик, чья жизнь давно утонула в быту, никогда не делился с сестрой переживаниями. Более того, не понимал, что делать, когда сам ясно считывал тревожное поведение Ани. О бессоннице он, конечно, не знал, но почему из ее рук стали все чаще выпадать предметы – догадывался. Еще чаще, чем ронять предметы, сестра начала переспрашивать его о том, что он «только что сказал». Эрик потер затылок и зевнул напоследок:

– Ну, погнажи...

Пару месяцев назад Аня возмутилась бы его мятой майке, но сегодня в ее голове роились вопросы поважнее.

– О чем задумалась?

Аня поправила сумку на поясе и потерла ладонью горящие щеки. За какую бы из мыслей ухватиться?

Они направлялись в парк аттракционов. Аня много читала о нем, восторженно удивляясь размерам каруселей и высоте американских горок, а когда представляла себя наверху колеса обозрения, окидывающей взором весь сектор и его пределы, то просто замирала. Только сейчас колесо не работало.

«Интересно, сколько парк заплатил за несогласованное освещение и ночную работу?» – Мысли в голове Ани завертелись, словно шестеренки. И тут же спутались, когда она решила не мыслить, как «полезный и ответственный» работник, коими их растят. Заниматься расчетами Аня будет тогда, когда займет какую-никакую должность, а сейчас подумает о чем-нибудь другом, лишь бы не о системе.

«Был большой скандал. Скандал – это неприятно,» – тут же завертелось в ее голове.

Недавно в академии с ней случилась неприятная история, она поругалась со старостой в группе. А теперь каждый, кто успел нажить себе врагов даже по пустякам, мог оказаться под прицелом – это ее и пугало. Аня была спокойной, но боевой, всегда умела за себя постоять, а вот врать никогда не умела... И всегда до ужаса переживала, когда ей не верили.

Она уже не раз прокрутила в голове сцены со Жнецами, где каждый их вопрос сопровождался стуком дрожащей челюсти того,

кого они допрашивали. Да что там. Она думала об этом без перерыва.

– Если вдруг кто-то наступит, что я мутант, и меня похитят, то... – Она на минуту замялась, а потом вспомнила, что Эрик привык к ее странным вопросам.

– Так? – Брат с подозрением вздернул бровь.

– ...то какое фото ты возьмешь, если будешь меня искать? Ну, например, с чем в СМИ пойдешь?

– Да, голова у тебя важными вопросами занята.

– Нет, ну серьезно. Вдруг ты выберешь то, где я красивая, с фильтрами, а если меня будут пытаться и мучать, выглядеть я уже буду вообще не так, как на нем.

– Завтра утром, когда ты будешь спросонья, с синяками под глазами, сделаю новое. Его и возьму.

Аня смутилась, но улыбнулась, подумав о том, что брату лучше не засыпать, если он хочет получить такое фото.

Старые маленькие карусели с ярким оформлением словно замерли в довоенном времени, и как бы ни совершенствовались технологии в центральном секторе, до этих малюток никому явно не было дела. Поколение Ани уже тоже должно было точно знать, что стоило развивать, а на чем нужно поставить крест; думать о том, как сохранить стабильность в искусственной жизни под куполом. Потому сейчас, как учили в академии, Аня мысленно соотносила затраты парка на электроэнергию и пользу, которую тот приносил обществу.

Она закивала головой, словно пытаясь выбросить все из головы. Все эти аттракционы развалятся еще до того, как ей дадут важную должность, поэтому самым правильным было просто радоваться тому, что они сейчас здесь.

Чистое голубое небо вдохновило Аню, и она решила покорить все аттракционы за один день, но Эрик остановился на одном, с символическим названием «Под облаками» – он поднимал группу посетителей вверх на десяток метров и резко опускал их чуть ли не до земли. Когда настала их очередь, Эрику хотелось кричать от неожиданности при резком спуске, а Аня смеялась от переполняющих ее чувств.

После, на других каруселях, она каталась уже сама и махала рукой смотрящему на нее Эрику. Про себя он отметил, что тревога Ани

утихла. Она сейчас была очень веселой и беззаботной – постоянно улыбалась.

Их беготня вмиг прекратилась, когда Аня увидела мягкую игрушку, веселого грибочка-мухомора, на призовой полке тира.

– Эри-и-и-и-к, я его хочу-у-у-у, – жалобно протянула Аня. – Очень. Эрик, ну пожалуйста-а-а-а!

– Ты уже взрослая, – усмехнулся он. – Я уверен, ты справишься сама.

Никто из окружающих ни за что бы не догадался, что Эрик и Аня – превосходные стрелки. Более того, это было неизвестно даже их знакомым. И тут не обошлось без Миши Слота – боевого генерала. В мире, где было запрещено даже изучать оружие и думать о нем, ребята с детства нередко проводили время у него на учебной базе. Стрельба была их любимым и чуть ли не единственным развлечением. Но управляющий тира с пластиковым подобием ружья, конечно, ничего об этом не знал. Каково же было его удивление, когда Аня, узкие плечики которой едва виднелись из-за стойки, попала почти во все цели. На последнем выстреле глаза ее заслезились, картинка поплыла, и Аня выстрелила в движущуюся цель по памяти. Несмотря на нравоучения отца, она всегда пыталась опустошить магазин на одном дыхании, не моргая.

– Какой приз выбираете? – восхищенно спросил владелец тира.

– Разве я заслужила? – тихо переспросила Аня.

Высокие требования отца к военной подготовке сделали свое дело – она даже мысли не допускала о том, что ей действительно достанется награда.

– Ох, девушка, лучший стрелок тут попадал в цель трижды. А вы смели почти все!

– Тогда грибочек. – Аня натянуто улыбнулась, подумав о том, что вот сейчас могла навлечь на себя интерес Жнецов.

«Анализируй все перед тем, как что-то делать», – отругала она себя, нервно обнимая детскую игрушку.

* * *

В кино они пошли на новый фильм об агентах, главный герой которого каждое утро будто выпрыгивал из плаката на соседнем доме. Современные кинотеатры сильно отличались от старых благодаря эффекту полного погружения. В секторе № 3 располагался самый большой из них, занимающий половину торгового центра.

Дверь кинотеатра распахнулась, и недовольная Аня покинула зал быстрым шагом:

– Ну что за нелепость? Снова мутанты? Сколько можно одну и ту же тему мусолить...

– Ты не веришь в них? – спросил Эрик, уставившись на электронное табло – меню одной из кафешек, расположенных рядом.

– Я не знаю, во что верить.

– И поэтому ты не дождалась конца сеанса?

– Нет... Я хочу кушать. – Взгляд Ани устремился туда же. – Главная героиня вообще все испортила. Ну, были у ее семьи и друзей небольшие секреты, и что? Разве можно из-за этого подвергать всех опасности?

– Ты выбрала, что будешь есть, кинокритик?

– Да, – смутилась Аня. – В общем, она все испортила. Если бы мыслила здраво и повела себя правильно, все было бы хорошо.

– Но о таких фильмы не снимают, – усмехнулся Эрик, продвигаясь в очереди.

Первыми у кассы стояли мальчик лет двенадцати вместе с матерью – они покупали попкорн. Когда Аня посмотрела на них, то заметила, как с лица первого исчезает улыбка. В толпе начались перешептывания, все взгляды устремились на трех солдат в масках, стремительно направлявшихся к женщине с ребенком. Остановившись в нескольких шагах от них, один из солдат выдвинулся вперед и произнес голосом, сгенерированным под робота:

– Вы были предупреждены. Неповиновение карается смертью.

– Нет! Нет! Подождите! Мы дадим ответ! – закричала женщина, закрывая собой сына.

Солдаты быстро окружили их и оттолкнули мать. Все произошло очень быстро. В толпе росли недоумение и страх.

– Кто-нибудь! Помогите! Сделайте что-нибудь! – Мать пыталась протиснуться между солдатами, но все было напрасно.

Все замерли. На солдатах была форма государственной охраны, на их плечах виднелся символ пятого сектора: нашивка в виде планеты Земля с золотистой цифрой 5 в центре. Отряд Жнецов. Мешать им – означало подписать себе и своей семье смертный приговор.

– Мама! Мам... – Мальчик плакал, ему было страшно. Солдаты быстро скрутили его.

– Ма...

Беззвучный выстрел оборвал плач ребенка. Тишина. На груди мальчика медленно расплывалось кровавое пятно. Солдаты, словно тени, быстро развернулись и пропали так же неожиданно, как появились. Мальчик с широко раскрытыми глазами начал падать на землю, мать подхватила его тело у самого пола. Последний вздох. Женщина пыталась зажать рану, но было уже поздно. Она в слезах упала на колени, громко плача над телом сына.

Аня прикрыла рот дрожащими ладонями, чтобы не закричать, на глаза навернулись слезы. Эрик прижал ее к себе, пытаясь не дать разглядеть происходящее, но было поздно. В нужный момент он сам замер от ужаса.

* * *

Аня долгое время не могла поверить в произошедшие. Она молча дошла до дома, крепко сжимая трясущиеся кулаки, и дала волю эмоциям только после того, как дверь со щелчком закрылась. Она скатилась по стене, крепко взявшись за голову, и крик ее нарастал. Картина убийства застыла перед глазами.

Аня не могла перестать представлять себя на его месте. Паника накрыла ее так же неожиданно, как появились сегодня Жнецы. Внезапные вдохи ее становились все громче, а выдохи тише. Аня словно забыла, как дышать, и каждое движение, судя по хриплом звуку, доставляло боль. Эрик бросился к ее сумке, вывернув ту вверх тормашками, и среди девичьих вещей нашел шприц с успокоительным. Он ловко ввел препарат и крепко обнял сестру, после того как та сильно ударилась головой об стену, и теперь на месте ушиба, словно защищая от очередного удара, лежала рука человека, который всегда был рядом.

Только теперь они оба сомневались в том, что доживут до следующего ее дня рождения.

Глава 3

Леди пятого сектора если чем-то и походила на обычных людей, то чувством страха, которое, как, впрочем, казалось всем остальным, было ей чуждо. Три недели она пыталась убедить себя в том, что ситуация под контролем. Но она теряла его в тот момент, когда ей приходило оповещение о новом мутанте. Воспоминания – отголоски прошлого – застигали ее врасплох. Мелкая дрожь пробила тело, когда Мира думала про первого и, как ей казалось, единственного мутанта. История того рыжего паренька разворачивалась на ее глазах, и именно Леди превратила его короткую жизнь в ад. Но с этим экспериментом было покончено еще до его начала. Откуда взялись новые мутировавшие люди спустя тринадцать лет – можно было только догадываться.

Лучи восходящего солнца первыми заглядывали в ее кабинет, неподвижно висевший в воздухе над самым высоким зданием, словно гроб Соломона, и покрытый зеркальным слоем металла, благодаря чему при свете дня его почти не было видно. Подобного эффекта удалось добиться благодаря мощному электромагнитному полю, и людям, смотрящим на здание с земли, картина представлялась просто фантастикой. Такой же фантастикой казалось добраться туда кому-то без приглашения Миры. Единственный лифт с последнего этажа до ее кабинета охранялся лучше, чем какое-либо вооружение, оставшееся на Земле.

Отсюда открывался роскошный вид на вечнозеленые аллеи с раскидистыми деревьями и просторные маленькие дома, сюда же

подавали самый свежий, витаминизированный воздух. «Нерациональное использование места» – гласила статья, в которой критиковалась шикарная жизнь пятого сектора. Статья так и не вышла в свет. Даже Господу Богу, если он, конечно, еще наблюдал за этим, кажется, им же забытым местом, было не известно, куда делся ее автор – назойливая девушка-журналист. Но если вернуться к девушке, что собиралась расписать статью о классовом неравенстве в их едва уцелевшем мирке, то сама Мира прекрасно знала, что та нынче кормила выживших зверей за стенами купола.

«Нам не хватает кислорода!» – было написано в одном из провокационных абзацев.

«Вот для таких случаев и существуют изгнание и казнь», – улыбнулась Мира, вспоминая их с ней последний разговор. Она обожала разговаривать лично с каждым, кто пытался противостоять ей. Она шла к власти с самых низов, добивалась признания тяжелым трудом. Улыбнуться, глядя в лицо людям, оказавшимся по ту сторону ее мнения, было ее огромным утешением. Мира вспоминала себя, молодую революционерку. Вспоминала, как за ней шли люди. За ней – шли, а за теми, кто против нее – нет.

«Госпожа Мира, вас просят пройти в лабораторию», – прозвучал в стенах голос виртуального помощника, которому можно было доверять. «Он не солжет информацию о тебе журналисту, не выдаст твой маршрут революционерам, и зарплату платить ему тоже не надо, – так думала о нем Мира, спускаясь в лабораторию, и, уловив запах лекарственных препаратов, заключила: – Да и на больничный он не уйдет». Она остановилась на застекленном балконе, откуда было хорошо видно всю лабораторию внизу: только новая техника, только масштабные эксперименты для того, чтобы вернуться к нормальной жизни на земле, а не выживать в бетонных стенах.

Ее амбиции поугасли больше десяти лет назад, и если раньше она с особым удовольствием следила за опытами над людьми, ожидая колоссальных результатов, то сейчас находится тут – сродни пытке. Сколько было тому рыжему пареньку? Три? Четыре? Неважно. Важно, что эксперименты над ним дали единственный положительный результат. Откуда...

– Откуда взялись эти? – озвучила она вопрос вслух, поправив мятный пиджак на плечах.

– Т... третий и ч-четвертый купол, – выдавила из себя сотрудница в медицинском халате, поправляя очки. Золотой бейджик говорил о том, что в лаборатории она главная. А неряшливо завязанные в хвост каштановые кудри и синяки под глазами намекали на бессонные ночи и быстрые сборы.

– Иванка! Ты понимаешь мой вопрос! Мне не важно, где они жили! Эти дети! Откуда они взялись? Как они мутировали?

– Я... Я не знаю. Я уже запросила все: карты из больниц, поликлиник, стоматологий, роддома. – Иванка сжала папку с документами, та больно врезалась в кожу.

– Узнай все! Кто их родители, соседи, учителя, стоматологи! Когда им делали операции, пересадки! Все!

Иванка Рихтер, или, как называли ее в далеком прошлом друзья, Иви, была одной из немногих, кто знал, что мутация этих детей была настоящим чудом, а после Третьей мировой в чудеса тут никто не верил. И Леди это знала. Она тяжело вздохнула.

– Ив, скажи мне... Чисто теоретически. Тот, первый, малец мог выжить? – прошептала Мира. – Может, это вирус? Пересадка органов? Его дети?

– Нет, – робко ответила врач. – Точно не вирус. Мальчишка точно мертв, и его смерть не могла повлиять ни на что. Мутация этих детей другая.

– Значит, где-то есть еще один экспериментатор...

– Или был, – обронила Иванка и тут же осеклась. Хмурый взгляд Леди заставил ее сердце замереть. – Мы еще не проверяли теорию о том, что дает мутация этим детям, не видели ее... только проводили тесты.

– Чего так долго? – брови Леди Миры нахмурились, голос стал громче.

Долго? Иванка побоялась заикнуться о том, что эти двое – единственные, кто согласился сдать, остальных, кто не соглашался на эксперименты, которые подавались под предлогом лечения, Мира сама велела публично казнить.

– Их всего двое. Опасно выпускать за стены. Может... Может, мы не будем предоставлять выбор на изгнание за купол? Тем более убивать. Может, арестовывать?

– А родственникам что говорить в случае смерти? Вышел за купол погулять? Ты видела? Эти мутанты сами под пули кидаются, когда Жнецы появляются. Неконтролируемого сброда в лице агрессивных граждан меньше будет. Пример остальным, что с властью надо содействовать. Ваша задача найти мутаген. Что непонятного?

– Мира, вам, наверное, уже докладывали, но вскрытие убитых Жнецами показало, что не все казненные были мутантами.

– Тем лучше.

На последней фразе эхо ее голоса прорезал громкий стук металлической подошвы. Отряд Приспешников вернулся с вылазки за стены. По помещению развеялся приятный запах озона. Озоновый слой давно разрушен, и если большими усилиями под куполом смогли воссоздать все условия для жизни, то запах его присутствовал только в моменты возвращения солдат. Он, словно осколками, остается на земле приятным воспоминанием о том, что раньше можно было жить за пределами купола.

На лице Леди появилась теплая улыбка:

– Вы с хорошими новостями, господин Арес?

Его имя она произнесла с особой любовью, ведь этим сверхсолдатам, выдрессированным и обученным для вылазок, маленьким детям, сиротам войны, показавшим лучшие результаты в детском доме, имена давала именно она. И всех считала своими. Своими сторожевыми псами, которым могла доверять.

Многофункциональный респиратор, закрывающий половину лица Ареса, замигал красным. Он фильтровал окружающий воздух и вырабатывал кислород для вылазок. Батарея садилась, и это означало, что солдат провел на ногах без сна и еды двое суток. Также маленьким упущением в разработке респиратора стало то, что он вырабатывал больше привычного количества кислорода, и потому при возвращении под купол у солдат возникали проблемы: от перенасыщения, а потом от резкой нехватки кислорода наступал крепкий и глубокий сон как минимум на несколько суток, а после начинались жуткие головные боли. Вот и сейчас картинка перед глазами Ареса плыла, а мысли туманились. Приевшийся запах малознакомых препаратов гаджет не пропускал, но от этого находиться в лаборатории приятней не становилось.

Пользователей таких масок, подвергающих свой организм жутким нагрузкам, было всего пятеро – они и составляли Отряд Приспешников. Облегающий защитный экзоскелет со светящимся (в случае Ареса – синим) узором и свободными штанами поверх него отлично подходил для походов во внешний мир. Он позволял хорошо маскироваться, а защитные очки с фильтром-маской давали возможность подолгу изучать местность вне купола. Выискивать и отслеживать Диких мутантов, их поселения – это и являлось основной задачей Приспешников.

Также им выдавали самое лучшее вооружение и различные приспособления для выполнения операций: передатчики для связи со штабом и передачи данных, диктофоны, устройства, воспроизводящие различные звуки, наборы скоросшивателей кожи на случай ранений (секретная разработка биологов в штабном институте), противоядия и многое другое – все это компактно умещалось во множестве небольших карманов костюма. Маска же, помимо того, что обеспечивала кислородом, обладала функциями видеозаписи во множестве режимов, ночным, тепловым и инфракрасным зрением, усиливающими слуховыми репитерами, а также могла мигать разными цветами – каждый цвет означал что-то определенное, а расшифровка была известна только Приспешникам и их командующим.

– Отчет я сдал, буду ждать, когда вы с ним ознакомитесь, – холодно ответил Арес.

Ярко-синие кончики его волос, пыльные после вылазки за купол, колыхнулись от скользящего по коридору сквозняка. Арес повернул голову навстречу потоку и тут же пожалел об этом: холод прошелся по бритым вискам.

– Но вы с пустыми руками, верно? – уточнила Мира.

Он не видел, но знал, что улыбка с лица Леди исчезла.

– Когда же вы найдете хоть одного Дикого мутанта?

Краем глаза Арес заметил мельтешение в лаборатории под ними. С этого места его однажды заставляли наблюдать за самой жуткой операцией. Вскрытие первого плененного вонне мутанта. Поймали его тогда как раз Приспешники. Откуда он взялся и как выживал – не знал никто. А после увиденного ребята из отряда пообещали друг другу больше никогда не искать Диких и ни под каким предлогом не приводить их под купол.

«Если бы госпожа узнала, – думал Арес, – казнила бы их без промедлений. Это же настоящий саботаж...»

Но сейчас врачи лаборатории вновь вернулись к экспериментам. И единственное, чем тешил себя солдат, было то, что этих детей привели Жнецы, а не Приспешники. Как бы он ни хотел, взгляд от операционного стола отвести не мог. Знал ведь, что, если он *этого* не видит, не значит, что *этого* нет.

По количеству капельниц у детей он предположил, что они будут оперироваться под наркозом. «Милосердно», – возмутился в мыслях он. Если вообще что-то в стенах этой лаборатории можно было назвать милосердным. Арес был в курсе местной суматохи, знал, кем, по словам государственной пропаганды, они являлись, и дрожь пробрала его тело. Сон на минуту как рукой сняло. Но всего на минуту.

– Отчет я сдал, буду ждать, когда вы с ним ознакомитесь, – повторил он и поспешил покинуть балкон.

– Иногда мне кажется, что толку от них в последнее время мало, – фыркнула Мира.

– Я знаю, сейчас, наверное, не время, но я просила вас заглянуть сюда не из-за мутантов, – вклинилась Иванка, пока размышления Миры не перешли на уровень новых приказов.

– Нет?

– Нет. Я хотела рассказать о вашем телохранителе.

– Он пришел в себя? – удивленно спросила Леди. В такие моменты даже Иванке казалось, что у этой беспощадной женщины остались хоть какие-то чувства.

– Конкретно в себя он никогда, кажется, больше не придет. Понимаю, что он спас вас во время нападения, но пуля сильно повредила мозг. Мы сделали все, что могли... И мы, врачи, – уточнила Иванка, снимая с себя груз ответственности, – все-таки советовали найти вам нового охранника. Но, как вы и просили, мы усовершенствовали экзоскелет, и теперь ваш телохранитель является его частью. Он претерпел довольно большие изменения за эти три недели, не уверена, что вы его узнаете.

– Мой статус позволяет мне принимать решения самой в этом гниющем мире. Мне нужен он! Живой или мертвый. – В голосе леди проступала несвойственная ей тревога, и Иванка тоже испугалась.

«Тогда он подойдет и в таком состоянии», – заключила она. Телохранитель, следующий за Мирой со времен первой революции, когда она, будучи голосом народа, заняла управляющую должность. Человек, которому госпожа доверяла как себе. «Живой или мертвый – он не стоит и сотни лучших солдат», – злилась она, распорядясь вытащить его с того света любыми способами.

Его ранили при нападении на Миру. Деспотичную Миру, угрожающую гражданам расплатой за любое неповиновение. Была ли Леди, за которой так слепо ступала Иванка, такой всегда? Да, пятнадцать лет назад уже была.

Казалось бы, то, что случилось в прошлом, должно было там и остаться. Но потом появилось это видео... Иванка бы отдала все, лишь бы недавнее доказательство того, что мутанты живы, не попало в сеть. Лишь бы никто не узнал об их существовании... даже если эти мутанты – последняя надежда человека остаться на земле.

Иванка, усердно выцарапавшая себе первое место среди ученых умов, все не могла понять, в какой момент череда событий завела ее не туда. Или она просто не хотела признаваться себе, что не сбежала с этого аттракциона жестокости вовремя сама? «Стоило уйти, как только я заподозрила неладное, нужно было спасти того мальчика пятнадцать лет назад. И он стал бы спасением».

Карамельного цвета каблучки застучали, когда Мира уходила в сторону следующего корпуса, а Иванка Рихтер осталась наблюдать за двумя невинными мальчишками. Их подготовили к операции, уже надевали маски для наркоза. Ребята не были напуганы, ведь она сама сказала им, как и тому рыжему пареньку пятнадцать лет назад, что после операции те вернутся домой. Иванка снова солгала.

Глава 4

Аня и Эрик вернулись домой за полночь, слишком уставшие для того, чтобы разбирать вещи. Да и родители уже спали. Менее впечатлительный Эрик почти мгновенно провалился в сон. Но длился он недолго. Тихий плач, эхом проносившийся по комнате, разбудил его.

– Он... мутант... п-правда? Он р-ребенок. У-убили р-ребенка.

– Что случилось? – спросил Эрик, сквозь сон отыскав источник звука.

– Не могу, – завывающе ответила Аня. Она сидела, прислонившись спиной к стене и обхватив руками колени, пряча в них заплаканное лицо. – Я закрываю глаза и вижу все это... Солдат, слезы мальчика, кровь на полу... Слышу плач его матери... Это невыносимо, Эрик! Разве мутанты существуют на самом деле?!

Эрик тяжело вздохнул и с усилием встал с кровати. Покачиваясь, он добрал до сестры, уселся рядом и откинулся на стену.

– Ты помнишь что-то о войне? Не со слов других людей, – тихо прошептал он. Долго тянул с этим разговором, но осознал, что лучше момента уже не будет. – Ты ведь была совсем ребенком и не помнишь ее, так?

– Не помню. Только рассказы Миши.

– А кто-то и этого не знает, – с целью подбодрить произнес Эрик, но цели он явно не достиг. – Дело в том, что последняя ракета... Она изменила генетический код всего вокруг. Я тогда был совсем маленьким, мы с мамой жили на военной базе, под куполом. Конечно, там все было очень строго, и я не мог видеть того, что происходит

снаружи. Но я замечал то, что мелькало за открывающимися воротами. Всего за пару последних месяцев войны все вокруг стало другим.

Эрик затих, вспоминая военное время. В его голове снова ожили забытые картинки тех кошмаров, которые он долго скрывал от самого себя в попытках от них избавиться.

– Другим... это как? – спросила Аня после паузы. Ей казалось, что она слышит учащенное сердцебиение брата, всегда казавшегося ей таким спокойным и невозмутимым.

– Бесплодная, сгоревшая земля начала прорастать. Деревья, кусты, трава – все это словно поднималось из пепла. Они зацветали алыми красками. Отец тогда сказал, что цвет растений должен был измениться на белый, чистый, как новый лист, но почта слишком пропиталась кровью. И словно в наказание за то, что сделал человек – дышать за куполом никто больше не мог.

Эрик снова замолчал. Ему было тяжело говорить. Он прекрасно осознавал, что прежней беззаботной жизни и бескрайнего мира больше нет. Все изменилось слишком неожиданно. И теперь, куда ни глянь, вместо красочных полей и лугов, уходящих за горизонт, взгляд натывается на восьмиметровую бетонную стену.

– Что касается людей – я только слышал о мутациях, но сам никогда их не видел. В основном это дети тех женщин, что были вне купола, когда взорвалась ракета – МОР. На них самих взрыв почти не повлиял. Так, проходящая тошнота и рвота. А вот их дети... Говорят, они были опасны для людей, потому что не контролировали свою ярость и агрессию, что ли... Я не знаю. Говорят, долго не жили. Знаю только, что недавно нашлись выжившие, и на них началась охота. То, что мы видели, было публичной казнью одно из них.

– И им даже не пытались помочь?

– Ну, поговаривают, им предлагают выбор – принять вместо смерти изгнание за купол, – пожал плечами Эрик. – Единственные, кто знал хоть что-то о ракете и о последствиях ее взрыва – создатели, казненные после подписания правительством мирного договора между секторами. За преступление против человечества. И теперь никто не знает, что это за мутация и как с этим бороться.

– Я не про такую «помощь». Я про лечение.

– Говорят, что разрабатывают, но это не точно. Я, правда, не углублялся в эту тему...

– Почему об этом не рассказывали раньше? Почему сейчас просто убивают?

– Аня, люди боятся того, чего не знают и не понимают. А уверенно сказанная информация, транслируемая от имени власти, замещает пустоту в головах обычных граждан, выдавая неизвестное за факты. Людям, на которых объявлена охота, необязательно быть плохими. И мне жаль, что мы поняли это в таких условиях.

Эрик затих, видя, что эмоции Ани поутихли и она прикрыла глаза, словно представляя, будто это все страшный сон. Ему хотелось верить: рядом с ним сестра чувствовала себя в безопасности. Это все, что он мог. Уже молча Эрик продолжил вспоминать войну и жизнь до нее. Внезапно вспомнилось знакомство с Аней, маленькой перепуганной девочкой, которая неделями молчала с момента появления у них дома. Ту ночь, когда она вся в слезах разбудила Эрика и попросила отвести ее домой, а он, как благородный рыцарь из сказок, что ему тогда читали, пообещал защищать Аню, пока не придет ее мама. Но Эрик не знал: мама за ней уже никогда не придет.

* * *

– Вставай, пора собираться.

Эрик едва коснулся бледного плеча Ани. Он так и не сомкнул глаз.

– Ммм... Который час?

Потягиваясь, она неохотно открыла покрасневшие от недосыпа и слез глаза. Заметив усталое и безэмоциональное лицо брата, поняла, что причина в ней.

– Прости. Я испортила тебе сон?

– Я не спал, солнце, только в этом нет твоей вины.

Аня не поверила. Вину она ощущала каждой клеточкой тела, и все, чего сейчас хотела, так это провалиться сквозь землю. Поэтому торопливо начала сборы.

За завтраком она рассказала Мише, как они провели время в третьем секторе, а Эрик помог, иногда разбавляя рассказ шутками. Миша был рад тому, что ребята здорово провели время – это было заметно по его улыбке.

Лида не разделяла его радости, но не смела демонстрировать это при муже. Чего стоит один только его неодобрительный взгляд!

Аня чувствовала себя разбитой, проспав немногим более полутора часов. Веки казались тяжелыми, и ей стоило немалых усилий не сомкнуть их прямо за столом. Тучу над ее головой также нагнетала неожиданная новость: мачеха выходила на пенсию. Аню новость, очевидно, не обрадовала: меньше всего она любила оставаться дома наедине с Лидой. И поэтому сегодня она специально отправилась в академию пораньше.

– Доброе утро! – радостно встретил ее Макс, отодвигая стул. – Опять всю ночь на единорогах каталась? – улыбнулся он, пытаясь спрятать тревогу за подругу, что его не отпускала. Аня имела неосторожность написать ему ночью сообщение об увиденном у кинотеатра. И как же больно было получить в ответ радостную реакцию на убийство «чудовища»! А следом сообщение о том, что эту публичную казнь он видел на экране!

Аня, недовольно хмуря брови в ответ, молча упала рядом за парту. Бывали дни, когда она звонила Максу и просила прийти раньше, чтобы он бесконечно рассказывал о новинках игрового мира, о гиперпекающей маме... о чем угодно, лишь бы не оставаться одной! Но не сегодня. После его последнего сообщения она ему в сети больше не отвечала.

– Да ладно. Рассказывай, как отдохнула?

– Макс, не сейчас, ладно? Я посплю немного. Посторожи мой сон, пожалуйста.

– А ты простишь меня, если я послушно посторожу?

– Бог простит, – непривычно резко ответила она.

– Но ты же все время утверждаешь, что Бога нет.

– Именно, – прошептала Аня и медленно опустила тяжелую голову на парту, затем почти сразу же провалилась в сон. Ее опять застала череда кошмаров, и единственное, что радовало ее сегодня – так это быстро пролетевший день.

* * *

– Не хочу домой, – тихо произнесла Аня, сидя с Максом на лавочке академического двора. Ее обида поутихла с тех пор, как Макс торжественно поклялся никогда не называть мутантов «чудовищами» и больше не смотреть публичную казнь.

– Может, в баскетбол поиграем? – Макс указал головой в сторону парней, перебрасывающих мяч на площадке.

– Не шути так, тебя же там сметут. Как, впрочем, и меня, – усмехнулась она, рассматривая высоких спортивных ребят из старших классов. Макс заметно смутился.

Повисла неловкая пауза. Макс не был создан для физических нагрузок: худой и щуплый, со светлыми кудрявыми волосами и маленьким прямым носом на детском лице, он походил скорее на ученика младших классов, чем на Аниного ровесника. Тем не менее Аня считала Макса довольно милым и интересным, хотя другие ребята с ним почти не общались.

– Все равно – домой не хочу, – опустила глаза она.

Макс только успел открыть рот, чтобы ответить, как его перебил грубоватый мужской голос:

– Так не ходи.

На спинку лавочки присел высокий рыжий парень.

– Дюк?! – удивленно воскликнула Аня и от неожиданности даже подскочила.

– Ну да, с утра вроде был им, – осмотрел он себя.

– Да похож, похож, – от смешного выражения его физиономии Аня громко засмеялась и поймала себя на мысли, что почему-то очень рада его видеть. – Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен сейчас работать с Эриком?

– Обед. Мне некому собирать его, чтобы взять с собой, – улыбнулся Дюк. – В отличие от Эрика. Вот, прогулялся до нового кафе. Кормят жутко, если честно. – Последнюю фразу он произнес шепотом, прикрыв лицо ладонью, словно по секрету.

Да, мачеха собирала с утра по три контейнера, вместе с десертом. Конечно, Эрик не успевал все это съесть и часто угощал ребят на работе. Аня смутилась, когда поняла, что брат не угощал друга.

– Я, наверное, пойду... – смущенно выговорил Макс. Он резко вскочил со скамьи, слегка приобнял Аню, прощаясь, – это вышло неловко, и он поторопился испариться. Наверняка не ожидал, что у

Ани есть такие знакомые, как Дюк: высокие, со шрамами, натренированным телом, пронизательным взглядом, – чертовски привлекательные, иными словами. Да, именно это словосочетание Аня использовала бы, если бы взялась описывать его.

– Странный, – прокомментировал Дюк, заметив скованное поведение Макса.

– Кто бы говорил.

– Я тут подслушал немного. И... Если ты не хочешь идти домой, может, потусуешься у нас в автосервисе?

– А можно?

– Ну, если предлагаю, значит, можно, – с улыбкой пожал плечами Дюк.

Автосервис находился через здание от дома Эрика и Ани, у дороги. Довольно жуткое строение с безвкусной вывеской, несколькими гаражами и большим подъемником во дворе. Пахнущее маслом и железом, оно всегда вызывало у Ани любопытство. Во время каникул она частенько провожала брата на работу, прогуливаясь с ним по дороге, но внутрь он ее никогда не приглашал.

Дюк явно старался найти общий язык и первый попытался начать разговор:

– Ты уже думала, чем будешь заниматься? В смысле, когда окончишь академию. Куда пойдешь учиться дальше?

– Я не доверяю тебе настолько, чтобы говорить об этом.

– Да брось...

Аня заметила, что Дюк немного поник, и ей стало стыдно.

– Эй, рыжий лис, поторопись! У тебя срочный клиент. – Массивный мужчина, стоявший у дверей, окликнул Дюка голосом генерала, который не терпит возражений.

Ребята машинально прибавили шагу.

– Я вам тут нового работника привел! – крикнул Дюк, открывая дверь сервиса. Его голос эхом прокатился по помещению.

Все подняли головы, чтобы взглянуть на «нового работника», и тут же опустили их, заметно разочаровавшись.

– Да чтоб меня шиной накрыло! Это же девочка! Какой работник! – бросил грязную тряпку пузатый мужик в кепке. – А я уж поверил.

– Ну, вообще-то сестра Эрика. Это во-первых. Во-вторых, Эля вроде из-за ребенка хотела увольняться. Что-то с садом. Может, она полдня возьмет? А Аня после занятий за нее.

– Я... это... – Аня, внезапно даже для себя, начала заикаться от неожиданности. – Ты же сказал – просто потусуюсь! – прошептала она Дюку.

– Ну, а я и не солгал. Сейчас устроим тебя, и я все покажу и расскажу. Разве тебе не нравится эта идея? – ответил он, склонившись к ее уху и вновь по-лисьи ухмыляясь. От теплого дыхания Дюка Аня смутилась. – Эрик, что скажешь? – крикнул он, поднимая голову.

– Пусть решает сама, я не против, – пожав плечами, ответил Эрик.

Аня заметила брата не сразу: он стоял на лестничной площадке второго этажа, одетый в форму – испачканный машинным маслом комбинезон, спущенный до пояса, как всегда бывало в обеденный перерыв, – и держал в руке чашку с горячим чаем. Он тоже покинул комнату отдыха, чтобы взглянуть на нового работника. С того места, где он стоял, можно было наблюдать за работой всех механиков, комната диспетчера находилась рядом.

– Я хочу!

– Чего ты хочешь, детка? – удивленно оглянулся Дюк.

– Работать здесь хочу!

Как объяснили ей Эрик с Дюком, работа Эли заключалась в том, чтобы принимать звонки, записывать на прием клиентов и раз в месяц составлять график работы. Помогать ей с первым и вторым пунктом предстояло Ане. Когда она закончила заполнять всевозможные анкеты и подписывать документы, регламентирующие предстоящие обязанности, внимание ее приковал процесс работы Дюка и Эрика. Эрик заезжал под машину на воздушной доске с диагностическим планшетом, а Дюк подключал бортовой компьютер к стойке и считывал данные. Улыбаясь, Аня продолжила наблюдение, уже стоя на балкончике и слушая их диалог.

– Как обычно, Эрик?

– Да. – Подбросив гаечный ключ, он опять опустился на доску и вернулся под днище автомобиля.

– Как обычно? – незаметно для себя Аня произнесла это вслух.

– «Как обычно» означает, что Эрик занимается ремонтом механики, а Дюк переустанавливает искусственный интеллект, –

объяснила проходящая мимо Эля. – Просто у Дюка был очень печальный первый опыт с одной капризной дамой... – загадочно засмеялась она.

– Что-то случилось? Что-то плохое? – взволнованно произнесла Аня. Почему-то ей не хотелось слушать о неприятностях, произошедших с этим странным парнем. Не хотелось знать, что они вообще у него есть.

– Искусственные интеллекты в основном носят женские имена. Их тоже надо проверять, а то «Аврору», ту самую капризную даму, привезли якобы с технической проблемой, а она просто взяла и поехала по делам прямо с места ремонта, едва не раздавив Дюка, – тяжело вздохнула Эля. – Поэтому теперь Дюк всегда отвечает за искусственный интеллект и работает в паре с Эриком.

* * *

Уже через неделю работы в сервисе Аня освоилась и влилась в коллектив, подтянув при этом учебу, чтобы не возникало проблем в гимназии. Миша Слот просто сиял от счастья. Оставался всего один вопрос.

– Почему ты сразу не сказал, что предложишь мне работу? – поинтересовалась Аня у Дюка, когда они вдвоем отдыхали в обеденный перерыв, удобно устроившись на лавочке у сервиса.

Мастерская сегодня пустовала, и погода была на редкость хороша. Эрик и Дюк, в майках и, как обычно, спущенных до пояса на время отдыха рабочих комбинезонах, сидели по краям, а Аня расположилась между ними.

– Я и сам не знал, – признался Дюк, дожевывая бутерброд.

– Как так? – засмеялась Аня, принимая его ответ за шутку.

– Просто эта мысль возникла у меня прямо на пороге сервиса.

Прошел месяц со дня возвращения ребят из третьего сектора. Эрик стал забывать о публичной казни. Но Аня – нет.

– Дюк, а что ты знаешь о войне?

Парни удивились такому неожиданному вопросу. Оба резко выпрямили спины, разглядывая Аню широко раскрытыми глазами. Затем Эрик, понадеявшись, что на этом вопросе разговор закончится,

позволил себе немного расслабиться, хотя начал внимательнее следить за беседой.

– Кхм... О войне спрашиваешь... – В руках у Дюка был недопитый газированный напиток, и, задумавшись, он начал вращать банку по кругу, всматриваясь внутрь через маленькое отверстие. – О войне спрашиваешь, да? Люди воевали, убивали друг друга, создали какую-то особую ракету, запустили... И, собственно говоря, все. Теперь мы здесь, под куполом.

– Ну... Не так содержательно, как я ожидала, но спасибо и за это. Эрик, я тут подумала... Может, мать того мальчика знает что-то? – резко повернулась она к брату.

Ситуация вышла неловкая: Дюк не знал о публичной казни в третьем секторе, а Эрик, видимо, не торопился рассказывать ему об этом. Оба удивленно посмотрели на Аню, и она поняла, что сказала лишнее.

– Что случилось? – спросил Дюк, глядя на Эрика и хмуря рыжие брови.

– Публичная казнь, но я не хочу ни думать об этом, ни говорить, – быстро ответил Эрик.

– Но... – Аня не успела ничего произнести, Эрик поспешил ее перебить:

– Закрыли тему, сейчас же! – В голосе Эрика слышались такие редкие и нехарактерные для него, но четкие нотки раздражения.

Дюк искоса посмотрел на Эрика, и напряжение усилилось.

– Ладно, – поднялся Дюк. – Чем займемся? Я слышал, довоенный фильм про оборотней вышел в прокат. Его там здорово переделали в графике. Может, посмотрим?

Недолго думая, Эрик предложил после работы собраться у них.

Позже, закупив чипсы с пивом и мороженое для Ани, ребята пошли домой. Лида новому гостю не обрадовалась: Дюк с его набором шрамов явно ей не понравился. Но отец Эрика был дома, поэтому ее мнение никого не волновало.

– Миша Слот, – протянул руку он, представляясь.

– Дюк, приятно познакомиться. – Друг Эрика улыбнулся как-то по-идиотски, показав белоснежные зубы, и ответил крепким рукопожатием.

– Ты чего такой покоцанный? Прямым с фронта пришел? – рассмеялся Миша.

– В детстве не мог усидеть на месте, – все так же улыбаясь, проговорил Дюк.

Он никак не мог решить, что его забавляет в отце Эрика больше: смех или манера разговора.

– До чего классный у тебя батя, дружище! – воскликнул он уже в комнате у ребят, сидя на полу у матраса и раскрывая пачку чипсов. Его переполняли эмоции. – Он такой веселый, добрый... – погрустневшим вмиг голосом продолжил он, вспоминая, как рос в детском доме, хотя отца своего помнил прекрасно. Как они играли в футбол на спортивном поле, летом смотрели на небо, усыпанное звездами, изучали динозавров по энциклопедиям, страницы которых Дюк уже знал наизусть, как папа читал ему сказки на ночь и говорил, что сильно любит его и что Дюк так много значит для них с мамой. – Ну так что, смотрим фильм? – наигранно взбодрился он.

Фильм, возможно, и был интересный, но Аня уснула после первых двадцати минут, положив голову на плечо Эрика.

– Давай я переложу ее, тебе неудобно.

Дюк поднял Аню на руки и аккуратно уложил ее на матрас.

– Она похожа на грибочек, – нежно улыбнулся он, занимая место Ани возле Эрика на полу.

– Грибочек? – переспросил Эрик.

– Да, на поганку. Такая же бледная.

– Я думаю, грибы за куполом сейчас красные.

– И то верно, – согласился Дюк, задумавшись. – Что случилось во время поездки?

– Публичная казнь. Аня не могла спать, я рассказал ей про болезнь.

– И ты не хочешь знать правду?

– Нет, – немного помолчав, ответил Эрик. – Оно того не стоит.

«Оно стоит куда большего», – подумал Дюк и посмотрел вверх.

– Красиво... – прошептал он, рассматривая небо, нарисованное на потолке.

Утром Дюку не хотелось возвращаться в свою маленькую квартирку три на три метра, которая выдавалась детям-сиротам по достижении шестнадцати лет – ее стены просто давили все то время, пока он находился там. Более того, нагнетающий эффект стен стал хуже, когда Дюк понял, что не все живут так, как он во втором секторе.

Как утверждал Дюк, из друзей у него был только Эрик, поэтому на день он тоже решил остаться, с позволения Миши.

– Ты правда из второго сектора? – спросила Аня, поравнявшись с ним.

– Да, – кивнул Дюк, доедая на ходу дешевый бутерброд, разогретый в микроволновке продуктового магазина, с таким удовольствием, словно это была еда богов. Соус, явно чем-то разбавленный, стекал с его бледных рук.

– И правда детдомовский выпускник?

– Это тебе Эрик сказал?

Дюку, конечно, было лестно осознавать, что им так заинтересованы и даже обсуждают между собой, но начал переживать о содержании разговора.

– Я лишь сказал, что у тебя, насколько я знаю, нет родственников, – вмешался Эрик в попытке сбросить с себя клеймо сплетника и недовольный взгляд Дюка.

– Все верно, детка. Я из второго сектора, детдомовский. Из тех ребят, от которых обычно говорят держаться подальше.

– Я не об этом. Мне просто интересно, как там живут люди. Я никогда не была там.

– Как в аду, солнце мое, – прошептал Дюк. – Но выжить можно.

– Я могу приехать к тебе в гости?

– Не можешь. – Резкие слова Эрика заставили Аню немного отпрянуть от Эрика, и, пошатнувшись, она чуть не врезалась в Дюка.

– Можешь, конечно. – Дюк удивленно посмотрел на Эрика, но, поймав на себе грозный взгляд, добавил: – Но тебе явно не понравится. И коменданты могут тебя съесть.

– Какие коменданты? – заморгала Аня.

– Собаки-людоеды.

– Ты врешь, – возмутилась Аня, но Дюк промолчал. – Эрик, он врет?

Дюк отошел в сторону, выбросил упаковку от еды. Он явно не желал продолжать разговор дальше. Эрик же просто отрицательно помотал головой. Когда они подходили к вокзалу, уже ненадолго отошел сам Эрик, чтобы купить Ане газировки, и та решила воспользоваться моментом.

– Я слышала... – тихо прошептала она, смущенно поднимая взгляд на друга.

– Что слышала? – наигранно усмехнулся Дюк, уже догадываясь, о чем пойдет речь.

– Я слышала, как вы говорили с Эриком вчера. – Аня закрыла глаза, ожидая поучительных фраз о том, что так делать нехорошо. Но реакции не последовало.

– Так?

– Я хочу... Хочу правду знать. Я плохо сплю...

– Хм... Мы что-нибудь придумаем, – улыбнулся Дюк, взъерошив Ане волосы.

– Ты ведь соврал про собак-людоедов?

– Я все тебе расскажу. Только позже, – подмигнул он и прижал указательный палец к губе.

Глава 5

Страх имеет свойство утомлять. И, когда бояться нет больше сил, человеку проще убедить себя пойти на риск. Будет ли риск оправдан? Это всегда зависит лишь от того, какой вывод мы сделаем в конце, когда последствия настигнут нас с головой.

Но сейчас Аню нагнали только сомнения – кажется, Дюку она поверила зря.

– Где вы? Почему не на работе? – кричал Эрик в телефонную трубку, нервно расхаживая по своей комнате. Он специально ушел из мастерской в надежде найти Аню дома. Она давно должна была вернуться из академии. Но ее не было. На звонки тоже не отвечала, и более того, как сказал ее куратор, на учебе сегодня не появилась.

– Спокойнее, парень. Мы отпросились, – хорошо контролируемым голосом ответил ему Дюк.

– Это мне уже сказали! И куда вы поехали? В третий?! Мало того, что ты меня не предупредил, так ты еще отпросил ее с учебы, прикрывшись моим именем, Дюк! – Эрик не мог найти себе места от злости и беспокойства.

– Извини, связь пропадает. – От нежелания слушать это Дюк закатил глаза.

– Что? Гд... – Эрик не успел договорить – пошли короткие гудки.

– Что случилось? – вмешался Миша, обнимая Лиду на пороге комнаты. – Что-то случилось с Аней?

– Аня... Она... Пап... – От растерянности Эрик едва выговаривал слова. Остановившись, он с размаху опустился на матрас и закрыл

ладонями лицо.

– С ней что-то случилось? – поинтересовался отец участливо и сел рядом.

– Она прогуляла сегодня учебу. Пока не знаю, как это повлияет на табель, но это не самое страшное. Кажется, она с моим коллегой с работы, и они, – Эрик усмехнулся, но смешок этот до ужаса походил на тот, что издают на грани истерики. – Кажется, они отправились в третий сектор.

– Зачем? Свидание? – усмехнулся Миша. – Ох проказник. Я сразу заметил, что она ему понравилась!

– Если бы, – прошептал Эрик, глотая колющий ком в горле. – В третьем секторе мы видели публичную казнь мальчика. Лет двенадцати... Аня очень сильно переживала, много плакала, не могла спать. И я рас... рассказал ей о ракете, о взрыве... И о последствиях. О том, что рассказывал ты, то, что помнил сам. Ты сам знаешь, что это отличается от официальной версии.

Миша не сразу заметил, что у Эрика трясутся руки. Очень непривычное состояние для его сына. Насторожился и он.

– Ну, и что ты ей рассказал?

– Сейчас не совсем это важно. Важно, чтобы они не сказали о причине поездки кому-то еще. А я уверен, что причина – в этой казни. Я не хотел говорить о Дюке плохо, потому что парень-то он хороший, но подозрительно часто поднимал тему охоты в неподходящем месте, все расспрашивал про казнь, которую мы видели, и я уверен, у него есть заинтересованные в этом знакомые. – Эрик попытался унять дрожь, прижимая ладони к коленям, отчего те тоже начали мелко подрагивать. – Я боюсь, что он втянул в это Аню. Кажется, они поехали к семье убитого мальчика.

– Ха, да не переживай! Где они сейчас найдут ее! – с улыбкой на лице произнес Миша, хлопнув сына по спине.

– У этого идиота могут быть данные. У него есть справочная информация практически на всех, кто живет под куполами. А еще доступ к засекреченной информации правительства... Это он рассказал мне про мутации. Он что-то ищет. Я так надеялся, что это глупости, не верил ему, думал, что дальше разговоров дело не пойдет!

– Ах, эта девчонка! Я знала, что когда-нибудь она накличет на наш дом беду! – вступила в разговор Лида.

Оглянувшись, Эрик увидел, что мать скрестила на груди руки.

– Неужели у нее нет своей головы на плечах?! Неужели не понимает, как это опасно! Просто эгоистка! Всех под уд...

– А ну, тихо! – шикнул в ответ Миша. – Это моя вина, а не ее! Я догадываюсь, что ее беспокоит. Старый дурак, не мог язык за зубами удержать! Надо было либо молчать, либо выкладывать все... Эрик, езжай за ними. – Последние слова прозвучали так тихо, что Эрик их скорее додумал, чем услышал. – А я наведаюсь к старому другу. Если вдруг что-то пойдет не так, надеюсь, я смогу замять это.

С благословением отца, если это можно было так назвать, Эрик вскочил с матраса и, мимоходом обняв отца, выскочил из квартиры.

– ...Еще раз напоминаем вам о соблюдении правил безопасности вблизи железнодорожных путей. Помните, что ни в коем случае нельзя находиться рядом с начинающим движение поездом при открытом защитном барьере во избежание воздушного удара... – механический женский голос на вокзале монотонно проговаривал текст так, словно обращение было адресовано лично Эрику.

– Билет до третьего сектора на ближайший поезд, пожалуйста, – тяжело дыша, прошептал он, протягивая карту все еще трясущимися руками.

– Эй, парень, смотри, куда бежишь! – крикнул невысокий мужчина в бежевом смокинге, которого Эрик задел плечом, пока спешил к рельсам.

– Извините!

Тем временем, закончив разговор, Дюк отключил телефон и вернулся в купе. Он пытался скрыть беспокойство и натянуто улыбался. Сразу начал перебирать в голове варианты того, что при встрече с ним сделает Эрик и как после такого вернуть его расположение.

– Кто звонил? – прошептала Аня.

– Да так... По работе. Спросили, ждать ли нас завтра.

– Что ты ответил?

– Скорее всего, да.

– Ладно. – Аня опустила взгляд, и, как только она разрешила себе расслабиться, ее словно осенило. – Дюк, слушай, Эрик, наверное, переживает?

Меньше всего ей хотелось заставлять брата волноваться. Надеялась ведь, что, как и заверил Дюк, брат ни о чем не узнает. Но двадцать три пропущенных звонка от Эрика давали явный ответ на вопрос, который она не хотела задавать вслух.

– Конечно, переживает! Ты же уехала на поезде с малознакомым типом, то есть со мной, ничего ему не сказав. Полагаю, он места себе не находит. – Лицо Дюка было совершенно серьезным.

«Вот и все, – подумала Аня. – Эрик уже точно знает о нашей поездке. Мне конец».

В этой ситуации брата она боялась больше, чем Жнецов. Те хоть убивают быстро.

Пассажирка, сидевшая напротив и внимательно слушавшая этот диалог, удивленно посмотрела на своих соседей, но, встретившись с недовольным взглядом Дюка, резко укрылась за газетой.

– Умеешь успокоить.

– Ну извини. Но у меня же определенно есть другие хорошие стороны, из-за которых я тебе нравлюсь? Не просто же так ты со мной поехала, – улыбнулся Дюк в своей самовлюбленной манере. Иногда он ловил себя на мысли, что такое поведение было свойственно ему лишь в те моменты, когда он сомневался и просто хотел получить немного поддержки.

– Сейчас не нравишься, – забавно сощурилась Аня, и кончики ее губ победно приподнялись, когда она заметила, что Дюк, кажется, расстроился, услышав ее ответ.

* * *

– Почти пришли. Эй, ты чего зависла? – спросил Дюк, легонько толкая ее в плечо.

Аня не сводила глаз с телефона, наблюдая очередной входящий звонок от брата.

– А? Извини... Пришли? Ты уверен, что это ее дом? – оторвалась она от девайса. – Может, мы ошиблись?

– Все в порядке, я проверил по стокам данных. И в справочнике тоже этот адрес. Ее зовут Мария Волкова, и мы точно на месте.

– Дюк, я не думаю... – замялась Аня, готовая отступить. Ее, несомненно, восхищала смелость Дюка, которая, казалось, передалась ей, когда она согласилась на такой безрассудный поступок. Да и интерес тогда превосходил здравый смысл...

– Аня, мы не делаем ничего плохого. Мы просто зададим вопрос, а ответ останется строго между нами. Ладно? – Его тихий голос, кажется, с легкостью успокоил шторм, бушующий в ней. – Такие, как мы, Аня, не должны бояться. Страх нам только мешает, – подмигнул он.

Казалось, сейчас Дюк увидел ее настоящую: ту, что когда-то настоящей считала и она – готовую бороться. Сидя за партой, она не раз представляла себя маленькой революционеркой, спасавшей этот мир от тирании. Но сейчас Аня поняла – это всего лишь фантазия. Она не такая смелая, какой ей хотелось бы быть. Вдобавок она чувствовала себя неловко, вмешиваясь в чужую жизнь.

Да, она тешила себя тем, что говорить будет Дюк, а маму мальчика никто не станет принуждать к беседе. «Скорее всего, она просто нас выпроводит. Да, просто выгонит, и все закончится хорошо», – решила Аня, и тут же ее привлек странный звук. Аня не сразу сообразила, что пришло сообщение на ее смарт-браслет – гаджет, которого никто из ее семьи не мог себе позволить, но подаренный ей не так давно на день рождения на средства, скопленные совместными усилиями. Приятный женский голос спросил, вывести ли текст на голографический дисплей или напомнить о нем позже. Это было первое сообщение от Эрика после его многочисленных попыток дозвониться. Выбрав утвердительный ответ и подождав, пока в воздухе зависнет цветной экран, воспроизведенный лазерными лучами браслета, Аня пробежала глазами предложения:

«Аня, пожалуйста, скажи мне, где вы сейчас. Я скоро буду! Знаю, что вас поздно останавливать, не переживай, просто скажи».

– Ну, ответь ему, – невозмутимо бросил Дюк и, подождав, пока она наберет ответное сообщение, что-то нажал на цифровой клавиатуре домофона, затем потянул на себя открывшуюся дверь и придержал ее, пропуская Аню вперед. Развивающаяся у Дюка паранойя заставила его оглядеться, перед тем как он закрыл дверь.

Внутри дома было опрятно и чисто, хотя голубоватого цвета стены местами уже были сильно истерты, и простенькие серые

ступеньки лестницы, окаймленной расшатанными перилами, говорили о том, что подъезд давно не ремонтировался. Поднявшись на четвертый этаж и подойдя к двери нужной квартиры, Дюк нажал на кнопку звонка. Через несколько секунд дверь открыла женщина лет сорока – сорока пяти. У нее были спутанные русые волосы и широкие плечи. Махровый халат, опоясанный белой лентой, не мог скрыть ее массивную фигуру. «Точно она, как на фото с анкеты», – подметил про себя Дюк.

– Чем я могу вам помочь? – с подозрением спросила женщина, окинув ребят недоверчивым взглядом.

– Здравствуйте! Меня зовут Дюк, а это А...

– Меня не интересует реклама и товары, уходите, – перебила его хозяйка квартиры и попыталась захлопнуть дверь, но Дюк вовремя вставил ногу в дверной проем.

– Мы здесь из-за вашего сына, – сказал он.

– Тогда тем более убирайтесь! Он мертв!

Аня вздрогнула. Даже если у нее и были сомнения, а та ли женщина стоит сейчас перед ними, то сейчас они испарились – это выражение лица она уже видела... Они действительно стояли на пороге Марии Волковой.

– Да выслушайте же! – Дюк, значительно превосходивший хозяйку квартиры ростом, наклонился к ее лицу. – Я знаю, кем должен был быть ваш сын... Но я не знаю, каким он был на самом деле. И хочу узнать. Поверьте мне, это очень важно!

Аня недоумевала. Она замерла у лестничного пролета, готовая развернуться и уйти, поэтому не слышала разговор, но видела, что слова Дюка напугали женщину.

– Нам очень нужна ваша помощь, – сказал он, убирая ногу.

* * *

Когда Аня шагнула за порог квартиры, ей показалось, что она попала в другой мир. Здесь царил уют: спокойные персиковые обои, вдоль коридора с самого потолка свисали живые растения, опускаясь до маленьких навесных светильников, стены увешаны фотографиями: вот хозяйка квартиры с сыном, рядом еще две девушки – все тепло

улыбались. Кем они приходились друг другу, сложно понять. Внешне разные: у одной светлые волосы, круглое лицо, вторая – совсем бледная, волосы рыжие. Мама и сын же были похожи друг на друга: угловатые черты лица, вьющиеся волосы. На фото они выделялись. И вовсе не тем, что сидели на переднем плане, а из-за кудряшек: их силуэт расплывался. Казалось, словно этих двоих в спешке вывел художник углем, так и оставив.

Собранная белая тонкая ткань над коридором свисала маленькими волнами у потолка, и создавалось впечатление, что над головой парят маленькие облачка. Далее она переходила в шторку, разделяющую кухню и коридор. Гобелены с цветами над обеденным столом стали последним, на что обратила внимание Аня, перед тем как врезаться в Дюка. Кажется, он тоже заметил, что оказался как будто на веранде волшебного сада. Это ощущение одурманило Аню. Страх, не дававший ей покоя, утих. Она присела на деревянный белый стул с мягкой подушкой и долго еще не могла принять удобную позу – все рассматривала его расписные ножки, такой же узорчатый стол. Потом поймала теплую улыбку Дюка. Будь тут Эрик, он бы давно одернул ее и попросил не вести себя как ребенок. Но Дюк умилялся и даже не думал ее останавливать.

– Что вы хотите узнать? – поинтересовалась хозяйка, наливая чай.

Ароматный запах бергамота быстро распространился по кухне. Из открытого окна доносились детские крики. Аня разглядела детскую площадку, где бегали дети, и представила себе, как ребенок, застреленный при ней, играл там же. Играл, ни о чем не подозревая и наверняка мечтая вырасти полезным для общества. Или же... он правда был опасен? Вспомнилась казнь. Аня почувствовала, как ей стало тяжело дышать. Она сделала глубокий вдох, но выдохнуть не смогла. В груди все сковало. Внезапное прикосновение холодной руки к открытому плечу отрезвило ее, и она посмотрела на Дюка. Захотелось натянуть серую кофту на плечо, откуда она сползла, но Аня не стала. Она подумала, что этим жестом может обидеть Дюка. Возможно, настолько, что он никогда больше к ней и не прикоснется.

– Все хорошо. Мы в безопасности. Ладно? – прошептал он, и она смогла выдохнуть.

«Просто не думай об этом, не представляй. Представляй море. Берег...» – Аня мысленно уводила себя от казни и возвращалась к

Дюку. Она смотрела на него, и в голове мелькало с десяток вопросов: «Ты вообще знаешь, что такое страх, Дюк? Зачем ты это затеял? Ты сам мутант или у тебя своя корыстная цель? А зачем тогда тебе такой балласт, как я? Кто ты, черт возьми, вообще такой?..»

– Мы оказались в очень непростой ситуации, о которой не говорят вслух, и обсудить ее, честно говоря, нам не с кем... Мы детдомовские. И один наш друг – он тоже мутант. Мы хотели бы ему помочь, но даже не знаем, чем... и как.

Аня бросила на него удивленный взгляд, а он только подмигнул. Мол, доверься, я знаю, что говорю. «Отчасти он не соврал. Дюк детдомовский... Может, друг, о котором он говорит, – это он сам?» – осенило ее. Она широко распахнула глаза и начала искать на друге следы мутации, хотя сама и не знала, как эта мутация проявляется. Или Дюк врет? Аню настигла злость, а следом опять появился страх, и наконец эмоции смягчились – теперь она ощущала лишь сожаление. Как только они перешагнут за порог этой квартиры – он расскажет все, она не отстанет.

– Вы нам очень поможете, если расскажете о своем сыне. О том, каким он был, – продолжал Дюк. Сейчас он казался до ужаса беспомощным и уязвимым.

Хозяйка опустила кружки с чаем на стол и села напротив ребят. Она рассматривала их так же, как и Аня пару секунд назад рассматривала Дюка – словно искала в них черты, выдающие мутантов. Ане стало не по себе, и сдавшись, она все же натянула кофту, застегнув замок не до конца.

– Говоришь, друг у тебя такой же. Хорошо, я расскажу о своем сыне. – Мария сделала глоток и вздохнула; казалось, что Дюк убедил ее в своих намерениях. – Он был необычным ребенком. Как и еще сотня рожденных сразу после войны. Эти дети не плакали, когда им перерезали пуповину. Просто открывали глаза и делали громкий вдох... Их глаза... Они были черные, как смола, а из десен торчали клыки, а на шее, вот здесь, – показывала она пальцем на сонную артерию, – были отверстия, словно жабры. Но буквально в следующую минуту все исчезало. Таких детей было велено собирать и вывозить. Мы не знали, куда... Я тогда работала акушеркой, помогала принимать роды. Естественно, матерям ничего нельзя было сообщать, нас неоднократно предупреждали, что это чревато большими проблемами.

И мы говорили, что их дети были мертворожденными. А на самом деле, – продолжала она сквозь слезы, – я подслушала разговор двух солдат, которые их забирали, и узнала... Их просто оставляли в лесу, за куполом.

Мария уже не сдерживала слез, яркие картинки всплывали в ее голове, словно все это произошло вчера. Дюк, не задумываясь, обернулся, отыскал кухонное полотенце за спиной, снял его с крючка и протянул хозяйке.

– Считалось, – заговорила она, – что так государство и детей не убивает своими руками, и защищает мирных граждан. Дима... не мой сын, на самом деле он мне племянник. Когда у сестры родился ребенок, несколько моих коллег помогли организовать мои «роды», и я взяла декретный отпуск. Юле, сестре, сказали, что ребенок умер. А она увидела его глаза, жабры, слышала, как он вздохнул. Не поверила... В общем, она в психиатрической больнице повесилась... Думала, что дьявола родила.

– Это, конечно, грустно, – вмешался Дюк и тут же затих.

Кивок – она то ли согласилась, то ли приняла его соболезнования.

– Эти дети... Правительство все время пытается убедить нас, что они – угроза. Но нет... Я вас уверяю, добрее Димы не было ребенка. Да, он отличался от обычных детей. Он быстро бегал, хорошо учился, запросто решал самые сложные задачи по любым предметам... А знаете, как он любил читать? – На глазах Марии снова появились слезы. – Каждую свободную минутку, как заведенный. Никогда не болел...

– Как они узнали о нем? «Правительство»? – внезапно подала голос завороченная рассказом Аня.

– В академии какой-то мальчик ткнул его вилкой в руку... Уголовник чертов! Рана зажила меньше чем за четыре часа. Даже шрама не осталось.

– Точно! – Глаза Дюка загорелись.

– Что? – удивились и Мария, и Аня, но спросить решилась только Аня.

– О, ну это... регенерация – это хорошая способность, у моего друга то же самое.

Наступила тишина.

– Этот друг, – начал Дюк, понимая, как сглупил, – рассказал как-то, что таких, как он, убивали. Его предупредили об этом. Это подтверждают ваши слова.

– Возможно, если вашему другу около десяти, то я приложила руку к тому, чтобы он остался жив. Сколько ему лет?

– Д... Десять. О чем вы говорите? – заикнулся Дюк, и Аня опять широко раскрыла глаза, еще больше запутавшись в показаниях Дюка. Самому ему точно больше десяти. О ком тогда речь?

– После моих подстроенных родов мы с коллегами решили, что даже такие дети имеют право жить. Ведь мы видели, как растет Дима. Совсем обычный мальчик.

– Хотите сказать... – удивился Дюк, но тут же умолк.

– Рождались и мертвые дети. Не так часто, как мутанты, но все же. И, сговорившись, мы подменяли их новорожденными мутантами. Ведь до определенного момента, не считая самих родов, они никак не проявляли себя. Если и происходили казусы, то внешние признаки исчезали быстро. – Мария пожала плечами. – В любом случае, так было лучше и для них, и для «родителей», которым не приходилось сообщать о гибели ребенка. В общем, здоровых мутантов мы отдавали в такие семьи, если даты родов совпадали... Или почти совпадали, – здесь она сделала небольшую паузу, вспоминая о чем-то. – Прошло лет пять, и «чертики», как мы их называли, прекратили появляться на свет. Я надеялась, эта история больше не всплывет. И тут эта охота... Боюсь, проверка уже началась, и мне осталось не долго. Когда они выйдут на всех работников, будет еще одна массовая казнь. Совсем как тогда, помните? В честь конца войны и объединений куполов казнили создателя МОР I. Хотя откуда вам знать, вы тогда в пеленках ползали. Говорят, после этой ракеты «чертики» и начали рождаться.

При упоминании казни Дюк поморщился. Он этот день помнил хорошо. Мельком бросил взгляд на Аню и отметил: она потрясена настолько, что, кажется, перестала дышать.

Внезапно послышался звон ключей в замочной скважине. Дверь открылась, и в квартиру уверенно вошла, точнее, чуть ли не вбежала девушка. Подтянутая, спортивная фигура, бледная кожа, невероятно контрастирующая с длинными рыжими волосами до пояса, собранными в хвост. Ее Аня узнала сразу – по фотографии на стене. На ней были короткий серый топ, едва достоящий до тонкой талии, и

камуфляжные штаны с нашитыми дополнительными карманами на бедрах. В руках она держала два больших пакета, набитых настолько, что даже со своего места Аня разглядела торчащие оттуда хлеб и коробку печенья. Девушка оставила пакеты возле порога и, не замечая гостей, крикнула из коридора:

– Ма, там какой-то парень крутится у дверей, говорит, вроде сю... – Она замерла, рассматривая незнакомую обувь. – У нас гости?

– Это, наверное, Эрик! – вскрикнула Аня.

– Геолокацию, что ли, скинула? – прошептал Дюк, вспомнив, сколько они кружили по третьему сектору.

Услышав ее голос, стоящий за дверью Эрик осторожно вошел в квартиру.

– Здравствуйте... Извините, мне очень неловко, но позвольте войти? – смущенно произнес он, виновато глядя на хозяйку. – Раз уж... – задумавшись, Эрик замолчал на полуслове.

– Мам, что здесь происходит? – с недоумением спросила рыжеволосая, окидывая взглядом сидящих за столом и Эрика, мнущегося у двери.

– А мы так... Мимо проходили, – почесал затылок Дюк. – У вас прекрасная дочь, – с улыбкой сказал он, повернувшись к хозяйке. – Мне нравится цвет ее волос.

– Спасибо, – с недоверием ответила девушка. Сбросив кроссовки, она неспешно прошла на кухню.

– Это мой брат, Эрик, – указывая на него рукой, неуверенно сказала Аня. – Мы были с ним в кафе, когда... Когда...

– Я поняла. Что ж, проходите, но я думаю, вашим друзьям я уже все рассказала.

– Вероника Волкова, – представилась девушка, поочередно протягивая руку Дюку и Ане, затем устроилась на широком подоконнике, уложенном маленькими подушками, и свесила одну ногу вниз. – Можно Ника.

– Прости, пожалуйста, – виновато пролепетала Аня в сторону Эрика, прерывая напряженный момент знакомства.

– Ничего. Но дома перед отцом сама извиняться будешь, – помрачнел Эрик.

– Отцом? Так вы... соврали? – тихо спросила Мария, тут же заподозрив неладное.

– Она приемная, а я детдомовский, – спохватился Дюк.

Аня не сразу поняла, откуда Дюк об этом знал. Не должен был. Эрик не мог ему рассказать. И адреса Марии не должен был знать. «Ну, есть у него какой-то справочник. Он сам упоминал...»

– Нам рассказали о... – Дюк не закончил.

Эрик хотел сказать, что ему это неинтересно, более того, разговоры Дюка о мутантах знатно ему надоели, но едва он открыл рот, как раздался стук в дверь.

– Мы ждем еще кого-то? – спросила Ника, переглянувшись с гостями.

Аня с Дюком отрицательно помотали головами.

– Откройте, полиция! – раздалось за дверью.

Глава 6

Наверное, о таких последствиях Дюк даже не задумывался. Более того, он не мог представить себе причину, по которой оказался в этой ситуации. Казалось, что ее не знали даже органы правопорядка. У Эрика тоже сложилось такое впечатление. Почему? Да потому что он уже третий час сидел на допросе и не получил ни одного намека на обвинение.

– Итак, вы не хотите признаваться? – уже в сотый раз спросил полицейский, расхаживая перед сидящим за столом Эриком. Высокий и худой, тщательно выбритый, с безразличным, абсолютно ничего не выражающим лицом и острым, сверлящим взглядом серых глаз, он был похож скорее на робота, чем на человека. Идеальный дознаватель.

– Я ведь не знаю, что вам наговорила моя мама. Вы хоть подскажите, в чем признаться, – ответил Эрик, стараясь держаться невозмутимо.

Эрик никогда до этого случая даже не думал о совершении какого-либо преступления, поэтому в таком месте, как допросная, он был впервые. Темно-зеленые стены вкупе с плохим освещением и скупой обстановкой создавали впечатление, будто он попал в пыточный застенок Средневековья, изображение которого как-то раз попалось ему в одной из исторических книг.

– Вы меня так спрашиваете, как будто мы в подполье сидим, а не в государственном учреждении. Я, может, и предположил бы, что вы меня пытать начнете, если бы мы третий час один и тот же вопрос не разбирали, – улыбнулся Эрик, глядя на него.

Эти три часа были настоящей пыткой. Полицейский, допрашивающий Эрика, то уходил на долгое время, то возвращался, словно вот-вот принесет тонну компромата, но вопрос продолжал задавать всего один.

– Я понятия не имею, что вы от меня хотите. – Лицо его стало серьезным.

– О чем вы вели беседы с Марией? – Полицейский вдруг перестал мерить шагами комнату и сел напротив.

– О прекрасной погоде и прелестях этого мира, – ухмыльнулся Эрик, отмечая, что перенял эту манеру разговора у Дюка. – Если вы не в курсе, у нее на днях умер сын.

– Он был опасен для общества, – довольно громко крикнул роботоподобный дознаватель, отчего Эрик слегка вздрогнул. – Как и она. Что вам известно? Отвечайте. Иначе вас признают сообщником, содействующим заговорщикам, злоумышляющим против власти, – хмуро произнес он.

– Я действительно ничего не знаю.

– Странно... Ваши друзья рассказали об этом более подробно. И их ждет серьезное наказание. Но ваш отец – великий человек, он очень много сделал для становления нашего общества. Мы готовы пойти вам навстречу и не выдвигать обвинения из уважения к нему. Если вы расскажете все, что знаете, и скажете, во что Мария Волкова вас втянула, то так уж и быть, вас мы оставим в покое.

Тишина. Угнетающая тишина. Меньше всего Эрик ожидал, что мама так подставит Аню. Да, единственное, что ему удалось уловить по дороге в камеру, так это знакомый материнский плач и вопли «ВЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАБРАТЬ ЕЕ!».

«Наверное, надеялась, что я не успею», – подумалось ему. Такого опустошения внутри он не чувствовал никогда. Ничто не могло сравниться с таким предательством.

– Просто скажите, что она состоит в сопротивлении! Ваша сестра хотела вступить в Сопротивление! Просто расскажите, о чем был разговор, и мы вас отпустим. Вас и вашу сестру! Мы просто скажем, что вы ничего не знали, – выкрикнул полицейский, явно уставший задавать одни и те же вопросы. – Для сестры мы, так уж и быть, тоже что-нибудь придумаем. Может, отделается браслетом на ногу и

ограничением на выезд из сектора, – уже более спокойно продолжил он, выпрямился и поправил галстук.

Предложение было просто до ужаса заманчивым, но Эрик не мог оставить в беде женщину и ее дочь, все скинув на них. Более того, он не мог оставить в беде и Дюка, потому что ой как хотел ему врезать.

– Я и правда ничего не знаю, – так же спокойно продолжал Эрик. Это в нем Аня ненавидела всем сердцем. Его молчаливость и спокойствие иногда казались ей психологической пыткой.

Офицер махнул рукой.

«И этот сдался», – ликовал Эрик, пока дверь в комнату открывалась. Двое офицеров в форме довольно грубо надели на него наручники и вывели в коридор.

– Прямо вперед! – скомандовал один из них и двинулся чуть позади, держа оружие наготове. Другой шел впереди, отворяя железные двери в конце коридора.

Эрик резко остановился, услышав крики в одной из комнат:

– Отпустите сына! Скажи им, чтоб отпустили!

Голос умолк, но Эрик пришел в себя лишь от толчка автомата в спину, вынуждающего идти вперед. Сомнений не было – это точно был голос его матери.

Оглядевшись, Эрик невольно усмехнулся. Голые серые стены, несколько грубых бетонных лавок и одна тускло мерцающая лампа за решетчатым щитком, вмонтированная в потолок в центре камеры. Ничего из этого не соответствовало описанию тех шикарных, обставленных новой мебелью камер с окнами, в которых, по словам управления тюрьмы, содержатся все арестованные, ожидающие приговора.

Пропаганда мирного существования, без какого-либо насилия и развития в этом направлении внутри секторов, активно проводимая правительством. Едва ли не с каждого второго рекламного щита и главных страниц прессы напоминалось о том, как важно быть полезным обществу и что смертная казнь исключена для людей. Каждый из них должен исправиться! Что не сказать о мутантах. Теперь в документальном своде было четко прописано, что смертная казнь возможна, если доказано, что гражданин им является.

Дверь закрылась, секунду спустя послышался характерный звук подачи напряжения на ее контур.

– Что они вообще хотят? – растерянно спросила Аня.

Эрик помрачнел и по стене сполз на пол. Не скажет. Язык не повернется.

– Аня говорит, что они считают маму опасным террористом, настроенным против правительства. Кто-нибудь понимает, в чем дело? – нахмурилась Ника. – Она, мол, должна признаться в участии в движении против власти и в создании угрозы спокойствию общества из-за распространения информации, не являющейся достоверной. Что за бред?

Аня и Дюк испуганно переглянулись.

– Что вы скрываете? – покосился на них Эрик.

– Ничего... – неправдоподобно пролепетал Дюк.

Услышав, как к камере подходит охрана, он молился, чтобы назвали его имя. Впервые он был так счастлив надеть наручники и направиться на допрос.

* * *

Долго ждать не пришлось. Вскоре всю компанию вызвали на вынесение приговора. Дюк сидел, нервно подергивая ногой и бесконечно потирая руки.

– Все будет хорошо, – прошептал он, глядя на Аню.

– Я знаю, – спокойно сказала она.

– Конечно, будет, они ничего не докажут, – уверенно вмешалась Ника и закинула ногу на впереди стоящий пустой стул.

– Мария Волкова, признаете ли вы свою вину за участие в террористическом движении, а именно в создании угрозы спокойствию общества из-за распространения информации, не являющейся достоверной? А также невыполнении приказа об изъятии из семей опасных новорожденных мутантов, – эхом разнеслось по залу.

Мария, стоявшая перед судом, оглянулась на детей, сидящих в пустом зале.

– Признаю, – ответила она.

Только Дюк и Аня понимали, что происходит. Только они знали, какой груз тяготит ее душу. И догадались, что, скорее всего, на допросе

Мария повторила ту историю, что рассказала им.

– Она врет! – вскочила Ника. – Не признает, она не террорист! – Она кричала, раскидывая ногами стулья, и я вас уверю, не будь на ее руках наручники, она и руками бы хорошо справилась. – Что ты несешь, мама!

Мария разрыдалась. В ее планы не входило тянуть за собой дочь, но та увязалась сама. Дюк, сидевший рядом с Никой, перекинул через ее голову скованные руки и крепко прижал к себе, развернув и заслонив спиной от охраны с дубинками. Он знал, они бы на ней и живого места не оставили.

– Мы тоже! Тоже признаем вину! – прокричал он и крепко сжал зубы, получив первый удар по ребрам, затем второй и третий...

– Мамочки! – взвизгнула Аня, когда на Дюка посыпались удары.

Как и Эрик, она не понимала, что напугало ее больше: ответ Марии, поведение Ники или заявление Дюка. Знала только, что теперь история не закончится ничем хорошим.

– Изгнание. Приговор обжалованию не подлежит и вступает в силу немедленно. Выдать снаряжение! – приказал следователь, закрывая папку с делом.

Глава 7

Спокойствие Ани было вызвано только словами, сказанными женщиной, что ее допрашивала: «Все будет хорошо, не бойся» Светло-лазурные волосы, практически цвета морской волны, добрая улыбка. Аня поверила ей и теперь ненавидела себя за это. Мало того, что «хорошо» уже точно ничего не будет, так еще Аня сама же втянула в историю Эрика, который изначально предупреждал ее и просил держаться от всего подальше! Более того, если бы она не написала ему адрес, он остался бы в безопасности.

В душном кузове автозака она смотрела на его пустой взгляд, направленный в пол, и боялась. Боялась того, что будет дальше. Тело ломило, ребра болели, а на бедре образовался большой синяк – все от ночи на полу в тюремной камере. Спали они так же все вместе, за решеткой, где была всего одна койка, и ту уступили Марии.

Ближе к вечеру, когда подготовка снаряжения была окончена, приговор вступал в силу. Осужденным на изгнание выдавался легкий, защищающий от палящего ультрафиолета, костюм химической защиты и баллон со сжатым кислородом, которого должно было хватить на сутки. Считалось, что это милосердно. На самом же деле правительство просто не хотело привлекать к куполу хищных животных и падальщиков. Без снаряжения человек мог прожить за стеной несколько минут. Поэтому ему предоставлялась возможность уйти подальше в лес.

– Так, и что у нас за план? – сказала Ника.

– Что? Какой план? – удивился Дюк.

– Ну, как мы будем выбираться? Ты что-то придумал? Не зря же такое ляпнул, – с недоверием глянул на него Эрик.

– Вообще-то... кое-кто... – начал Дюк.

– Приехали! – крикнул водитель. – Одевайтесь.

– Вообще-то, дебош ты устроила, – закончила Аня, и Ника обожгла ее взглядом.

– Я отрицала, а не признавала вину.

– Ты повела себя хуже ребенка, – заключила Мария. – Так нужно было. Вы должны были все отрицать, а не хулиганить еще больше.

– Да о чем ты говоришь, мама! – тряхнула головой Ника. – Кого ты подговаривала на государственный переворот? Растения в коридоре?

– Выметайтесь, иначе переадресуем назначение до морга! – прозвучал из кабины голос второго солдата.

Кабина автозака вплотную подъехала к воротам купола. Шагнув вперед, Эрик спрыгнул на почву за куполом. Перед ним простирался короткий стеклянный туннель, в конце одиноко стояла защитно-герметичная дверь – последний рубеж, ступив за который живым уже не вернешься. Эрик помог спуститься Ане и Веронике, а Дюк подал руку Марии, которая чуть ли не сползала вниз в попытках удобно извернуться.

Надев на лицо защитную маску и закинув на плечи баллон, Аня поняла, что проходит она с таким грузом недолго. Если вообще пройдет хоть немного. Но она обрадовалась мысли, что увидит перед смертью Землю такой, какой им завещали ее после войны. Кроваво-красный лес встречал ее яркими красками. Убийственно красивый.

– Стоит поторопиться. Скоро будет включена внешняя защита, – сказал Дюк.

Аня в последний раз обернулась и посмотрела на родные бетонные стены купола. Перед ее внутренним взором промелькнули лица приемных родителей и знакомых, оставшихся внутри: Миши, заменившего ей родного отца, Макса, который только-только пообещал не смотреть новости... Наверное, нарушит свое обещание и теперь будет искать в этих новостях ее, но напрасно: произошедшее с ними еще не предали огласке, да и вообще, учитывая причины изгнания, Аня сомневалась, что история будет обнародована. Так что Макс не

узнает причину, по которой, скорее всего, они никогда больше не встретятся. Почему-то именно это расстроило ее больше всего.

Вынырнув из грустных мыслей, Аня обнаружила, что ребята уже двинулись вперед, в сторону видневшегося неподалеку леса. Она ускорила шаг, но бежать по холодной, непривычно твердой почве было сложно. Словно тело внезапно потяжелело в несколько раз, да еще и на ноги повесили большие гири.

Когда они ступили на опушку, то обратили внимание, что одни бледно-алые деревья волнистыми линиями тянули ветви к земле, будто пытаясь коснуться ее. Другие, высокие, с массивными стволами и пышными кронами, напоминали большие раскидистые зонты. У их подножия ютились прекрасные, поистине сказочные цветы с причудливой окраской, излучающие разноцветное люминесцентное свечение в полумраке леса. Алый травяной ковер, ровный и непримятый, терялся среди деревьев, создавая яркий фон мерцающим, словно звезды в небе, огонькам бутонов. Все было настолько гармоничным и сочетающимся, что Ане показалось, будто весь лес, раскинувшийся перед глазами удивительным, едва ли не доисторической красоты пейзажем, проектировался целым институтом первоклассных дизайнеров.

Когда отставшая Аня обернулась на шум, то увидела картину, заставившую ее сердце упасть в пятки. Застыв от ужаса, она не могла пошевелиться. Эрик тоже не мог поверить, что такое возможно. Он задыхался. Снаряжение оказалось бракованным, шланг обломился от ходьбы, и теперь драгоценный кислород расходовался впустую. Сам Эрик не мог этого заметить, но его тяжелый вдох и падение на колени привлекли внимание всех.

Ане тут же захотелось кинуться назад, стучать в закрытые двери купола, пока не откроют, но было уже поздно. Ни она, ни другие не могли помочь. Слезы покатались по ее щекам. «Неужели Эрик умрет, ступив всего пару шагов? Сейчас? Он оставит меня?» – думала она, а боль в груди распирала легкие. Аня понимала, что умрут все, но еще при выдаче снаряжения солдат объяснил всем, что за счет замедления подачи кислорода, в момент критической точки, смерть будет сопровождаться потерей сознания, и они ничего не почувствуют. А сейчас Эрик словно проходил последнюю стадию агонии: громко

вдыхал пыль и безостановочно кашлял в маску. Изгибался от боли в муках, и никто не мог ему помочь. По крайней мере, так казалось.

– Пусть это будет правдой... – прошептала Ника, среагировав быстрее всех.

Ника опустила на колени перед Эриком, с большим сомнением сняла с себя маску.

– Что ты делаешь? – в недоумении крикнул Дюк, но тут же все понял. Без промедлений он схватил Эрика за голову, в попытках помочь Нике, а та прижала свою маску к его лицу.

Дюк умолк, изумленно глядя на Нику. Она... Она дышала! Невозможно... Переведя взгляд на ее шею, он увидел несколько парных отверстий, симметрично расположенных по обеим сторонам. Вне всяких сомнений, она – мутант!

– Да ладно... – едва слышно произнес Дюк, не отрывая взгляда от Ники.

– Так ты... – обомлев от увиденного, пролепетала Аня и затихла, не в силах подобрать слова.

– Это тебе за то, что помог мне донести до дома продукты, – прошептала Ника и игриво подмигнула. Да, возможно, для всех она выглядела сейчас как бесстрашный герой, но Эрик заметил, как тряслись ее руки. В защитных перчатках невозможно было ощутить, насколько нежным было его касание, когда он перехватывал маску из ее руки. Ника тут же поспешила вытереть мокрые полосы от слез на его щеках. Красными, воспаленными глазами он смотрела на свою спасительницу, как на богиню.

– Я держу – прохрипел он. – Можешь отпускать.

Покраснев, Ника отпустила свою маску, в которую теперь дышал Эрик. Смущенно отвернувшись, она поспешила снять с себя рюкзак. Остальные оторопело молчали. Эрик, который несколько секунд назад был так близок к смерти, не сводил с Ники глаз. Нечто большее, чем человек... То, о чем они так много говорили. Вот оно. Прямо перед ним!

– Как же так? – немного придя в себя, спросила Аня. – Ты – одна из них? Мутант?

– Как видишь. – Она пожала плечами.

– Ника... ты... – проговорила Мария, думавшая, что знает все о своей дочери.

– Я не знала, правда ли это так работает. И работает ли это вообще. Услышала от женщины, которая допрашивала Аню. Ей говорили, что нас нельзя выпускать, пока они не узнают, есть ли среди нас мутанты. Мол, «эти твари» выживут за стеной. Вот я... и рискнула.

– Кажется, у нас появился первопроходец, – сказал Дюк, помогая Эрику встать.

Мария отрицательно помотала головой, глядя на дочь со странным выражением лица. Делая вид, что не замечает этого, Ника сняла защитные очки и поймала на себе замороженные взгляды. Белок вокруг ее зеленых зрачков почернел.

– Ну что, идем дальше? – произнес возбужденный Дюк.

Ника молча кивнула и, развернувшись, уверенно направилась вперед, но тут же остановилась.

– А куда нам идти-то? – повернулась она к остальным, сняв капюшон.

– Надо посмотреть по карте, – серьезно ответил Дюк и начал шарить по карманам. – А, стоп... У нас же ее нет.

– Не смешно! – сердито ткнула его кулачком в бок Аня.

– Да? А мне показалось, что она улыбнулась.

Аня поспешила вперед, за уходящим Эриком, а Дюк добавил ей вслед:

– Точно улыбнулась, и ты тоже! Я по глазам видел!

* * *

Солнце постепенно уходило за горизонт, и вокруг похолодало. Путники продолжали отсчитывать шаги, углубляясь в чашу леса. Сам лес сильно изменился в закатных лучах, отливая багровыми тонами деревьев и фиолетово-синим светом мерцающих бутонов. Несмотря на сильнейшую усталость, Аня безостановочно осматривала каждый кустик, каждый цветок, словно в поисках чего-то.

По пути они не встретили ни одного животного. Одни ученые считали, что жизни за куполом нет, другие надеялись, что кто-то выжил. Но даже если так, то пережить ночную зиму и дневное пекло было бы тяжело. Озоновый слой перестал сохранять тепло и защищать

планету от солнца. Об этом знали даже дети. А изгнанники ощущали этот жар каждой клеточкой.

Пейзаж на поляне, куда вышли ребята, был великолепнее любой искусственной инсталляции в секторах. Переливаясь бирюзово-багровыми тонами и освещая все вокруг себя мягким фиолетовым светом, поляна походила на осколок чего-то неземного, космического, звездного. Несмотря на это, ребят больше заинтересовало подобие пещеры по другую сторону.

– Тут очень красиво, – озвучила Аня то, что остальные, казалось, не хотели признавать. Искать в таком положении плюсы казалось эгоистичным.

– Тебе, по-моему, всю дорогу красиво было, – улыбнулся Дюк, и она вспомнила, чем он ей так понравился в начале знакомства. Он не осудил бы ее даже за танцы на могиле. С ним можно было вести себя как угодно, а он, скорее всего, станцевал бы рядом.

Их смутили три матраса, лежащих у входа в пещеру полукругом. Все три были застелены старыми грязными простынями.

– Откуда это здесь? – удивилась Аня, протискиваясь внутрь вслед за Дюком.

В голове сразу пронеслись эпизоды того, как тут свои недолгие жизни коротали выжившие после взрыва.

– Какая разница? Главное, хищники нас не съедят и дождь не намочит, – беспечным тоном произнес Дюк.

– Да-а-а-а, это для нас сейчас крайне важно. Главное – не намочить, – саркастически передразнил его Эрик. – И что ты говоришь? Животные в открытую-то пещеру не сунутся? Ага, они ж тупые.

Тут Аня поймала себя на мысли, что таким Эрика она еще ни разу не видела.

– Послушай, ты знаешь, почему твой отец не отговорил тебя от этой идеи? Почему не отговорил от изгнания? – вспыхнул Дюк.

Эрик недоверчиво хмыкнул и отвернулся. С актерской игрой у него всегда возникали проблемы, но сейчас он был просто обязан притвориться, что заинтересован в поисках чего-то очень необходимого.

– Потому что, кем бы ты ни был, если ты знаешь правду – ты умрешь. Авария, ограбление, пожар – все, кому стоило усомниться в

принятых законах Миры и начать искать хоть намек на правду происходящего с мутантами – и двух дней не проживут. Считаешь, это я обрек вас на гибель тем, что выбрал изгнание? Возможно, но даже если мы умрем тут, то хотя бы не от пыток, как если бы остались под куполом. Можешь изображать жертву, сколько влезет, но кончай донимать меня, ясно? – Не на шутку разозлившись, Дюк развернулся к Эрику всем телом, а потом прошептал, наклонившись к уху: – А еще я знаю, кто настучал на нас и какие доводы привел.

Молния между ними угасла так же внезапно, как и появилась. Ребята снова озлобленно переглянулись, после чего Дюк, решив, что был услышан, отступил и устало сел на матрас, как раз напротив входа. Чуть помедлив, Эрик притянул к себе Аню и устроился с ней на другом, а Ника с мамой расположились напротив них. Мария заснула почти мгновенно, в тот же миг, как легла. Ника тихонько сидела рядом, опираясь спиной на свод пещеры. Ей показалась, что, если мама умрет во сне, это будет самая безболезненная смерть. А потом оборвала нить этих размышлений и укорила себя за это, как и полагается всем добросовестным людям.

Дюк развалился на матрасе и смотрел на небо.

– Ника, – начал он, – как ты попала под купол?

– А тебе зачем? – нахмурилась та.

– Интересно, откуда взялись взрослые мутанты, – честно ответил он.

– Отстань от нее, – вмешался Эрик, наблюдая, как Ника расстегивает костюм и приспускает его к поясу. Серый топ до талии, оголенный живот. Их изгнали в старой одежде.

– Да ладно, чего уж. С одного допроса на другой. Тебе интересно, откуда я? И как попала под купол? Детдомовская я. Наехали на мину, когда нас везли с прививки. Болючая тварь была, думала, раз от мины не умерла, то от этой прививки точно помру. Ан нет. Выжила.

– И сама до купола дошла? – спросил Эрик.

– Нет. Солдаты нашли. Меня, Алину, мою подругу с детского дома, – уточнила Ника, – и Марию. Забрали под купол. – Эрику она отвечала мягче. В отличие от рыжего хама, Эрик с первой встречи показался ей мягким и добрым. Этот кудрявый красавец, на голову выше ее, так растерянно спрашивал у нее дорогу. Можете ли вы представить удивление Ники, когда он назвал ее домашний адрес?

Казалось, предложение донести продукты до дома – такая малость, но ей раньше такого никто не предлагал. Теперь ей казалось преступным грубить ему.

– Приняли за семью, так сказать. Детдомовских же не жалко, а мать с детьми – это другое. Это рабочие руки. – Она ядовито произнесла это, глядя на Дюка.

– Дюк тоже детдомовский, – подала голос Аня.

Дюк прикрыл глаза и выдохнул. Он явно был недоволен тем, что рассказала сейчас Аня. Не любил, когда кто-то был посвящен в детали его жизни. А вот у Ники в голове тут же сложился пазл. Он был бестактным не потому, что его перелюбили в детстве, а потому, что не воспитали; и жил он так, потому что терять было нечего.

– А Алина... Она?.. – настороженно поинтересовалась Аня.

– В прошлом году замуж вышла, – улыбнулась Ника.

– Вот оно как... – задумался Дюк.

– В твоих книгах ничего не сказано о том, как до войны становились мутантами? – поинтересовался Эрик.

– Не припоминаю такого, – отстраненно ответил Дюк, отворачиваясь к стене. – Я, пожалуй, посплю немного.

– В каких книгах? – спросила Аня; она-то слышала только о справочнике, а Эрик еще и про книги знал.

– Потом расскажу.

– Ты что-то знаешь? – допытывалась Ника.

Дюк промолчал, на что Ника вскочила с места и направилась к нему. Она едва успела тронуть его за плечо, как он тут же резко обернулся, схватил ее за предплечье и, так же резко опустившись на матрас, притянул к себе на колени. Испуганная, она даже не попыталась вырваться. Вдобавок ко всему, Дюк слишком сильно сжал ее руку, и Ника издала тихий болезненный стон.

– Пусти меня! – Попытки ударить Дюка свободной рукой не увенчались успехом. Тот, перехватив ее запястье, полностью контролировал ситуацию. – Пусти, Дюк! Мне больно!

– Дюк! – крикнул Эрик, готовый кинуться на приятеля.

– Я действительно ничего об этом не знаю, – тихо произнес Дюк с невозмутимым лицом. – Мне известна лишь теория. Да и то – малая часть. Что произошло с тобой – я понятия не имею. – Он наклонился к

лицу Ники, отчего та вздрогнула, как заяц перед пастью волка. – А теперь дай мне вздремнуть, хорошо?

Ника виновато отвернулась, не в силах контролировать дрожь и бег предательских мурашек по коже.

– Извини, я просто... Я не знаю... – ответила она. – Сейчас для меня мир перевернулся. Тяжело столько лет скрывать, кем ты являешься.

Дюк отпустил ее, но она не сдвинулась с места.

– Ну так? – переспросил он.

– Извини еще раз. – Ника медленно встала и вернулась на прежнее место, потирая покрасневшие руки.

Оставшуюся часть вечера они провели в тишине, поочередно проваливаясь в сон.

* * *

Аня проснулась от холода и сильнее прижалась к Эрику. Теплее не стало, и она прислушалась к звукам снаружи. Слышался неясный шорох – прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что это всего лишь шум дождя. Внезапно сверкнула яркая вспышка зеленой молнии, чуть погодя раздался рокошующий грохот. Аня закрыла рот руками, пытаясь не завизжать: она до ужаса боялась молний и грома. Там, дома, они казались ей недосягаемыми, а здесь – словно рукой подать.

– Эрик, вставай! Пожалуйста, мне страшно!

– Ты даже перед смертью не даешь выспаться, демон, – возмутился Эрик, не просыпаясь. Зато от испуганного голоса Ани проснулся Дюк.

– Детка, что случилось? – потянувшись, он сел и замер. При следующей вспышке молнии он увидел на полу мокрые следы человеческих ног. Не взрослого человека, но уже и не ребенка. – Что за черт?!

– Что? – переспросила Аня.

Она задрожала, и в темноте почувствовала, как ей на плечи мягко легли чьи-то руки. От неожиданности она тихонько взвизгнула, закрывая респиратор руками, но ее успокоил ласковый голос Дюка:

– Не бойся, детка. Не надо, не пугай ребят. Пусть поспят, а утром разберемся, ладно?

– Ладно, – едва слышно прошептала она.

– Если тебе страшно, я могу посидеть с тобой. Давай руку. – Дюк направился к своему месту, протянув ей широкую ладонь. Аня послушно встала и пошла следом. Нащупав свой матрас, Дюк уселся на него и притянул к себе Аню.

– Поспи, если, конечно, сможешь после такого уснуть.

– Тут кто-то был, да?

– Вероятно. Разве что я о тебе чего-то не знаю, и это ты бегаешь по ночам босиком.

– Нет! – обиженно буркнула Аня, плотнее прижимаясь к нему. – То, что ты сказал про пытки... Ты не соврал?

– Мы с тобой в одной лодке плывем. – Дюк ее приобнял.

– А о чем говорил Эрик?

– В системе файлов, что у меня есть, были кое-какие записи о ракете. Там говорилось о том, как предположительно должен повлиять мутаген на отдельных людей, зараженных непосредственно во время взрыва или немногим позднее – осадками. И о том, как вообще взрыв повлияет на планету. Вещество внутри нее, как мы уже все знаем, должно было заставить растения перестать выделять кислород. Поскольку к моменту запуска МОР I большая часть озонового слоя уже фактически была разрушена и ультрафиолет постепенно выжигал все живое – мутаген должен был перестроить генотипы всей флоры для того, чтобы вместо кислорода в атмосфере выделялся озон.

Пока Дюк говорил о ракете, Аня задремала. Все спали, и только он широко раскрытыми глазами наблюдал, как всходило солнце; дождя как не бывало, в пещеру подул легкий прохладный ветерок.

– Эй, просыпайся! – Он коснулся плеча Ани, в попытках разогнуть затекшую руку, отчего Аня тут же проснулась, шумно вдохнув воздух из маски.

Глава 8

Уже с утра Эрик и Дюк сцепились в нелестном диалоге, и, предчувствуя новую ссору между ними, Аня вышла из пещеры, замерла, оглядывая поляну. Прозрачный лед сходил с растений и таял прямо на глазах. Она приблизилась к огромному листу и наблюдала, как алая мякоть массивных растений медленно освобождается из ледяного плена. Холодная ночь миновала и укрыла все тонким слоем снега. Насколько Аня помнила из уроков биологии, все это растает быстро, а потом поверхность земли еще и нагреется. А после на каких-то пару часов и вовсе превратится в пекло. Часы она точно не помнила, но знала, что им придется прятаться от солнца, и, как бы ни было жарко, в этот период опаснее всего снимать защитный костюм. Даже в пещере.

«Вот что мне было так интересно... Но не при таких обстоятельствах».

Заметив ее отсутствие, следом вышли Эрик с Дюком. Дюк настороженно осмотрелся и заметил вокруг пещеры множество следов от голых ступней. Следы обрывались метра через три, поэтому обнаружить, откуда пришел и куда ушел ночной гость, не представлялось возможным.

– Ну что? Как будем выживать? – уже спокойнее спросил Эрик, поглядывая на товарища.

В кустах раздался неясный шорох.

– Что это? – заозиралась Аня, присев около ствола огромного алого дерева, и посмотрела в сторону звука. – Откуда он доносится?

– Видимо, наш обед, – потер в ответ руки Дюк.

Шорох усилился, и на поляну из кустов сбоку от Ани вышел огромный серый волк – метра два в холке, если не больше, зеленая пена изо рта, полные боли глаза и кровавые слезы. До этого она вообще сомневалась, что волки умеют плакать... Но вид у него был, мягко говоря, нездоровый.

– Вот черт! – закричал Эрик. – Аня, назад!

– Что за шум? – Ника выбралась из пещеры и, зевая, потянулась, но, заметив животное, резко вскрикнула.

Аня застыла на месте, глядя на огромного двухметрового, слово конь, волка с могучей грудью и острыми, как бритва, когтями. Блестящая серебряная шерсть, вставшая дыбом на холке, завораживала, и Аня не знала, восхищаться ей или бояться. Конечно, она больше боялась, но она никогда не видела такого зверя. Размерами он в разы превосходил своих сородичей, что Аня видела в вольерах под куполом. Кажется, его можно было бы даже использовать как ездового...

– Аня! – крикнул Эрик, но зверь был уже в трех шагах от нее и припал на задние лапы. Аня никак бы не успела увернуться, но все же рискнула, оттолкнувшись от земли точно так же, как это делают профессиональные бегуны, рванула в сторону пещеры.

Дюк среагировал быстрее. Он бросился навстречу, поймал Аню и крепко прижал к себе, закрыв ее телом. Волк кинулся на них. Удар лапами пришелся вскользь лишь оттого, что Дюк поскользнулся на мокрой траве и вместе с Аней повалился на бок.

Из кустов с другой стороны раздался мощный рык. Внутри у ребят все похолодело. Эрик, загородив собой Нику, велел ей вернуться в пещеру и остаться там с Марией.

На поляну медленно вышел другой черный волк. Ростом он был чуть меньше, чем первый, но Дюк сразу заметил, как тот, увидев его, отступил. Глаза черного волка были спокойны, из пасти не стекала мутная зеленая жидкость. Мягко ступая бархатистыми лапами, он гордо выгнулся, показывая свое бесстрашие.

Мутная, переливающаяся яркими цветами и наверняка ядовитая пена брызнула из пасти вслед за душераздирающим рыком серебряного волка. Черный продолжал бесшумно приближаться к нему, не реагируя на это. Затем он внезапно чуть пригнул голову и

издал низкий и короткий рык, но его хватило, чтобы Дюк ощутил звон в ушах. Глаза больного волка чуть расширились, он начал отступать. Черный зверь выпрямился, его мышцы вздулись под кожей. Он был словно звериным воплощением бога, несущим смерть неугодным.

Дюк перевел взгляд на притихшую Аню. Если он когда-нибудь думал, может ли кожа Ани быть еще бледнее, чем обычно, то сейчас точно знал: может. Сейчас ее кожа была похожа на снег. Дюк обнял ее крепче, и они отползли в кусты, оставив поляну разгневанным хищникам.

Еще один громкий, но короткий рык. Больной зверь, присев на задние лапы, склонил голову перед соперником и через секунду, развернувшись, стремительными прыжками скрылся в чаще леса.

– Кто вы? И как здесь оказались? – донесся до ребят откуда-то сверху мелодичный звонкий голос.

Подняв головы, они увидели бледную девушку с черными волосами, свободно спадающими ниже лопаток. Она твердо стояла на ветке дерева у входа в пещеру. Одежда, в которую была одета девушка, тоже вызвала вопросы: черные облегающие легинсы и водолазка, поверх – свободная футболка и шорты. Все протертое до дыр и рваное. Ее кукольное лицо пересекала алая полоса, тянущаяся через нос с одной щеки на другую.

– Мутант! – крикнул Эрик, рассмотрев черные глаза, отчетливо видневшиеся отверстия на шее и две пары небольших клыков.

– Она тоже. И что? – с недоумением сказала незнакомка, указывая взглядом на Нику. – И вообще. Ого! Человек! Живой! – передразнила она Эрика.

Наступила гнетущая тишина. Никто не решался заговорить первым.

– Так что вы тут делаете? – переспросила незнакомка, закатив глаза. – Эй, мы вроде на одном языке говорим!

– Мы изгнанники, – прокашлявшись, ответил за всех Эрик.

– Вы эти... Как его... смертники, что ли?

Дюк слабо кивнул.

– Ну ладно. – Она скрестила руки на груди, осмотрела всех еще раз, задержав взгляд на Дюке, и крикнула куда-то в сторону: – Элиот! Выходи! Безопасно! Вроде...

С другого дерева спрыгнул парень. Волосы у него были светлыми, глаза, разумеется, черные, на шее отверстия. Одет он был так же странно.

– Я же тебе говорил, – звонким мальчишеским голосом произнес парень.

Незнакомка соскочила на землю и направилась к Нике. Внезапно Дюк понял, что это вовсе не девушка, а девочка лет двенадцати-тринадцати, не больше. Да и ее спутник был старше примерно на год.

– Я уже поняла, – ответила она.

– Мы отведем вас к себе. А дальше Рой решит, оставлять вас или нет.

– Кто такой Рой? – прошептала недоумевающая Аня, разглядывая ребят.

– Увидишь, – нетерпеливо ответил ей мальчик. – Сколько у вас кислорода?

– Еще часов на шесть, – ответил Эрик, помогая Ане подняться и взглянув на индикатор ее баллона.

– Майя, проводи их. Я пока подежурю один, – предложил мальчишка, на что его подруга молча кивнула.

– Дюк, ты ранен? – заметила Аня. Голос ее был как никогда встревожен.

– Пустяки, детка. Даже синяка не останется, – улыбнулся он, потирая локоть, на который он упал.

– Это не пустяки, – вмешалась Майя. – Покажись нашему врачу.

– Да ерунда. – Дюк махнул рукой, пытаясь скрыть боль. Очень уж он сомневался в знаниях этого врача. Майя привстала на носочки, чтобы глянуть на рану.

– Давай я расскажу тебе кое-что. И всем вам: коротко и быстро, чтобы потом не возникало вопросов. Днем в этой лесной Сафаре не выживает ни одно животное. Все животные теперь ночные. Волки, лисы, медведи. Да, выжили, да, мутировали. Волк, которого вы видели, серьезно болен. Наследство зараженных земель. Поел, попил там, и все – уже болен. Этот волк голоден и не понимает, что происходит. Не различает ночь и день. Просто ищет еду, пока болезнь разъедает его изнутри...

– А умрет от жары и истощения, – закончил Элиот.

– Ну или начнет выжирать свои конечности, – спокойно ответила Майя, а Элиот скривился.

– А этот? – удивилась Аня. – А эти... – уточнила она же.

– Айсберг, ко мне! – крикнул Элиот, и из кустов вышел второй черный волк, крупнее предыдущего.

– Живут с нами, передвигаются в основном ночью, но с нами всегда рядом. Мы следим, чтобы они ничем не заразились.

– Вопросы остались? Или можем ехать? – улыбнулся Элиот.

– Куда? – удивилась Аня.

– Господи, давай их тут оставим, – не выдержала Майя.

– Умереть в пещере, под жарким солнцем или от рук дикарей? – задался вопросом Дюк.

– От рук дикарей, – подхватила Ника.

– Однозначно дикарей, – улыбнулся Дюк.

Остальные пожали плечами, не найдя, что возразить.

– Ехать далеко. Каждый волк повезет двоих. Парни, садитесь на Мяту. – Элиот указал на волка поменьше, стоявшего возле Майи – на того самого волка, а точнее, на волчицу, спасшую их. – А женщина и ты, низкая, садитесь на Айсберга. – Он кивнул Марии, которая, похрамывая, медленно вышла из пещеры. По пути Ника нашептывала ей на ухо о всем происходящем. Самочувствие ее оставляло желать лучшего, но она утверждала, что с поездкой справится.

«Ехать на волках!» – с восхищением подумала Аня.

Она была права! На них можно передвигаться!

– А я?.. – пролепетала Ника.

– Своим ходом? – засомневалась Майя. – Или у тебя что-то с ногами?

– Не знаю. – Глаза Ники забегали.

Она передвигалась быстрее любого спортсмена, но насколько ее хватит, да еще и в лесу...

Остальные без пререканий заняли свои места, и Майя, встав между зверями и хлопнув их по гладким бокам, громко крикнула:

– Домой!

Большие волки помчались – сначала медленно, но постепенно разгоняясь так, что Аня действительно испугалась того, что ее может сдуть встречным ветром. Майя осталась с Никой, показывая, как принять стартовую позу перед соревновательным забегом.

Опустившись рядом с ней на колени, Майя уперлась руками в землю и приподняла таз. Вероника послушно повторила за ней. Внезапно Майя звонко расхохоталась.

– Я что-то делаю не так? – спросила Ника, заметно покраснев.

– Да я шучу, просто побежали. – Еще раз улыбнувшись, девочка сделала несколько шагов и рванула вперед. Ника последовала за ней.

* * *

Звери передвигались с огромной скоростью, сосредоточиться на пейзаже было практически невозможно, поэтому Аня перестала пытаться и просто прикрыла глаза. Примерно через час бег замедлился, пока они не остановились на лесной солнечной просеке. В лесу стояла полная тишина, не было слышно даже чирикания птиц.

Они явно ожидали увидеть что угодно, но только не прозрачный купол. На первый взгляд сложилось впечатление, что он был прототипом тех куполов, под которыми до этого коротали свое существование ребята, но только во много раз меньше. Сектора, где жили ребята, вмещали в себя огромные города, а этот – небольшую деревню. Дюк даже сравнил это место со своим районом, который за час он бы точно обошел. Также главным отличием его было отсутствие бетонных стен. В конце полупрозрачного коридора уже была открыта дверь. Едва они вошли, как перед ними открылся вид на небольшую деревушку. Маленькие одноэтажные и двухэтажные домики, переплетенные неширокими улочками, колодец в центре свободной площадки перед длинной деревянной постройкой, похожей, как показалось Эрику, на амбар. Но самое главное – повсюду, у каждого дома и на улочках, росли деревья с могучими стволами, широко раскинувшими свои ветви в сторону. Сами гости оказались в окружении всевозможных кустарников, радующих взор насыщенным зеленым цветом.

«Кислород! Здесь есть кислород», – пронеслось у Эрика в голове.

Другие тоже догадались об этом. Аня первой сняла маску и сделала глубокий вдох.

– Воздух! – обрадованно воскликнула она, прикрыла глаза и глубоко, с блаженством вдохнула – ее легкие наполнились чистым,

действительно свежим воздухом с сильным ароматом зелени.

Вслед за ней остальные поспешно сняли маски.

– Добро пожаловать, – произнес мужчина лет пятидесяти, показавшийся на пороге маленького дома, ближайшего к воротам, и медленно направился к ним. У него был вздернутый нос, светлые волосы неряшливо зачесаны на правую сторону, а на лице отросла небольшая щетина. Он носил застиранную белую рубашу и свободные штаны цвета хаки.

«Точно, деревня!» – подумала Аня с улыбкой.

Когда-то давно, когда отношения с Лидией были еще не такие натянутые, она слушала рассказы мачехи о бескрайних зеленых полях. Где люди жили в таких домах, что могли выйти ночью на крыльцо своего дома и часами наблюдать за закатами, звездным небом и восходами. Рядом гуляли коровы и козы, поедая траву. И это все совершенно не вписывалось в мир, где росла Аня. Граница – бетонная стена, жизнь в коробке многоэтажного дома, где страшишься даже соседа на лестничной площадке, а уж коров и коз выращивают только на убойных фермах, откармливая их гормонами.

– Ну что же, прошу, проходите. Будьте нашими гостями, – окинув всех взглядом, проговорил Рой – видимо, это был именно он.

Поглядывая по сторонам, Аня и Эрик немного растерялись. Ане непривычный пейзаж казался волшебной вселенной, существование которой в их реальности она даже представить себе не могла. Слушать рассказы – одно, побывать в таком месте – казалось чем-то несбыточным. А Эрик все больше и больше приходил в недоумение. Кроме деревянных построек, вокруг были ухоженные огороды, тропинки, усыпанные камнями, подходящие к каждому домику, – все чисто и опрятно. Да и вообще, деревня казалась очень уютной и спокойной. Здесь ощущалось умиротворение.

«Будто никакой войны не было и в помине», – поймал себя на мысли Эрик.

– Пройдемте, подождем вашу подружку за чашечкой крепкого чая.

– Ты говорила про врача... нам бы сходить к нему... – начала Аня, но Дюк остановил ее, резко одернув за плечо, и воскликнул:

– Перекусить бы чего к чаю! Мясо там какое-нибудь, ребрышек. – Когда они с Аней встретились глазами, он с жалостливым видом

прикоснулся указательным пальцем к губам, просто умоляя ее промолчать.

– Юмор – это хорошо, молодой человек. Юморных у нас любят.

Рой пригласил их в первый же дом – в единственное каменное здание во всей деревне, расположенное на небольшом холмике, густо заросшем ровной, словно подстриженной травой. Казалось, что природа сама его так укутала.

Остальные постройки располагались на некотором расстоянии от входа, в низине. Дом был одноэтажный, тонкая дверь крепилась на роликах и отъезжала в сторону.

Сразу у входа стоял низкий стол, вокруг было разбросано с полдюжины подушек, видимо, служащих и стульями, и кроватью одновременно. По левую сторону находилась небольшая кухня со шкафчиком для посуды, полкой для книг и небольшой самодельной железной печью, растапливаемой дровами. В глаза ребятам сразу бросился дымоход, уходящий вниз. «Видимо, фильтр там», – подумал Дюк и глянул на Эрика; тот подтвердил его мысли едва заметным кивком. Более ничего в этой конуре не обнаружилось.

– Присаживайтесь, а я приготовлю нам чай. – Рой указал на подушки, а сам, повернувшись к ним спиной, набрал воду из ведра в углу в алюминиевую, местами черную от копоти, кастрюльку. Затем поставил ее на печь.

Гости скромно, не спеша, подошли к столу и, с любопытством осматриваясь, заняли предложенные им места. День близился к концу, и все, здорово устав от непривычной скачки на диких животных, вытянули уставшие, ноющие ноги.

– Уже довольно поздно, поэтому мы подготовили для вас свободный дом. Дождемся вашу подругу, и пойдете отдыхать. Ну, а побеседуем мы с вами завтра.

– Но у нас к вам столько вопросов... – расстроено протянул Эрик.

– У меня к вам не меньше. Но, как говорится, утро вечера мудренее.

Рой расставил перед гостями чашки со щепотками чая на дне и поочередно налил всем воду. Чашек было шесть, и Эрик не сразу сообразил, что лишняя предназначена Нике. Едва он успел об этом подумать, дверь отъехала в сторону, и вошли Ника с Майей. Обе,

покрытые толстым слоем пыли, выглядели весьма потрепанно. Одежда Ники, к тому же, была разорвана в двух местах. Через дырки на защитном костюме выглядывали разбитый локоть и разбитое колено. Майя молча провела Нику в дом и развернулась, собираясь уходить, но остановилась и коротко доложила Рою:

– Больше никого не обнаружено. Элиот еще сторожит, но его уже вышли заменять.

– Хорошо, спасибо, Майя. На сегодня тебе тоже достаточно. Отдыхай.

Майя кивнула и скрылась за дверью, бросив на гостей недовольный взгляд.

Ника сразу осмотрела всех присутствующих и, увидев мать, выдохнула. Напряжение девушки спало, плечи опустились. Самочувствие у Марии не стало лучше, она, казалось, вот-вот готова была припасть к стене. Лицо нее покраснело от переживаний.

– Я сейчас провожу вас к месту отдыха, – сказал Рой, глядя на Нику, отчего той стало неловко. – И чай, который выпила ваша мама, должен ей помочь.

– Как ты? – мягко спросил Эрик, когда она уселась рядом.

– Ноги болят ужасно просто. Донеси меня до кровати, доблестный воин, – шутливо ответила Ника, корча жалостливую мордашку. Но раны болели всерьез. – Ну, пожалуйста, Эрик! Ты вон какой сильный, – засмеялась она, когда он потянулся осмотреть ее руку. Ей было стыдно признаться, что пару раз во время бега она споткнулась. – Мы же будем где-то спать? Не на полу? Хотя я, в общем-то, и на полу могу... – спохватилась Ника, взглянув на Роя.

Тот не сдержался, и в маленькой комнатке раздался громкий смех, который поначалу немного всех испугал.

– Конечно, – успокоился он, но улыбка не сходила с его лица. – Идемте, я все вам покажу.

Он неторопливо поднялся из-за стола и направился к выходу.

– Спасибо вам, – смущенно прошептала Аня. Взгляды всех, кто был в комнате, устремились на нее.

– Что? – переспросил Рой, не расслышав.

– Спасибо, что помогли нам. Что спасли. Я думала, мы умрем.

– Не за что, – опять заулыбался он. – Рад был помочь. Хотя этим вы больше обязаны Майе и Элиоту.

– Да, их тоже нужно поблагодарить, – поддержала Мария.

Рой вышел на улицу.

Аня резко встала из-за стола и побежала было следом, но тут же остановилась, видя, как Эрик берет на руки Нику. Стараясь не показать своего удивления, она развернулась и зашагала за Роем.

– А? Ты чего? – удивилась Ника.

– Ну, ты же сама просила, – спокойно ответил Эрик, едва ощущая ее вес. Она была не тяжелее Ани. – Догадываюсь, что ты устала больше всех нас, вместе взятых.

– Но это же была шутка!

– Ничего не знаю. Сиди и не дергайся, а то оба покатаемся с горки, – пригрозил он и направился к выходу.

– Спасибо, Эрик, – смущенно прошептала Ника ему в ухо.

Ее щеки налились румянцем, она сложила руки на груди, упираясь локтем Эрику в ребра, но не замечая этого.

– Переложи руки, пожалуйста.

– Что? Куда? – с недоумением спросила Ника, но тут он чуть быстрее шагнул вперед, сделав вид, что сейчас упадет, и она инстинктивно обхватила его за шею.

– Вот сюда, – с улыбкой произнес Эрик, выпрямляясь.

– Ах ты... – возмущенно воскликнула Ника, однако руки не убрала.

Так, сбившись в тесную группку, они шагали за Роем, слушая его пояснения.

– Здесь, в этом здании, у нас больница. – Рой указал на деревянный двухэтажный дом – тот самый, который Эрик принял за амбар. С вершины, откуда они спускались, открывался самый лучший вид на деревню. – Она большая, потому что поначалу здесь было сложнее, чем сейчас. Мы приютили много беженцев во время войны. Не всем, к сожалению, смогли помочь, но старались. И до запуска ракеты, и после. Хорошо, конечно, что в последнее время она не слишком востребована. Мы теперь там проводим собрания, отдыхаем и даже храним зерно. В доме напротив живет швея, рядом с ней пекарь. А вот здесь вы пока остановитесь, – указал он на двухэтажный светлый домик с конусной крышей.

Уставшие путники мгновенно приободрились. Рой, прихрамывая, медленно подошел к двери и постучал железным колечком,

заменяющим дверной звонок, по фигурке головы льва с раскрытой пастью. Через несколько секунд дверь отворила немолодая полная женщина в бежевом халате и засаленном фартуке поверх него. Седые короткие волосы обрамляли ее усталое грустное лицо, однако при виде гостей она улыбнулась, вокруг бледных губ и серых выцветших глаз показались морщинки. Впрочем, они были ей только к лицу.

– О, Рой-Рой! Как я рада тебя видеть! Давненько не заглядывал. Али успел забыть про старуху? – воскликнула она, по-матерински улыбаясь. – Даже о гостях малышей послал сказать.

– Здравствуйте, Натали! – произнес Рой. На самом деле он заглядывал к ней на чай пару дней назад, не говоря о каждодневном обходе. Но с памятью пожилых людей время часто играет злую шутку. – У тебя все готово?

– Конечно, проходите, проходите. – Натали отошла в сторону, вытирая руки полотенцем. – Выбирайте места сами, дом полностью в вашем распоряжении.

Она провела гостей в комнату на первом этаже.

– Тут давно никого не было. Здесь всего три кровати, а наверху еще три. Располагайтесь, располагайтесь.

Все переглянулись. Было уже все равно, где спать, хотелось просто побыстрее улечься.

– Отлично, тогда жду вас завтра утром, – улыбнулся Рой, вскинул в прощальном жесте руку и направился к выходу. – Сегодня просто отдохните с дороги.

– Мария еле на ногах стоит, думаю, разумнее уступить ей первый этаж, – потирая затылок, обратился Эрик к Нике.

Ника кивнула, взяла мать под руку и увела в комнату напротив входной двери, улыбнувшись всем на прощание. Слева находилась еще одна комнатка – спальня хозяйки, а также скромно обставленная кухня: голубоватая столешница со старой плитой, две деревянные полки – одна над другой – с различной кухонной утварью, холодильник довоенного времени, обеденный стол и четыре стула.

Справа от комнаты, где остановились Ника с мамой, располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Там, в единственной комнате под треугольной крышей, и расположились остальные гости. Матрасы были старые, потертые и очень жесткие. Одна из пружин упиралась Эрику в ребра, запах сырости наполнял комнату. Но это

казалось такой малостью. Аня расположилась на кровати у окна. Из него хорошо проглядывалось чистое небо, и к ней внезапно пришло осознание – сейчас она жива. И это по-настоящему.

Глава 9

Когда гости шагнули за порог купола, Гелиос торопливо бежала по лесу.

Гелиос – девушка с медовыми глазами, что сияли ярче арктических звезд, и черными, как сам космос, волосами, названная в честь солнечного божества, – после разговора с сестрой, которая не могла покинуть деревню из-за болезни, вдохновилась на долгую прогулку. Поэтому она выбрала не самый короткий путь.

Огибая красные поляны, Гелиос бесшумно шагала вперед, внимательно оглядывая алый лес теперь уже заполненными черной смолой глазами. По мере того, как она продвигалась к назначенному месту встречи, гуща деревьев редела, а цветов становилось все меньше. Хоть война и уничтожила жизнь вне куполов, но довоенные поселения никуда не делись. Большинство, понятно, превратилось в руины, заросшие алой растительностью, но все равно сохраняющие свои темные цвета, пыль и разруху. Эти места были для Гелиос пугающе прекрасны. Сколько людей погибло в своих постелях, в домах, которые они считали крепостями... И все это застыло без намека на восстановление. С этими мыслями Гелиос опустила взгляд на игрушки под ногами: на сломанных кукол, плюшевых мишек, остатки цветной пластмассы, бывшие когда-то большим игрушечным трактором. Она даже рассмотрела обломки детской кровати.

– Никого не пощадила... – еле слышно прошептала она.

– Скучала? – раздался голос за ее спиной – знакомый, мягкий, с такой манящей к себе теплотой.

Она с улыбкой обернулась и, соскочив с кучи бетонных обломков, кинулась обнимать юношу. Высокий темноволосый парень, коротко стриженный, с выбритыми висками, возвышался над Гелиос, даже несмотря на то, что она стояла на металлических прутьях арматуры, в беспорядке разбросанных повсюду. Синие кончики его волос до сих пор удивляли ее, казались такими непривычными, хотя с момента их первой встречи минул уже почти год.

– Конечно, скучала! – весело воскликнула Гелиос, хватаясь за его куртку. – Ты даже себе представить не можешь как.

– Я думаю, что могу, – ласково прошептал он, обнимая ее и прижимая к груди. – Я спешил, как только мог.

С минуту они стояли молча, просто наслаждаясь объятиями друг друга.

Гелиос приходила всегда точно по расписанию, а вот Арес, к сожалению, для ее же блага, иногда пропускал встречи. В этот раз расставание было пугающе дольше обычного. За это время она даже успела представить себе, как доходит до запретной для нее территории, до куполов, стучит своим маленьким бледным кулачком по стенкам, требуя выдать ей Ареса, и как ее с теплом встречают и провожают к нему. Но о таких, как она, о сверхлюдях, узнали под куполом недавно, и, как рассказывал ей Арес, те сразу же оказались под запретом. Поэтому пока картина их встречи оставалась только в ее голове.

– Ты опять раздета, – окинул он неодобрительным взглядом ее черное легкое асимметричное платье с капюшоном. – Даже ничего на руки не накинула, – возмутился он, проведя подушечками пальцев, словно прикасаясь к фарфору, по плечу девушки.

Да, днем температура как в пустыне, но сразу после обеда, когда начнет холодать – его будет спасать спецкостюм, а ее... он до сих пор так мало знает о ней и о том, как таким, как она, удалось выжить.

– Мне не холодно. – Она отвела взгляд.

Иногда приятно побыть ребенком для кого-то, но люди, не привыкшие к заботе, не всегда могут ее принять. Для таких, как Гелиос, забота – сомнительное, незнакомое удовольствие, казавшееся неуместным.

Вдруг маска Ареса начала мигать желтым, оповещая о сигнале от владельца. Он давно рассказал ей о том, что значили все цвета на

маске: красный – опасность, или просьба о помощи, синий – я справлюсь сам, желтый – все под контролем, фиолетовый – призыв к осторожности или приказ замереть.

Новые технологии всегда завораживали Дикую (как их начали называть под куполами, когда узнали о вероятных выживших за стенами), и сейчас она, позабыв о разговоре, с любопытством смотрела на мигающую маску, скрывающую лицо возлюбленного.

– Я правда расстроен.

– Если ты останешься, я хоть в шкуре гризли буду ходить.

Она, конечно, прекрасно знала, что ему придется уйти. И, хотя фраза была скорее шуточной, он заметно поник. Грусть читалась и в ее глазах.

– Прости, солнце, не могу этого обещать.

– Я знаю, Арес. Просто мне так тоскливо каждый раз, когда ты уходишь... – прижимаясь щекой к его груди, произнесла Гелиос.

Арес обнял ее в ответ и замер, страхась спугнуть мгновение.

– Мне тоже.

Чтобы разрядить обстановку, Гелиос поспешно сорвала с остатков стены люминесцентный цветок, ярко озаряющий синим мерцанием пространство вокруг себя, и вдохнула его светящуюся пыльцу, а затем, высоко подняв голову с озорным смехом, чихнула, прикрыв на миг глаза.

– Гелиос! – строго сказал ей Арес. – Что мы говорили насчет таких фокусов? Это может быть опасно!

По телу девушки пробежали мурашки. Добрый и ласковый, Арес редко повышал голос, но этот строгий тон заставлял дрожать все внутри нее. Она со страхом в глазах жалобно посмотрела на него.

– Извини. – Он потянул Гелиос за руку, снова прижимая ее к груди. – Мы ведь говорили с тобой об этом. Цветы еще не изучены как следует. Неизвестно, насколько они ядовиты или радиоактивны. Я не переживу, если с тобой что-то случится. Пожалуйста, будь осторожнее. Ну или хотя бы делай вид, что осторожна, при мне.

Она молча кивнула. Арес опустил голову, касаясь маской ее тонкого плеча, и тяжело вздохнул:

– Что мне с тобой, такой непослушной, делать?

– Любить, – обиженно прошептала она.

Любить? Арес не так давно узнал значение этого слова и теперь чувствовал себя ребенком. Влюбленным, беззащитным ребенком с самой обычной мечтой: просто быть с ней двадцать четыре на семь.

– Я люблю тебя. Больше всего на свете.

Его никогда не задевали перепалки с коллегами, оскорбления от наставников и даже неприязнь остальных солдат, которые то и дело не упускали возможность обсудить: как же Отряд Приспешников мозолит им глаза. А вот сомнения Гелиос всегда оставляли неприятный след на его душе.

– Правда?

– Конечно, правда.

– Пойдем! – внезапно воскликнула она, отступая от Ареса и хватая его за руку.

– Босая ты не пойдешь.

– Слушай, я обувь с рождения не носила, – возразила Гелиос. – В ней я и ста метров не прошагаю, не сломав себе ноги.

– Значит, постоим здесь.

Гелиос надула пухлые губки и отвернулась, скрестив тонкие руки на груди:

Я хотела тебе кое-что показать.

– Да? Я очень хочу взглянуть. Но еще я хочу, чтобы ты дожидала до момента, когда я все исправлю и смогу забрать тебя под купол. А если будешь расхаживать босая – наступишь на что-нибудь и умрешь от столбняка.

– Значит, я пойду домой! Может, и наступлю на этот столбняк! – обидевшись, вспылила Гелиос и резко развернулась в попытке уйти, но Арес схватил ее за тонкие бледные запястья, привлек к себе и крепко обнял, касаясь респиратором ее макушки.

– Солнце мое, наши встречи так редки и коротки. Пожалуйста... – Он не договорил, но Гелиос поняла, и чувство обиды стремительно сменилось чувством вины. Она посмотрела ему в лицо и едва заметно кивнула.

– Да. Прости.

– Где та обувь, что я принес тебе?

Много в этом мире не менялось, например, место встречи: развалины многоэтажек, что до сих пор то и дело осыпались. Из-за риска быть погребенными заживо тут не бывало ни мутантов, ни

людей, ни даже животных. Поэтому Гелиос без угрызений совести, руководствуясь лишь благоразумием, оставила дорогостоящий подарок (хотя цену ему она не знала) в уцелевшем шкафу одного из полуразрушенных зданий.

Она надела непривычные для нее высокие сандалии и поочередно нажала на кнопки в их платформах. Под платформами загорелся холодный, голубой, как небо, огонек, и Гелиос плавно поднялась в воздух на высоту нескольких сантиметров. Арес мягко поддержал ее, помогая сохранить равновесие и спуститься с руин. Такая обувь обеспечивала бесшумное передвижение и не оставляла никаких следов благодаря тому, что пламя в них было холодным.

Вступая в должность Приспешника, солдаты получали всего два поручения: исследовать жизнь за куполом и докладывать о ней. Они проводили там большую часть времени, прячась в лесах от посторонних глаз, потому окрестности знали не хуже самих мутантов, да и экипированы были куда лучше. Поэтому Ареса сложно было удивить, что бы ему ни показала Гелиос: огромный водопад, светящихся рыб, плавающие острова в большом озере – он все это уже видел. Ну и, пожалуй, единственное, что действительно повергло его в шок, – это выходка с цветком. Вдыхая пыльцу, Гелиос как будто сама светилась. Это был уже не первый раз, но вот он опять отругал ее, а затем обнял и в очередной раз взял с нее обещание никогда так больше не делать. Однако Гелиос, сколько сама себя помнила, никогда не была послушной.

Сейчас она повела Ареса ближе к окраине, где раньше стояли загородные частные дома. Здесь, среди руин и развалин, она нашла чудом уцелевший домик и в минуты тоски и грусти неспешно приводила его в порядок, чтобы у них с Аресом было более уютное место для встречи: подлатала крышу, выгребла мусор, таскала с дальнего озера воду в раздавленном ведре, чтобы все отмыть. И теперь перестиранные не раз ковры, матрас, постельное белье и сломанный шкаф с серой дверью, на которой раньше, скорее всего, висело зеркало, смотрелись совсем неплохо. Единственная комната была сама по себе небольшой, но светлой, преимущественно в белых цветах. Выделялась только большая черная кровать с узорами и серое постельное белье на ней.

– Ого! Слов нет... Милая, здесь очень красиво, – растерянно произнес Арес.

Сняв у порога обувь, Дикая нетерпеливо потянула Ареса за собой. Неловко сбросив ботинки (нехотя, но зная, что это неизбежно – Гелиос не простит такого), он пошел за ней, постепенно расслабляясь. Она усадила его на край кровати и, устроившись рядом, прижалась к возлюбленному.

Арес невольно обнял ее, все еще находясь под впечатлением от комнаты.

«Интересно, могла ли у меня быть такая?» – спросил он сам у себя, вспоминая свою жизнь.

Приспешники обучаются с детства, имея только одну цель – следовать приказам правительства. Безвольные, набранные из числа сирот, задуманные как проект по исследованиям, считающиеся всего лишь «средствами получения информации», они проходили полный курс военной подготовки – и вместо игрушек каждый день держали в руках оружие. Им запрещалось выходить на улицу до шестнадцати лет, говорить с кем бы то ни было об отряде и о подготовке. Все их детство проходило в помещениях с минимальными удобствами, в физических тренировках или на занятиях по изучению растительного и животного мира.

– Ты помнишь, как первый раз увидел меня?

– Да, – сухо ответил он.

– Я думала, ты убьешь меня, – неловко усмехнулась она.

«Да, я тоже», – подумал он, но вслух этого не сказал.

– С собранными в хвост длинными волосами, – уткнулся он носом в ее волосы, но из-за маски запаха не почувствовал. – Ты тогда собирала травы и цветы для сестры. Когда ты увидела меня, то очень испугалась, словно зайчонок при виде матерого волка. Я видел, как тебе страшно, как ты дрожишь. Хорошо это помню. Еще помню, как был очарован твоими большими и красивыми глазами... Гелиос, не оставляй меня, прошу, – уже шепотом закончил он, вспомнив миг, когда его мир перевернулся. Когда он понял, что сверхлюди – не монстры.

– А ты – высокий, строгий и серьезный, похожий в своем костюме на секретного агента, – ласково и торопливо выговорила она.

– Но я и есть секретный агент. Даже сверхсекретный, – усмехнулся Арес.

Несколько минут тишины, теплая улыбка на лице Гелиос... На миг Аресу показалось, будто он попал в другой мир. Не такой, как этот, а мирный и спокойный, где все люди счастливы. И ему так хотелось этой обычной жизни с ней, с его Гелиос. Он никогда не говорил об этом вслух, никогда не рассказывал ей, как хотел променять все, что у него есть, на одно-единственное желание. Но казалось, что для Гелиос слова были лишние. Она хотела того же, и сейчас, казалось, просто пыталась создать их мечту здесь, в чьем-то заброшенном доме. Еще бы не эта маска... Он бы все отдал за то, чтобы снять ее и поцеловать девушку. В этой игре он здорово проигрывал, задолжал ей уже больше сотни касаний губами. Но их идиллию прервал металлический браслет, надетый на запястье его правой руки, с несколькими индикаторами – он так не вовремя и так раздражающе замерцал тусклым красным светом.

– Сбор. Пора возвращаться, солнце мое, – печально произнес Арес, не двигаясь.

– Нет, – грустно протянула Гелиос, чуть не плача. – Сколько можно уходить! Я умираю от тоски по тебе.

– Я могу остаться. Умру, но это будут самые счастливые несколько часов моей жизни, – спокойно произнес он, и девушка вновь начала корить себя за то, кем она является, и что не родилась под куполом.

Арес понимающе молчал, глядя ладонью ее щеку.

– Могу даже маску снять. – Голос его звучал монотонно, спокойно, тихо и немного хрипло. Хотя бы один поцелуй он успеет ей отдать.

Гелиос понимала, что он говорит серьезно.

– И я прошу тебя, Гелиос, не ходи к куполу. Не надо меня встречать, это очень опасно. Ладно?

В ответ она обиженно поморщилась. Это выражение лица было хорошо ему знакомо. Оно означало, что Гелиос не послушается и сделает так, как считает правильным сама.

– Гелиос, я сказал «нет». Если нужно выбрать между твоей безопасностью или моим появлением в лесу, выберу то, что сохранит тебе жизнь.

– Разве ты сможешь не появляться, если любишь меня так, как говоришь?

– Конечно, если меня съест гризли.

– Дурак! – обиженно вскрикнула она, кидая в Ареса, уже стоящего на пороге, подушку.

– Береги себя, любовь моя, – грустно бросил он на прощанье и вышел за дверь, преодолевая желание остаться. Она долго смотрела ему вслед, а затем, когда он уже скрылся в лесной чаще, бессильно упала на постель и громко заплакала от безысходности и тоски, разъедавших ее изнутри.

Глава 10

Ночь. Аня долго ворочалась и никак не могла устроиться поудобнее. Она долго смотрела в потолок, разглядывая мелкие трещины в белом потолке и представляя, как этот потолок рухнет прямо на нее, а потом резко зажмурилась, будто выбрасывая мысли из головы, и после обратилась к брату:

– Эрик... Ты спишь?

– Да.

– Ну не спишь же.

– Сплю.

– Эрик, ты ведь знаешь, кто такие кентавры?

У Эрика не было сил отвечать, но расстраивать Аню он тоже не хотел:

– Знаю, конечно.

– Вот когда у них ребенок... ну это... делается... в каком он животе? Ну, если с анатомической точки зрения, у них же два живота.

Эрик приподнял голову, на его лице отразилось полнейшее недоумение.

– Аха-ха-ха! Эрик, по-моему, один из цветков, которые Аня сегодня нюхала, кроме аромата, имеет странный побочный эффект, – рассмеявшись, выдал Дюк.

– Какой? – наивно поинтересовалась Аня.

– Да штырит от него нехило, судя по твоим вопросам.

– Ах ты ж... – начала возмущаться она, приподнимаясь с таким решительным лицом, что Дюку на секунду стало страшно.

Внезапно Эрик хлопнул в ладоши:

– Так, все! Дюк, ты можешь хоть раз просто заткнуться? И ты – быстро спать! Демон маленький.

Оба тут же притихли. Они действительно сильно вымотались за день, поэтому все, кроме Ани, мгновенно заснули. В доме было тихо, слышались только какие-то шорохи на первом этаже. Полежав еще несколько минут, Аня решила спуститься.

Натали сидела на кухне, рассматривая старые фотографии. Она встретила Аню теплой улыбкой, хотя та сразу же заметила глубокую печаль на ее лице. Судя по всему, спать хозяйка еще не ложилась, скорее, даже не собиралась.

– Доброй ночи, – смущенно сказала Аня.

– Доброй. Почему ты не спишь? За окном давно ночь. Да и путь наверняка был тяжелый.

– Не могу уснуть... Не знаю. Вы не возражаете? – Аня неуверенно указала на стул.

– Да, конечно, присаживайся. Я заварю свежий, – засуетилась Натали.

– Нет-нет, я сама. Отдыхайте, – остановила ее Аня. Быстро сориентировавшись, она сама занялась заваркой. – Знаете, у вас очень уютно.

– Спасибо, милочка.

Аня обратила внимание на фотографии, небольшой стопкой лежавшие на краю стола.

– Ваши родственники? – неуверенно спросила она, боясь показаться бестактной.

– Да... – Натали встала, чтобы убрать фото со стола. – Дочь с зятем и трое внуков... До войны переехали на заработки в другой город, неплохо там устроились, помогали мне, приезжали на каникулы.

– А что потом? – спросила Аня и тут же прикусила язык. И так все ясно.

– Потом? Потом началась война. И с самого ее начала от них нет никаких вестей... Я не знаю, живы они или нет. – На глазах Натали показались слезы. Старушка судорожно вытерла их, обессиленно опустившись на стул. – И просто... Понимаешь, когда я узнала, что у нас будут гости, то сразу предложила оставить вас у меня. А когда вы действительно пришли, у меня, кажется, появилась маленькая мечта. Я

очень хочу проснуться одним утром, и чтобы мне сообщили о возвращении моей дочери и ее семьи. – Она потрясла фотографией и громко заплакала.

Аня растерялась, не зная, как выразить свое сочувствие. Она зависла посреди кухни с чашкой в руках и не сразу решилась подойти. Опустив чашку на стол, она слегла коснулась плеча женщины, нежно провела рукой. И, как бы это ни было странно, она набралась смелости и приобняла ее.

– Мне очень жаль, – прошептала она.

Когда Натали успокоилась, Аня присела рядом.

– А что произошло с вами? Что это за деревня?

– Вообще-то, Рой-Рой не рекомендует нам общаться с гостями, пока сам с ними не поговорит. Я могу рассказать лишь то, что знаю. Остальное расскажет он. Рой-Рой как-то приехал сюда, поселился. Быстро и неожиданно. Давно у нас новых соседей не было, в деревне нашей. Поначалу он бывал здесь нечасто. Но однажды, еще до взрыва, он предложил построить купол. Говорил, что придумали очень опасную бомбу, и вот, мол, химия, скоро все умрем, надо что-то делать, – вспоминала она. – Сначала его слова не восприняли всерьез, а потом еще и достроить помогли. Самодельный он у нас. Сначала был неустойчивый, из старых окон... Потом, помнится, Рой-Рой откуда-то привез хороший материал, и вот, постепенно, кусочками, выстроили такую красоту над нами.

– Хороший материал? Откуда?

– Да почему мне знать-то, – усмехнулась в ответ Натали. – Неудобно было спрашивать, построил и построил. После взрыва бомбы он так и остался жить тут. Мы еще много кого с войны встретили. Лечили, помогали... – Она выдержала небольшую паузу. – А вы сами-то откуда? Как сюда попали?

– Знаете... долгая история, – обрадовалась ее интересу Аня. – В общем, у меня был день рождения...

И она рассказала Натали всю их историю, от начала и до конца, не упустив ни малейших подробностей. Рассказ вышел долгим. Зато после Аня спала крепко.

Когда хозяйка дома и Аня уже уснули, в коридоре послышался шум. Это Ника тихо кралась по дому, как грациозная лань. После такого марафона в лесу она едва сдерживала звериный голод, ворочалась не один час, но уснуть так и не смогла. Решив быстренько поискать, чем бы перекусить, как была, в одном белье, она вышла на кухню. Дожидаясь, пока разогреется плита, она нашла в уголке, на тумбе, пластиковую, незнакомую ей коробку. Сначала трогать ее было страшно, но интерес быстро взял свое, и Ника стала крутить коробку в руках и нажимать поочередно на все кнопочки. Раздалось тихое шипение. Ника отпрыгнула, замерла – и вдруг после услышала тихую мелодию.

– Вау...

Завороженная, она выпрямила спину, с размаху ударилась головой о шкафчик и потеряла равновесие, но... не упала. Ее кто-то поймал, приобняв со спины. Немного испуганная, она осторожно обернулась и увидела улыбающееся лицо Эрика. Щеки Ники покраснели, она не смогла произнести ни звука. Ей было ужасно неловко, что она не одета.

– О, ты нашла старый кассетный плеер? Я такой с отцом разбираю, – тихо прошептал Эрик на ушко девушке, чтобы никого не разбудить. – Но лучше мы его утром попросим включить, ладно?

Эрик выключил музыку одним легким касанием, а потом медленно провел рукой над плитой.

– Плита нагрелась.

– А... да-а... – Ника растерялась, и от этого речь ее стала несвязной. Она попыталась было оправдаться за неуклюжесть и внешний вид, пряча под ладонями красные щеки, но и пары слов связать не могла.

– Ты так и не обработала раны? Тебе хоть выдали то, чем это можно сделать? – Эрик улыбнулся и поставил сковороду на плиту. Он повернулся к холодильнику, начал бегать глазами по полупустым полкам.

– Да, – прошептала она. – Жидкость, мазь какая-то и бинт, но у меня не получилось самой, – покраснев, призналась она.

– Тащи сюда, я все сделаю. О, я нашел еду! Кажется, гречка; будешь?

«Беда, беда-а-а-а», – пронеслось у нее в голове.

– Буду... Я шорты надену и вернусь.

«Нет, нет! Я не могу влюбиться! – мотала головой Ника, бегая по комнате в поисках шорт. – А если я сейчас не вернусь, он не поймет, обидится... Уф-ф...»

Она собралась с духом и вернулась на кухню, где за столом с чашкой в руке ждал ее Эрик.

– Бессонная ночь?

– Да, – смущенно произнесла Ника, уже смирившись с тем, что этот голос ей хочется слушать вечно.

Он аккуратно обработал ей раны: обязательно дул на локоть, когда сильно жгло, и нежно поцеловал в коленку, чтобы быстрее зажило. Первая ночь новой жизни, когда для всего остального мира они были мертвы – казалась такой долгой и теплой.

Глава 11

Нехотя проснувшись от солнечных лучей, бьющих ей прямо в лицо через небольшое окошко, и вспомнив, что уснула она точно не в своей кровати и вообще не в доме Слотов, Аня сразу же открыла глаза и резко села. Изгнание не сон; она жива – и это тоже не сон. На соседней кровати крепко спал Эрик, другая же пустовала. Аня не успела собраться с мыслями, уцепиться хотя бы за какое-то предположение, куда мог подеваться друг, как в коридоре послышались шаги, и в комнату вошел Дюк. Из одежды на нем были только шорты; капельки воды блестели на бледном спортивном теле. Вытирая волосы, он не сразу заметил бодрствующую Аню, уткнувшуюся от стыда в подушку.

– Ты бы хоть постучал, – шепотом возмутилась она, поглядывая искоса на спящего Эрика.

– О, доброе утро! Я тебя смущаю?

Аня, не поворачиваясь, кивнула.

– Да брось! Давай я прокачу тебя до кухни? – улыбнулся Дюк, хитро сверкнув глазами. – Ника уже успела облить меня горячим чаем, поэтому моя одежда в стирке.

Аня подняла глаза, выглядывая из-под подушки, как хомяк из норки. Ей потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к такой неожиданности. Она вдруг заметила, что улыбка Дюка изменилась. При первой встрече он недобро ухмылялся и казался не очень приятным. Сейчас его улыбка стала мягче, хотя все равно предвещала какую-то шалость.

– Я не такой плохой, как вы все обо мне думаете. Не смотри на меня, как на монстра.

Ане стало стыдно.

«Каждый из нас сыграл свою роль в этом изгнании», – подумала она, поколебавшись немного, и сдалась.

– Так что там насчет поездки на кухню? – все так же тепло и одновременно хитро спросил Дюк, повесив на стул полотенце.

Он присел перед ней, повернувшись спиной. Она поморщилась, пытаясь найти свежую рану или гематому на его руке, но там ничего не было. Едва Аня смирилась с тем, что его ушиб не так серьезен, и собралась запрыгнуть на его спину, как ее внимание привлекла татуировка в виде штрихкода с цифрами «01.11» на задней стороне его шеи. Затем она взглянула на глубокий шрам у правой лопатки и осторожно провела по нему пальцами. Дюк вздрогнул.

– Эй! Щекотно же!

– Извини. – У Ани возникло множество вопросов, но задавать их сейчас показалось неуместным. Смеясь, она взобралась ему на спину, обхватив за шею, и прикрыла глаза, вдыхая его аромат. Запах был необычным. Не гель для душа, не мыло. Запах лавандовых трав... Она уткнулась носом ему в плечо, наслаждаясь. Убедившись, что Аня держится крепко, Дюк бегом, лавируя из стороны в сторону, заторопился вниз.

– Доброе утро! – радостно крикнула Аня, въезжая на кухню и уловив приятный запах свежей выпечки. Она спрыгнула со спины Дюка и села за стол.

– Доброе, – улыбнулась Ника.

– Кушайте, кушайте скорее! Рой-Рой ждет, а он, кроме бульонов, ничего не ест, – поторопила Натали. – Мальчика разбудите, друга вашего. А то ему ничего не достанется.

– Я уже встал, – спускаясь по лестнице, произнес сонный Эрик.

– Ты прям как тень... ниндзя, – засмеялась Аня, испытывая неловкость за брата.

Под куполом, будучи совсем ребенком, Аня проводила время только с Эриком и практически не общалась с другими детьми. Поначалу она вообще всех игнорировала, скромно сидя где-нибудь в одиночестве, и во дворе ее стали называть умственно отсталой. Мамы запрещали дочерям с ней дружить, а мальчишки не упускали случая

подразнить ее. Пока Эрик не сцепился с одним из них. Аня тогда с криками и слезами на глазах накинута на обидчика, здорово расцарапав ему щеку и шею. Отец того мальчика бранился, называя Аню и Эрика беспризорными щенками, которых надо изолировать от нормальных детей или вообще выгнать за купол. Но Миша одним своим видом резко охладил пыл незадачливого папаши, и тот мигом убрался восвояси. С тех пор Аню никто не обижал, хотя она по-прежнему не любила ни с кем общаться. Только с Эриком, мнение которого всегда было очень важно для нее. И сейчас она не хотела даже думать о том, что бы сказал Эрик, увидев ее, веселую и довольную, на спине его друга. Всегда молчала, игнорировала других людей, а сейчас резко вот так?

Она молча бросила жалостливый взгляд на Дюка, и тот понимающе подмигнул.

Позавтракав хрустящими блинами с зеленым медом, ребята собрались идти к Рою. Аня и Ника опередили остальных и ожидали их на крыльце дома.

– Доброе утро! – окликнул их Рой, стоявший неподалеку.

Он решал что-то с двумя жителями деревни. Один из них был совсем стар и одет не лучше Роя – в хлопчатую блузу и затертые бриджи. Стоял он, опираясь на деревянную трость. Другой, наоборот, молод, в белой застиранной майке и светлых джинсах. На его лице выделялась аккуратная бородка – Ника засмотрелась на нее и не сразу обратила внимание на недовольное выражение лица мужчины. Встретившись с ним взглядом, она сразу опустила глаза и заметила специальный ремень, на котором висели молот и отвертка – с левой стороны.

«Левша», – подумала Ника, и едва заметная улыбка промелькнула на ее лице.

– Доброе... – ответил Дюк. – Мы не помешали?

– Нет, мы уже закончили. Пойдемте в дом. – После этих слов незнакомцы направились к Натали, а Рой протянул руку в сторону своего дома, приглашая гостей к себе. Вскоре вся компания сидела на подушках у стола.

– Итак, у меня к вам есть несколько вопросов. Сколько сверхлюдей в вашей компании?

Все молча переглянулись, и только Вероника подняла руку.

– Понятно.

Рой определенно поник. Он тяжело вздохнул, опустив руки под стол.

– Теперь вы нас выгоните? – поинтересовалась Аня, а Эрик, кажется уже по привычке, ее одернул.

– Нет, дитя. Чего ты? – вымученно улыбнулся Рой, но казалось, что он уходит мыслями куда-то от общения, пытаясь скрыть разочарование.

– Мне жаль, если вы рассчитывали на помощь вне деревни, но мы сделаем все от нас зависящее, чтобы остаться тут, – сказал Эрик. Он надеялся скрасить бестактность Ани.

– Все в порядке. Работу найдем, да.

– Почему вы решили нам помочь? – рискнула спросить Аня и по инерции отшатнулась от Эрика, пока он опять не одернул ее за футболку.

Она уже даже подумывала о том, чтобы встать и пересечь ближе к Дюку. Аня была уверена, что тут, в деревне, им нечего бояться, и за такие вопросы их точно не выгонят.

– Потому, – замялся Рой. – Потому что там, в секторах, у меня осталась моя дочь. Она могла оказаться на твоём месте. Еще там остался сын моего хорошего друга. – Он почему-то посмотрел на Дюка. – С этим другом я познакомился уже во время войны, но он помог мне вылечить мою дочь. Он погиб, а я остался с чувством огромной вины, что не смог вырастить его сына.

Ребята молчали. Всегда тяжело слушать и понимать, как война разделяет семьи. С ее окончания прошло тринадцать лет, а последствия будут тянуться еще не одно поколение.

– Возможно, приняв вас, я попытался убедить себя, что заслужил прощение.

Молчание еще на какое-то время повисло в воздухе, и к Рою незаметно подкралось чувство, что он совершенно зря был настолько откровенным.

– Почему вас выгнали? Вы совершили преступление? – задал он вопрос, ответ на который знать не очень хотел. Особенно если он был положительным.

– У меня был день рож... – начала свой рассказ Аня, но закончить не успела.

– Мы узнали правду, и нас изгнали, – перебил ее Дюк.

Аня нахмурилась и с возмущенным выражением лица начала сверлить взглядом Дюка. Тот в ответ виновато улыбнулся.

– Какую правду? – неловко улыбнулся Рой, взволнованный их молчанием. – Что вообще происходит под куполом?

В разговор вмешался Эрик.

– Под куполом объявлена охота. Правительство убеждено, что мутанты опасны. Всех, кто пытается выяснить мотивы такой политики, ждет изгнание или казнь.

– Изгнание? – переспросил Рой.

– Да. Правительство не хочет сосуществовать вместе с такими людьми. Видимо, не знает, что за куполом, оказывается, тоже есть люди, которые живут в мире со сверхлюдьми.

– Чушь, – с неверием проговорил Рой. Он медленно встал с подушки и побрел к шкафу, где небрежно были накиданы старые книги, и выудил оттуда потерянный ежедневник. – Все они знают.

Рой присел обратно, провел рукой по выцветшей обложке, стирая пыль, и с хрустом раскрыл ежедневник.

– Все они знают, – бубнил он себе под нос, перелистывая ежедневник. – Этот купол, где мы с вами находимся, я построил самым последним. Если Мира еще жива, то она и не прекращала его поиск. Не умеет она слово держать.

Недоумение витало в воздухе. Но, как обычно, спросить осмелилась только Аня.

– О чем вы говорите? Боюсь, мы можем не так понять...

– Вот! Нашел! – Гордый собой, Рой развернулся к гостям и показал ежедневник, где были приклеены несколько вырезок из газет.

«Все изготавливают ракеты, а Мира Соколь – защитную стену», «Защитная стена оказалась куполом!» – гласили заголовки статей.

Где-то рядом, в соседних столбцах, мелькали новости о попадании ракет в жилые районы. Аня пыталась не смотреть на фото, на количество жертв, указанных в статье, но то и дело цеплялась за них взглядом. На информации о количестве погибших детей она закрыла глаза, не в силах больше читать об этом. Но Рой обратил внимание гостей на совершенно другое. Он указал пальцем на последнюю статью: *«Иван Рой – инженер-спаситель!»*

В статье прописывалась идея создания купола, упоминалась проблема исчезновения озонового слоя и те особенности, которые ввел инженер: полную замену флоры внутри. Купола он уже тогда называл «бетонными горшками». И фото. Да, на фото точно был Рой, только моложе. Теперь же он сидел перед ними слегка поседевший, состарившийся и недовольный.

– Вы построили все эти купола, – прошептал Эрик.

– Да, и этот тоже.

– Невероятно...

– Ну почему же? Я инженер. Люди вон самолеты построили, чем я хуже? Думаешь не смог бы бункер на земле построить? Была, конечно, осечка с первыми двумя, они плохо функционируют. Вентиляция плохая, как минимум. И построен был немного неправильно. Но вы, наверное, знаете, не функционируют уже давно, да?

– Нет, – прошептал Дюк, а сам покрылся мурашками от подробностей о своем доме. – Функционируют. Туда пришли выжившие, там и остались. Только жителей второго и первого даже за людей не считают.

– Да, на Миру это похоже. Третий и четвертый тоже стоит? Они уже стандартные. Их строил в спешке. Учел все недоработки.

– Также стоят, – ответила Аня. Она сидела, собрав руки в замок.

– А пятый-то! Произведение искусства! Там и подземный бункер есть. И этаж под растения и под жизнь. Не додумался сразу до такого, а жаль. Этот купол может выстоять даже при разрушении внешнего стекла. У них срок как раз два года эксплуатации остался.

– Это как? – спросила Аня.

– У них срок функционала рассчитан на пятнадцать лет. Могут дольше прослужить, если ремонтировать каждый год. А Мира, могу поклясться, в последний момент все начала делать. И защиту вокруг пятого возвела, новую совсем.

Дюк выпрямил спину. Он сразу понял, о чем речь. Именно об этой защите Дюк предупредил Аню перед выходом, но он только сейчас понял: защита была только на стенах пятого.

– То есть эта защита – она не...

«От животных?» – хотел уточнить Дюк, но Рой его перебил.

– Она от выживших, которые ринутся в пятый, когда остальные купола падут.

– А этот?.. – прошептала Аня, широко разглядывая фото готовых куполов в ежедневнике.

– Он в разы меньше, поэтому обошелся без стен, он меньше и прослужит на десятки лет дольше. Построил я его тогда, когда заключил сделку с Мирой. Я ей нужную информацию – она мне разрешает забрать остатки материала. Конечно, Мира поняла, что я буду уходить, и я взял с нее обещание, что она не будет меня искать. Она знает про купол, даже отряд на его поиски снарядила.

– Зачем вы ей нужны? – насторожился Дюк.

– Думаю, что я тоже не до конца был честен с ней, – усмехнулся он. – Но до того, как по лесу не начали бродить солдаты, все было под контролем.

– Солдаты? – переспросила Мария. Она-то точно не верила в такое.

– Да. В лесу видели солдат. Снаряжение у них самое высокотехнологичное... Ребята наши наблюдали, как ловко они убивали зараженных зверей. Пока что я не рассказывал никому в деревне о чужаках, потому что боюсь паники. И еще... Мне очень жаль, но не так давно пропал один из наших сверхлюдей. Здесь, в деревне, мы говорим, что он погиб на охоте. Но ребята утверждают, что его поймали солдаты. Я думаю, это и послужило началом охоты.

– Нет, вы не правы, – перебил его Эрик. – О деревне и людях за ней никто не говорит. Даже намек нет. Охоту начали из-за мутанта внутри стен, который попал на видеозапись. Из-за него погиб человек, и теперь все под куполом уверены, что сверхлюди опасны.

Рой потер бороду, переваривая информацию.

– И много таких людей в секторах?

– Неизвестно, – резко вмешался Дюк. – О них узнали недели три-четыре назад.

– Мира, Мира, жестокая ты дрянь. – Рой тяжело выдохнул. – А под вашими куполами говорят, что она была заказчиком не только постройки куполов, но и самого мутагена, который создает сверхлюдей?

Сказать, что гости были удивлены – ничего не сказать. Эти знания сейчас мало могли что-то решить, но теперь возник вопрос...

– Тогда почему она убивает таких детей? Произошел сбой? Они правда опасны? – задала вопрос Аня. И сейчас ей казалось, что ее мир

рухнет, если ответ будет положительным.

– Нет, – ответил Рой. – Просто ей соврали, что эксперимент не удался. Теперь она пытается получить мутаген любым способом. Я уверен, что она использует старую схему.

– Не удался? – прошептала Мария. Она-то точно знала, что удался. Видела своими глазами его масштабы.

– Тогда она узнала лишь об одном удавшемся эксперименте и в попытках воссоздать ему подобных убедила всех, что ребенок – настоящее зло, он умер, пока ее ученые оперировали его, пытались воспроизвести сыворотку.

Скрип деревянных ступеней сообщил о том, что кто-то спешил в дом, тут же в дверях появились Элиот и Майя.

– Живых сегодня не было, – сообщила Майя, разглядывая ежедневник в руках Роя. Она тут же недовольно нахмурила брови. Помнится ей, когда она хотела взять одну из его тетрадей, это закончилось наказанием.

Гости заметно побледнели.

– Вообще никого не было, – улыбнулся Элиот, спеша разрядить обстановку, и виновато потер затылок. – Ребята с дежурства вернулись пустые, сразу разбрелись по домам.

– Замечательно. Значит, ночка у них удалась. Покажите гостям деревню, расскажите о ней. Хорошо, Элиот?

– Конечно, пап! – ответил он. И это «пап» царапнуло уши гостей, но, судя по виду Роя, лимит на разговоры сегодня был окончен. Он закрыл ежедневник и жестом указал на выход.

Казалось, он до последнего ждал от гостей какого-то чуда. Ждал, что они расскажут о том, что Мира давно мертва, и под куполами их ждут с распростертыми объятиями. Но нет. Он просто выдал слишком много важной информации малознакомым людям. Теперь главное, чтобы никто из них не проговорился.

– Деревня наша совсем маленькая. Это вот больничный домик, – показал Элиот в сторону уже знакомого здания. – Обычно им пользуются люди. Ну-у-у, в смысле, не мы... Ну...

– Мы поняли, – перебила его Ника с улыбкой. – Рой нам уже рассказывал. Тут пекарня и... и...

– Швея, – подсказал Эрик.

– Точно! – воскликнула Ника, с благодарностью глядя на него.

– Замечательно. Элиот, пойдём собираться, они все знают, – разозлилась Майя.

– Чего ты такая дерганая? – Дюк отшатнулся от нее, словно боялся, что она сейчас укусит его.

– Извините ее, пожалуйста, – смущенно произнес Элиот.

Майя посмотрела на него сердито, но спорить не стала. Она протянула гостям нарисованную на рваном листе карту деревни и развернулась, чтобы уйти.

– Эти гости – большая ошибка Роя, – бросила она, обернувшись, а затем уже громче спросила у Элиота: – Ты идешь?

Элиот молча посмотрел на нее грустными глазами, едва мотая головой. Он знал, почему она сейчас зла. По ежедневнику на столе он понял, что темы для разговора отец выбрал запретные. Темы, на которые он с ними не говорит. Сейчас Майя могла наговорить много чего неприятного про Роя, а Элиоту ой как не хотелось это слушать. Постояв еще с полминуты, она поняла – Элиота ждать не стоит, затем гордо развернулась и ушла.

– Куда это она? – заинтересовался Дюк.

– В лес, – ответил Элиот как ни в чем не бывало, – обычно мы там проводим дни. Охотимся, ищем на развалинах интересные вещи, книги.

Сейчас и он злился на нее. В их планах сегодня было узнать, как живут люди за куполом. И ведь инициатором была она сама. Но чертов ежедневник...

Неуверенным шагом Элиот направился к домам, где мог их спокойно опросить. Все поплелись следом, кроме Дюка. Некоторое время он стоял на месте и осматривался, до последнего провожая взглядом Роя, который что-то искал у своего дома на возвышении деревни. Затем заметил мельтешение в окне маленького дома, куда ушла Майя, и направился туда. Элиот шел с большой опаской, убеждая себя в том, что чем медленней он идет, тем меньше привлекает к себе внимания. Постучав в дверь и выждав несколько секунд, он, не дождавшись ответа, осторожно приоткрыл ее и вошел внутрь. Майя собирала небольшую черную сумку в своей комнате. Упаковав последние вещи, она повесила сумку через плечо и, оглядевшись напоследок, двинулась в сторону выхода, столкнувшись в коридоре с Дюком.

– Больновато, – прошептал он, потирая грудь, куда лбом влетела Майя.

– Тебя тут вообще быть не должно.

Дюк обернулся:

– Дверь была открыта.

– И что? В бетонном горшке ты тоже так делал? – обозлилась она еще больше. – Заходил во все открытые двери?

– Не горячись, ладно?

– Чего тебе нужно? От стада гостей отбился? Заплутал на прямой улице? – недоумевающе переспросила она.

– Мне нужна твоя помощь.

Майя возмущенно подняла левую бровь. Дюк внезапно задумался, сколько ей лет на самом деле? На что она так зла? И еще миллион самых разных вопросов, на которые он хотел найти ответы, пришло ему в голову. Погруженный в свои невеселые размышления, он не заметил, как лицо Майи снова стало угрюмым.

– Мне некогда с тобой нянчиться. Говори, что тебе нужно, и проваливай.

Дюк внимательно ее рассматривал – такую маленькую, бледную, с виду беззащитную девочку. На ней была та же одежда, в которой он впервые ее увидел у пещеры, на шее висело несколько перьев. Осмотрев Майю с ног до головы, он наклонился к ее лицу и прошептал:

– Возьми меня с собой, – прошептал так тихо, словно и вовсе ничего не сказал, но Майя точно услышала именно эту просьбу.

– Что?

– Возьми меня с собой, пожалуйста, – Дюк повторил это шепотом.

Его зеленые глаза вмиг загорелись фиолетовым, а волосы заметно посветлели. На секунду Майю охватил страх – Дюк заметил это по ее широко раскрытым глазам. И неудивительно, ведь такого рода мутации не могло быть ни у кого. Единственный, у кого были описаны такие изменения, – уже давно мертв.

Майя отшатнулась к стене, тем самым предоставив возможность Дюку войти, закрыв за собой дверь.

«Что он? Кто?» – пронеслось в голове у Майи. Она не осознавала, что дрожит всем телом. Отгоняя мысли о том, что, кажется, они

привели в дом врага, Майя попятилась назад, пока не наткнулась на холодную стену.

– Я – друг, – проговорил Дюк, и она с изумлением увидела, как во рту у него появились клыки и стали увеличиваться в размерах прямо у нее на глазах. – Больше никто не должен знать... Никто, хорошо?

Майя кивнула. Виноватый вид такого прежде во всем уверенного Дюка заставил ее поверить ему, а не ринуться к Рою с криками об опасности. Тихое «спасибо» окончательно пробило ее броню, и Майя остыла в своей неприязни к гостю.

Глава 12

На следующий день первой снова опустела кровать Дюка. Встав еще до рассвета, он тихо, стараясь никого не разбудить, выскользнул за дверь и отправился к месту, где они с Майей договорились встретиться. Та дала ему всего две минуты на сборы. С собой у него была лишь небольшая котомка, небрежно переброшенная через плечо, куда он заранее тайком положил кусок вяленого мяса, краюху черствого хлеба и несколько сдобных булок, заботливо испеченных Натали. Майя же приволокла снаряжение для прогулки за купол и заставила Дюка надеть его, чтобы другие ничего не заподозрили.

– До того, как деревня проснется, у нас есть около двух часов. Баллона с кислородом хватит часа на полтора, поэтому, если вдруг что – мы вышли почти на рассвете, понял?

– Да, – послушно ответил Дюк, застегивая костюм.

– Обычно Рой не проверяет камеры. Надеюсь, в этот раз тоже не станет, – объяснила Майя, оглядев его со всех сторон. – Хорошо. Можем идти.

Дюк был на удивление спокоен, выглядел бодрым и полным сил. Он послушно следовал инструкциям Майи, не возражая и не задавая вопросов. Даже его обычные шуточки и колкости остались где-то там, в компании друзей. На эту прогулку вышел абсолютно другой Дюк – собранный, серьезный и решительный. Как только они преодолели зону, отслеживаемую камерами, он спустил воздух из баллона до средней отметки, чтобы все выглядело так, будто его действительно использовали, если их отсутствие все же заметят.

– Я не думал, что ты действительно поведешь меня за купол, к тому же так быстро.

Майя тоже не думала, но вопросы, которые у нее возникли – не давали сомкнуть заплаканных голубых глаз.

Сняв кислородное снаряжение, он остался в защитном костюме, но приспустил молнию на груди. Глаза его быстро заполнились фиолетовым цветом, на шее проступили отверстия, а когда он говорил, во рту можно было разглядеть двойную пару клыков с каждой стороны.

Из-за кустов показались две пары ушей. Они принадлежали волкам, так послушно следовавшим и охранявшим Майю всю дорогу Дюк заметил этих исполинских волков еще у выхода.

– Они всегда рядом?

– Да. Когда нет Элиота – они оба со мной. Когда Элиот один, но это бывает редко, то они оба с ним.

– Как вы их так приручили?

– Мы нашли их случайно и следили за волчицей и ее волчатами с дерева несколько дней. Все было достаточно просто: они ждали ее на месте, она приносила поесть, вылизывала, играла с ними. Но безобидное наблюдение за маленькими волками превратилось в хороший урок.

Черный волк демонстративно выгнулся, издал урчащий звук и улегся, понимая, что хозяйка никуда не собирается. Рядом улегся и второй волк. Майя нежно провела рукой по загривку Мяты.

– Однажды волчица вернулась сама не своя – агрессивная, болезненная. Мы тогда не знали, что она набрела на зону заражения. Привели туда девушку, которая отвечает за лечение, Гелиос. Она и ее сестра разбираются в травах, за лекарей у нас. Но все зря: Гелиос сказала, что мы волчице уже не поможем; рассказала про зону заражения – что узнала о ней сама не так давно и что это наследие людей. Спасти тогда можно было только волчат. Мы с Элиотом всю ночь сидели на дереве и придумывали, как же безопасней будет их утащить. А тем временем их мама уже сходила с ума. Помимо того, что она пыталась выгрызть камни, землю, она уже начала клацать пастью перед голодными детьми. И мы опоздали. Из восьми волчат остались только эти двое. Они помчались в нашу сторону, и Элиот спрыгнул с дерева, не страшась больной волчицы, хотя знал – если она

его укусит, он это не переживет. Но он быстро схватил волчат, передал их мне и вскарабкался обратно на дерево. У меня руки дрожат от воспоминаний.

И руки Майи действительно дрожали. Она крепко обняла Мяту, волка поменьше, потом прислонилась к ее лбу и поцеловала в мокрый нос.

– Двое суток мы слушали, как их мать безостановочно воеет, как она бьется о дерево, как ломает зубы и режет десны о кору. И потом она начала выедать свои лапы. Я никогда этого не забуду. Но знаешь, если бы мне снова пришлось их спасти – я бы спасла. Айсберг и Мята – наши лучшие друзья и наша защита. Когда мы дежурируем – они спят с нами, греют в холодные ночи, помогают передвигаться. И сейчас, конечно, они нам с тобой покажут все, что осталось от людей, но ты должен ответить на несколько вопросов.

– Я был к этому готов, – проговорил Дюк и протянул руку Айсбергу. Тот послушно обнюхал ее, тут же встал, ткнув своей мордочкой в грудь Дюка. Зверь был чуть выше его, поэтому ему с легкостью удалось сдвинуть гостя с места.

– Всю ночь ответы придумывал?

Майя приподняла левую бровь, внимательно наблюдая за их запоздалым знакомством. Зверь прилег и активно завилял хвостом, поднимая с земли пыль. Майя улыбнулась. Она верила в то, что животные чувствуют, какой человек на самом деле.

– Может быть, и придумывал бы, если бы знал вопросы. А так зря до рассвета в потолок глядел.

– Да? А мне казалось, что ты сладко спал, когда я пришла тебя будить.

Дюк только усмехнулся. Утром, когда она без малейшего шороха подкралась к его кровати и резко выхватила подушку, он уже подумал, что их нашли солдаты секторов. Но нет, это оказалась маленькая Майя.

Перед выходом она взяла с него обещание честно ответить на все вопросы, и Дюк согласился. Он верил, что это определенно стоит их маленькой экскурсии.

– Сейчас я задам вопрос, на который частично знаю ответ. И от него будет зависеть наш следующий шаг. Кто ты такой?

– Дюк Нордан. Первый сверхчеловек, он же – первый удачный эксперимент генной инженерии.

– Почему Рой сказал, что ты мертв?

– Потому что... Я и правда был мертв. – Дюк оттянул майку, указывая на массивный уродливый шрам, уходящий к плечу, к шее, к груди.

Откуда Рой знает о его существовании, Дюк уже догадался. Если Рой был так близок к Мире и знал, что заказчица – она сама, то это очевидно.

– Откуда он знал, что вы придете?

– Что? – удивился Дюк.

– Это он сказал встретить вас. Сказал в тот день, что в лесу точно будут изгнанники, которым нужно помочь добраться до деревни.

– Это я не могу тебе сказать. Точно не знаю об этом, – прошептал он.

И Майя ему поверила.

– Что вам рассказал Рой? Там, в доме.

– Рой рассказал нам о том, что все купола строил он и что Мира была заказчицей. Показывал всякие статьи из газет в качестве доказательства.

– Кто такая Мира? – поморщилась Майя.

В мыслях мелькало, что она должна знать, кто это, но все же Майя никак не могла найти информацию об этом человеке в своей голове.

– Глава секторов. Была ей во время войны и до сих пор ею является.

– Точно. – Майя щелкнула пальцами.

– Почему тебе это так интересно?

– Потому что когда-то давно меня очень серьезно наказали за то, что я полезла в ежедневник Роя. Представь себе мое удивление, когда я увидела, что он просто показывает его вам и выдает всю подноготную! А я до сих пор не знаю ответ на вопрос: кто я такая? Почему я ТУТ, а все ТАМ? И почему ТАМ меня хотят убить?

– Я расскажу тебе то, что знаю. Ответ на те вопросы, которые ты задала сейчас. Но только и ты свою часть уговора сдержи.

– Справедливо. Садись на Айсберга. На Мяте поеду я.

Дюк перестал гладить большого волка, тот послушно продолжал лежать, пока Дюк взбирался на его спину.

– А ты ему понравился, – воскликнула Майя. – Я не повезу тебя в наши руины, где остальные ребята-мутанты. Покажу пару мест, раз

тебе так интересно, что тут и как.

Дюк запустил руки в черную мягкую шерсть зверя, аккуратно ухватился за шею, и волк резво встал на ноги.

Они не спеша ехали по округе. Ехали недолго, и, когда волки остановились на выступе, смогли разглядеть небольшой разрушенный поселок.

– Иногда мы с ребятами бегаем по таким развалинам, в маленькие города, ищем что-то полезное: еду, одежду, книги, лекарства. По составу на упаковках и книгам о медицине мы научились сами делать лекарства. В большие города не суемся, детям и подросткам туда ходить запрещено, позволено только взрослым. Здания до сих пор осыпаются и могут обрушиться.

– Взрослым?

– Да, мутантам. Потом познакомлю, они у руин живут, в бункере, чтобы людей не теснить. Да и не то чтобы взрослые. Как ты, наверное.

– Погоди, мне слышалось или ты сказала, что вы ищете в развалинах еду?

– Да, еду.

– Она же просроченная... И радиоактивная.

– Еду мы таскаем из бункеров. Там все равно все мертвы. А мертвым, по понятным причинам, еда не нужна.

– Бункеры? Почему люди в них погибли?

– Вроде из-за отсутствия кислорода. Там система вентиляции, которая должна была очищать кислород от ядерной пыли, но так как кислорода не стало, то и очищать было нечего...

– Долго искали?

– Рой говорит, что раньше адреса бункеров были доступны всем, он знал парочку в ближайшем районе, поэтому по карте их быстро нашли. Особенно когда захотелось есть. Но точно не знаю, я не принимала участия в первых поисках. А дальше по меткам проще было найти.

– А она не просрочена?

– Не знаю. Когда ты ел блины, они были вкусными?

Дюка внезапно замутило от осознания, что смесь, из которой готовит хозяйка дома, изготовлена еще до войны.

– Если быть откровенной, то где-то через год-два нам уже придется идти в более отдаленные места за едой. Возможно, поэтому

многие из нас хотели бы попасть в ваши сектора. У вас же там еды больше? Плантации настоящие.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но еда под куполами – настоящая синтетика. Яйца из пластмассы, искусственно выращенное мясо, молоко из порошка.

– Н-е-е-т, – с недоверием покосилась Майя. – Рой говорил, что в больших секторах он делал подземные плантации.

– Во-первых, впервые слышу. Во-вторых, даже если есть, то натуральной едой может питаться только пятый сектор. Там живут все шишки.

– Это же нечестно.

– Многое в этом мире нечестно, Майя. Например, что таких, как мы, убивают.

Дюк продолжил смотреть на давно сгоревшие руины на месте бывших жилищ: едва уцелевшие стены, торчащая арматура, каркасы зданий. Все эти развалины заросли алыми ростками, а в одном из домов дерево, крепко вросшее в него каждой веткой, бесцеремонно вытянулось на два этажа. Возможно, это дерево и помогло дому устоять.

На въезде в деревню покоилась разрушенная военная техника. Ее природа тоже коснулась своей рукой, и танк, ушедший наполовину под грунт, зарос маленькими вьюнами – они вросли в дуло, в гусеницы, в разрушенный сбоку корпус. Если бы ребята подошли ближе, они рассмотрели бы, что и останки военных постигла та же участь – они навеки стали одним целым с техникой.

Но Майя и Дюк остались на вершине. Спускаться не было никакого желания. Свежий ветер дул в лицо, напоминая им: они живы.

– Когда ты признаешься Рою?

– Не знаю, если честно. Такое признание дается нелегко. Надо признаться и друзьям.

– Ты не сможешь вечно это скрывать.

– Я знаю, Майя. И я придумаю, как это сделать лучше.

Он поймет. Рой точно его поймет. Поймет, почему он скрыл это ото всех, от него. И точно будет рад. Точно. Не поймет Эрик. Ведь Дюк почти дал ему умереть. Тогда, когда сломался шланг Эрика, Дюк очень боялся снять с себя маску; боялся, что все начнут винить его в том, что он обрек на смерть остальных, хотя сам, как оказалось, может

находиться вне купола без маски. И это чувство вины разъедало его изнутри. Он бы снял, точно снял ее, если бы Ника чуть помедлила. Но сейчас ему оставалось только убеждать себя в этом.

– Пойдем.

Пройдя по выступу и отдаляясь от бывших жилых зон, Майя привела Дюка к каньону, если так можно было назвать эту глубокую яму, которую, казалось, невозможно обойти, а к ее центру добираться можно было, наверное, не один день. С нескольких сторон водопадом стекали черные реки, не заполняя яму водой. Ее поверхность поросла красными лесами – природа обосновалась и тут.

– Что это? – изумленно прошептал Дюк.

– Место падения МОР I. Здесь когда-то закончился привычный мир. И начался новый. Иногда мы приходим сюда, любимся этими лазурными водами, боясь спуститься и искупаться в них, хотя до ужаса хочется, и строим догадки, кто мы, откуда и как было дело.

– И что надумали? Что леса красные, потому что земля пропитана кровью людей?

– Ты что, глупый? Это из-за радиации. – Майя изогнула левую бровь. – Рой говорит, такое уже было. В Чернобыле, когда радиация осела на лес.

Дюк быстро-быстро заморгал глазами и рассмеялся. Майя, посмотрев на него, хмыкнула, махнула рукой, слезла с волка и не спеша подошла к дереву на краю крутого спуска. Там лежал старый матрас, накрытый пленкой, которую Майя стянула с громким шорохом, а затем упала на матрас. С этого места открывался очень красивый вид на пейзаж, казавшийся просто невозможным еще с десятков лет назад.

– Так что надумали? Насчет того, кто вы и откуда?

– Много чего, но ничего из этого неправда.

Дюк присел рядом, достал из сумки перекус, который приготовил с утра, и протянул его Майе. Та, кивнув в знак благодарности, приняла угощение. Волки послушно легли возле Дюка, безостановочно обнюхивая еду. Айсберг даже заскулил, намекая на то, что тоже заслужил угощение. Дюк откусил немного от куска мяса, разломил его на два неровных кусочка и протянул животным. Конечно, им эта порция была на один клычок, но Дюк заработал тихое благодарное завывание от зверей.

– С чего ты решила, что неправда? Волки нашептали? – усмехнулся он.

– Потому что Рой рассказал, как умирала планета.

– Откуда он знает?

– Он видел. Говорит, сначала разрушился озоновый слой. Жара была невыносимая. Ракеты взрывались в воздухе, пылали города, леса, люди. Все было в огне. Но недолго. От ядерных ракет поднялся черный дым, который на несколько лет закрыл Землю от солнца. Вне куполов было очень холодно. Земля угасла полностью. Все было черным-черно. Рой говорит, что тогда и погибли все, кто остался вне куполов, но выжил после ударов ракет. Люди, прятаясь в бункерах, погибли от отсутствия кислорода – медленно и мучительно.

– Ты была под куполами? Или как ты выжила?

– О, это забавная история. Рой рассказал мне ее, когда я плакала. Он тогда сказал мне: «Плачь почаще». Однажды это уже спасло тебе жизнь.

– В смысле?

– Рой говорит, что нашел меня по плачу где-то у открытого бункера. Мне тогда года три было. Мама пыталась выбраться, но не прожила и пяти минут. А я вот... выжила. Но только благодаря тому, что он вколол мне прививку. Кажется, это была последняя доза. Говорит, что я настоящий счастливчик.

– Тебе шестнадцать?

– Да. А Элиоту тринадцать.

– Скорее всего, у вас разная мутация.

– В каком смысле?

– Отвечаю на последний вопрос, и мы в расчете. МОР I повлияла на гены людей. Дети, родившиеся тринадцать лет назад, после запуска этой ракеты, такие как Элиот, мутировали. А до ракеты проводились эксперименты. Была вакцина, которая превращала людей в мутантов, способных выжить в новых реалиях. Видимо, у Роя завалялась одна. Откуда? Вопрос скорее к нему. – Увидев удивленные глаза Майи, Дюк сразу поспешил закончить: – Но это не совсем важно. По сути, мы все равно одинаковые. Эта мутация позволяет жить без кислорода, белая кожа не воспринимает солнечный свет. И мы... спасение людей. Мы можем все исправить.

– Рой знает это, да? Но не говорит нам?

– Я думаю, что знает. А не говорит, потому что тогда возникнет вопрос, почему Мира пытается убивать таких, как мы. Ему сложно будет это объяснить, но верь мне – он прав. Пока не время рассказывать об этом.

Майя закатила глаза, уверенная, что такое время никогда не наступит.

– А ты... А точно, ты первый эксперимент. Но ты такой же?

– Ну почти. Чуть сильнее, чуть быстрее. И регенерация лучше. Поэтому я выжил, когда все были уверены, что я мертв.

Майя выдохнула и оперлась на дерево. Она смотрела на след от мертвой цивилизации перед собой, не понимая, как это все можно «исправить». Они просидели так недолго. И так же не спеша вернулись в деревню. Дюк даже подумал, что неплохо было бы попасться Рою на глаза. Тогда и серьезный разговор не надо было бы начинать. Дюк до ужаса не любил серьезные разговоры. Не надо было бы самому подбирать слова, чтобы признаться в том, кто он такой. Все было бы ясно без слов. По крайней мере, Рой бы точно сам все понял. Посмеялся бы глупости Дюка и принял его таким, какой он есть. Но никто их не встретил и не поймал.

Поблагодарив Майю, Дюк направился домой. Он уснул сразу же, едва коснулся головой подушки.

* * *

– Ну ты и спать! – радостно вскрикнула Аня, с размаху падая на подушку, которую во сне уронил Дюк. – Чуть все утро не проспал!

– Ты ведь не дала бы этому случиться, правда, детка? – улыбнулся он.

– Конечно, нет!

– Спускайтесь на завтрак, – тихо произнес Эрик, неожиданно возникнув в дверях. Утром он проснулся от кошмарного сна и заметил, что кровать Дюка пуста. Эрик спустился вниз, чтобы убедиться, что Дюка нет в доме. Теперь у него возникли кое-какие вопросы, которые он, впрочем, решил отложить. И все же сдержать сердитого взгляда не смог.

Дюк неохотно встал с кровати, потянулся, подняв руки к потолку, и, широко зевнув, с улыбкой взглянул на Аню, подмигнул ей, натянул на голый торс майку и вышел из комнаты. На Эрика он даже не посмотрел.

* * *

Сегодня народ радостно встречал группу взрослых мутантов. Не останавливаясь для приветствия, они прошествовали через главные ворота и двинулись вперед по дороге. Перепачканные, в такой же оборванной одежде, как и большинство жителей деревни, они выглядели такими уставшими, словно только что пешком пересекли пустыню.

– Мутанты? – спросила Ника у Элиота.

– Да.

– Они – как я, да? – не унималась Ника.

– Пялиться некрасиво, – вмешался Дюк, лежащий рядом на траве под деревом.

– Кто бы говорил, – недовольно пробурчал Эрик.

– Да, насколько я слышал, они стали такими после экспериментальной прививки, – запоздало ответил Элиот.

– Ого! Существует способ стать мутантом? – Аня наклонилась ближе к Элиоту.

– Я знаю не больше того, что рассказывал нам Рой. Хотя и ему известно не так уж много. Только то, что он слышал на военной базе.

– Что он делал на военной базе? – удивился Дюк.

– Не задавай лишних вопросов, – прошептала Майя. Прогулка с Дюком и его секрет немного смягчили ее, поэтому фраза прозвучала не как упрек, а, скорее, как совет.

Неожиданно для гостей, к ним подошла девушка из группы. Высокая, статная, со множеством длинных белых косичек на голове, напоминавших пучок стеблей пшеницы, небрежно собранных черной бархатной резинкой в хвост. Довольно сносные свободные черные шорты и едва доходивший до талии топ. Строгие черты лица делали ее похожей на командира диверсионного отряда. Скрестив руки на груди, она сказала:

– Рыжая, ты идешь с нами.

Почувствовав страх Ники, Дюк пришел ей на помощь.

– А меня с собой возьмешь? – нахально улыбнулся он, медленно вставая с земли и с удовольствием потягиваясь так, что хрустнули суставы.

– Конечно, милый, – не меняя тона, ответила девушка. – Переодеваешься и маршируешь в лес впереди нас – протаптывать дорогу.

Дюк рассмеялся, пытаясь скрыть, что обескуражен.

– Ева, пожалуйста, позволь, я сам ее обучу? – выкрикнул Элиот, вскакивая с травы.

– Нет. Это опасно, – не повышая голоса произнесла Ева, однако все уловили стальные нотки в ее голосе.

– Ну, пожалуйста, Ева. Со мной будет Майя. Она же лучшая из младшего отряда. И она почти старшая уже! Мы Нику хотя бы основам обучим.

– А она разве не будет против? – удивилась Ева. – Она же не любит... подобных занятий, – на секунду запнулась она.

– Майя, – жалостливо промычал Элиот, глядя на напарницу. Ева пристально посмотрела на него, затем на Нику.

Майю до ужаса пугало поведение Элиота в последнее время: он без умолку разговаривал про эту рыжую, с неохотой покидал гостей и возвращался к ним в любую свободную минуту. Сейчас она грустно опустила глаза, осознав, что друг, кажется, влюбился. «Ох, Элиот, ты посмотри на ее друзей... Ты ей только в братья годишься. Она разобьет тебе сердце».

– Ладно, – сдалась Ева, после того как Майя едва пожала плечами. – Не забывай правила и помни, что у тебя всего неделя на вводный курс.

– Спасибо! – радостно подпрыгнул Элиот.

– И это... Поищите Гелиос, а то ее второй день никто не видел, – попросила Ева.

Глава 13

Гелиос действительно не вернулась домой.

Проснувшись, она приподнялась на кровати и, просидев так немного, в изнеможении от тоски и грусти упала обратно. В окно заглянуло уходящее солнце, озаряющее небо последними красными лучами. Вечерний лес становился от этого еще ярче и, казалось, кровавее.

Возвращаться в деревню не хотелось. Упав в постель и укрывшись двумя не очень аккуратно сшитыми кусками ткани, Гелиос зарылась лицом в подушку, которая пахла теми же цветами, что и она сама: полевыми розами. Грустные мысли постепенно одолевали ее, и, не выдержав, она вскочила с кровати. Аккуратно заправив ее, прикрыла входную дверь и, вопреки всем желаниям, неспешно пошла в сторону деревни.

«Сегодня он возвращается домой, его не будет несколько дней. Так нечестно... Два дня в лесу, как минимум три – дома. Он что, не знает, что я его жду?» – с обидой думала Гелиос, неслышно ступая по лишь ей известным тропкам ночного леса. И все равно понимала, что даже их короткие встречи очень опасны.

Для организма Приспешника возвращение под купол – пытка. Два дня бессознательного сна, близкого к коме, затем еще два дня восстановительных тренировок с особым питанием – протеиновыми смесями, совершенно безвкусными и похожими на прозрачную слизь. А в прошлый раз Арес обмолвился и про экзоскелет. Про то, как больно его снимать. Гелиос не могла перестать спрашивать его о болях

в спине. И еще она не знала, что, подталкиваемый стремлением вернуться к ней, он всегда старался ускорить свою реабилитацию и покинуть купол раньше остальных.

Видимо, в этом и была его ошибка.

* * *

...Илона, коллега Ареса, добивалась его внимания с того самого момента, как они оба, будучи еще детьми, попали в экспериментальную программу «Приспешники». Но безуспешно. Поняв, что ничего не светит, она стремилась вызвать у него хотя бы дружеские чувства, и изредка Арес отвечал ей заботой. В такие минуты сердце Илоны переполнялось счастьем и безумной надеждой: «А вдруг?..»

Внезапно все изменилось. Все разговоры, которые она пыталась завязать с ним, разбивались о его холодное «ага», он старался не пересекаться с ней и вечно куда-то спешил. Например, уходил на реабилитационные тренировки раньше всех и стремился уйти на пару часов раньше остальных. Задания, которые другие Приспешники считали вынужденной мерой и неизбежным адом, для него, казалось, были в радость. Заметив это, Илона решила, что обязательно разберется, куда это он так пропадает. И она навсегда запомнила день, когда раскрылась правда.

Как и в другие их вылазки, по окончании первого дня все Приспешники собирались в привычном месте, чтобы провести ночь с командой. Ведь вся жизнь в лесу начиналась как раз ночью. Тут они и обменивались новой информацией, которую Арес потом формировал для общего отчета. Казалось бы, все как всегда, ничего необычного, но утром, без зазрения совести, Арес разбудил Аксель, еще одну девушку в команде, и как только передал ей дежурство – ушел. В полной уверенности, что поблизости никого, и сверив направление по карте на экране портативного компьютера, встроенного в наручи экзоскелета, Арес быстрым шагом двинулся к заветным руинам. Полностью поглощенный предстоящей встречей, он не заметил, что вдоль кустарника бесшумно крадется темный силуэт. Маска преследователя

светилась легким красным, означающим настороженность владельца, из-под ступней беззвучно вырывались языки холодного пламени.

Притаившись за стволом раскидистого дерева, Илона наблюдала, как из-за угла обвалившегося здания показалась босая девушка в асимметричном, словно сшитом наспех, из разных черных лоскутов, платье. Легко ступая, она быстро приближалась к ничего не подозревающему Аресу, и Илона уже хотела крикнуть, предупреждая его об опасности, как вдруг он резко обернулся и схватил мутантку за талию, приподнял ее и притянул к себе.

Ревность в сердце Илоны взвилась поистине дьявольским пламенем. «Убери от него руки, убери руки!» – шептала она про себя, не замечая, как все сильнее сжимает кулаки.

Постояв так некоторое время, Арес и та отвратительная мутантка неспешно двинулись вперед по улице. Проходя мимо стены полуразрушенной высотки, заросшей дикой травой, мутантка внезапно сорвала цветок и, резко вдохнув его аромат, чихнула. «Идиотка!» – подумала Илона. Затем на долю секунды в ее душе затеплилась слабенькая надежда – Илона вспомнила, как под куполом ее знакомая ученица мгновенно задохнулась, после того как вдохнула аромат подобного цветка. Радость сменилась унынием: выпрямившись, мутантка безмятежно рассмеялась в ответ на слова Ареса, видимо, выговаривающего ей за беспечность. Затем он обнял ее, мягко глядя по волосам, и Илону снова охватила злость.

Длинные светлые волосы, широкой ровной волной ниспадающие на плечи и до самой талии, яркие голубые, словно стеклянные глаза, идеальное тело – Илона не понимала, чем не приглянулась Аресу. Леон и Кай, двое других Приспешников, готовы были носить ее на руках, так что она чувствовала полное превосходство над второй девушкой-приспешницей – Аксель. Но Илоне этого не хватало. Ей был нужен Арес.

И сегодня она решила действовать. Прошло не менее полутора часов, прежде чем Арес, обняв на прощание чертову мутантку, поспешил, наконец, в сторону купола. Все это время Илона провела в зарослях, непрерывно сканируя улицу.

Едва сдерживая негативные эмоции и волну раздражения, Приспешница посмотрела ему вслед и взглянула на циферблат часов. Почти шесть вечера. До возвращения оставались те самые три часа,

которые Арес сэкономил, убежав раньше всех, и теперь должен был вернуться раньше – маска и экзоскелет разрядились. И хотя общий сбор Приспешников шел с расчетом на Ареса, сегодня Илона предупредила по уши влюбленного в нее Леона, что задержится, прикрываясь очень интересной находкой.

Ожидая, пока мутантка покинет дом, Илона продумывала детали зародившегося в голове плана.

«Он никогда не узнает, что это сделала я. Не узнает, что специально. И он забудет ее, забудет...» – внушала себе Илона так старательно, что не заметила, как браслет подал световой сигнал. Ей предстоял долгий путь до купола, а заряд маски был на исходе.

Илона подумала, что придется отложить исполнение задуманного, но дверь, наконец, медленно отворилась, и мутантка вышла. Она, ничего не подозревая, зашагала по улице в противоположную сторону от купола.

«Тощая, грязная мутантка! И она опасна! Он точно с ней не по собственной воле!»

Ей было сложно признать, что Арес выбрал не ее, а эту, казалось, самую обычную девушку. «Она мне точно не ровня!» – злилась Илона. И у хрупкой Гелиос действительно не было ни шанса против Приспешницы с таким вооружением.

Рука в черной перчатке мгновенно закрыла рот Гелиос тканью. Аромат эфира сразу выбил ее из колеи, а второй рукой нападающий крепко обхватил горло в предплечье, закрывая жабры. Для Гелиос небеса с землей медленно поменялись местами, и она потеряла сознание.

Илона перевела экзоскелет в силовой режим, с легкостью забросила мутантку на плечо и быстро побежала в сторону купола. Когда часы вновь замигали, оповещая, что до разрядки фильтр-маски осталось пятнадцать минут, она уже переступала линию ворот.

Остальные Приспешники в это время готовились ко сну, поэтому вряд ли кто-то из них что-то видел и вряд ли узнает о ее пленнице, если только она сама не расскажет.

Илона передала мутантку солдатам, и только когда дверь коридора захлопнулась, а за ней скрылась каталка со спящей жертвой, она выключила костюм, тяжело прислонилась к стене и сползла по ней вниз.

– Хорошая работа. – Знакомый голос заставил ее вскочить и обернуться. Рука собеседницы мягко опустилась на плечо.

– Благодарю. – Илона попыталась улыбнуться. – И что с ней будет? Препараты? Голод? Мне очень понравился этот эксперимент. Я бы повторила. Тогда, кажется, был мужчина? А сколько проживет без еды женщина?

– Нет, особенности пищевой системы особей противоположного пола не слишком различны, в повторении опыта нет смысла. Для препаратов еще не кончились подопытные. Хочу попробовать пересадку органов... – задумчиво проговорила высокая стройная женщина в белом крахмальном халате и что-то записала в своем журнальчике. Затем взглянула на Илону и поправила очки. – Ты молодец, иди отдыхать.

– Хорошо. Спасибо, доктор Рихтер, – ответила Приспешница и, покачиваясь от усталости, отправилась к себе.

Глава 14

– Нам с вами, ребята, предстоит превратить эту деревню в рай земной, ха-ха, – инструктировал бригадир Эрика и Дюка густым басом, громко смеясь над своими простецкими шутками. – Работенка непыльная: руби, обтесывай да складывай в стены. – Лицо его, открытое и честное, вызывало у ребят симпатию. – Все мелочи узнаете в процессе, так сказать. Кормежка неплохая, отдыхать можно. И да, увижу без касок и защитного снаряжения...

Дальше Эрик не слушал: из дома Майи и Элиота показалась Ника, в лохмотьях для походов в лес: черные легинсы из-под коротких шорт, водолазка под безразмерной футболкой. Почти не спавшие из-за поисков Гелиос, Элиот и Майя перехватили Нику и, устало потирая глаза, собрались на вводный экскурс за куполом. Безобидная прогулка.

Эрик проводил их взглядом до ворот и заметил, что Ника волнуется. Набравшись смелости, он решил подбодрить ее.

– Извините, я отвлекусь. – Он бросил молоток в ящик к остальным инструментам и собрался уже было поспешить к ней, но замер, когда та, слегка махнув рукой, уже направилась к выходу.

– Догони, чего ты остановился? – Дюк слегка толкнул Эрика локтем, призывая действовать.

– Да ладно, как вернется, пообщаемся. Она и так переживает, а, как показывает практика, я в такие моменты только жути нагнать могу.

– Ну не знаю. Не в парк на прогулку все-таки идет. И зверя больного вспомнила вчера... Говорят, он еще и ходит где-то.

– Ну спасибо, теперь я волнуюсь за нее еще больше, – тихо проговорил Эрик.

– Да... Я тоже, – шепнул он в ответ, глядя вслед уходящей Нике. – Но с ними волки, я думаю, все будет хорошо.

* * *

– Плохо, что Рой отправил нас, не рассказав тебе вообще ничего. У него, в отличие от нас, вся ночь для этого была, – занудствовала Майя. – Смотри, наша цель – добыча мяса. Но не крупной дичи. Олень – это, конечно, хорошо, но мы будем рады и кролику. Сейчас, после изгнания, по лесу будут кружить разведчики правительства. Летающие роботы такие с камерами. Они тут уже носятся, ищут следы изгнанников. И будут искать еще где-то месяц. Могут раньше перестать, если найдут трупы, но вы-то живы... – Майя внезапно умолкла, прислушиваясь к едва уловимому шороху в кустах.

Она вытащила из набедренной сумки тонкое шило, которое крепилось леской к браслету, а на конце имело раскрывающийся крючок. Не мешкая, кувыркнулась вниз и, повиснув на ветке вверх ногами, нажатием кнопки выстрелила этим самодельным дротиком, который с огромной скоростью устремился на звук. Резко оттянув запястье назад, Майя запустила механизм возврата, и через секунду добыча очутилась в ее руке. На этот раз – совсем маленький крольчонок.

– Ни грамма мяса, – фыркнула Майя. – Достанется питомцам. – Ника не сразу сообразила, что она говорит о волках.

Элиот, который удобно устроился на широкой ветке дерева, залез в маленькую набедренную сумку и, выудив что-то оттуда, протянул руку рядом сидящей Нике. – Держи.

На ее ладонь упало странное украшение с перьями.

– Если робот рядом и мы все же не заметили его вовремя и нашумели, то бросай вниз перо. Они распознают шум как птичьи разборки. Пока такой разведчик фиксирует медленное движение пера, ты сможешь спокойно перепрятаться или залезть повыше.

– Ого, – ответила Ника, разглядывая подарок и пытаясь представить себе эту картину. Затея казалась глупой, придуманной

наивным ребенком, но рушить эту иллюзию не хотелось, поэтому она только улыбнулась подарку.

Ника протянула руку, чтобы нацепить ожерелье, но не удержала его, и украшение выскользнуло у нее из пальцев.

– Ой! – вскрикнула она.

– Тихо! – зашипели Майя и Элиот, жестами велев ей замолчать.

Ника закрыла рот ладонями.

– Я спущусь за ним, – прошептала она.

Из-за кустов неподалеку выскочил кролик покрупнее. Он встревоженно прыгал из стороны в сторону, пока не уткнулся в ногу Ники. В отличие от Майи, которая пару минут назад, кажется, поймала малыша этой особи, Ника, при виде зверька, никак не могла вообразить себе его в качестве еды.

– Какой хорошенький! – наклонилась она к нему.

За ее спиной послышалось тихое рычание, но Нике оно показалось очень далеким, и она не обратила на него внимания.

– Кажется, мы убили ее ребенка, – прошептала она.

– Элиот! – внезапный крик Майи, казалось, заставил затрепетать не только листья, но и маленькие деревца. Голос ее, наполненный болью, наверное, доносился до самого центра куполов. Ника вздрогнула от неожиданности и невольно присела.

– Что?.. – подняла она голову, но Элиота на дереве уже не было.

И тут что-то горячее капнуло ей на спину, заставив кожу покрыться мурашками. Оглянувшись, Ника замерла, крик ужаса комом застрял в ее горле. С дерева, привязанный своим специальным поясом к ветке, свисал Элиот. На его шее сомкнулись огромные челюсти гигантского зверя. Волк, из пасти которого вытекала зеленая пена вперемешку с кровью мальчика, уже точно встречался им.

– Про... счет... – прохрипел Элиот и, дернувшись еще раз, медленно опустил безвольные руки в металлических наручах, закрывающих предплечья. С их помощью он и собирался защитить Нику.

Зверь наконец прокусил добычу и, рыкнув, сделал шаг назад. Из прокушенной сонной артерии Элиота на Нику закапала горячая кровь.

– Элиот... – прошептала она.

Зверь отбросил голову мальчика и уставился на Нику. Кажется, ему было жутко больно. Вот он, хаотично мотая головой, вновь

готовится окатить людей волной агрессии, но ему помешал выпрыгнувший из-за кустов Айсберг, отозвавшийся на крик Майи. Бросив взгляд на тело Элиота, он замер, а потом издал громкий, пронизанный тоской рев. Увидев запрещающий жест Майи, Айсберг, готовящийся напасть на обидчика, остановился. Предупредительно рыча, он ждал, пока девушки покинут поле, и попытался отвлечь внимание на себя. И Майя не тратила время зря: она быстро соскочила с дерева и, подхватив Нику под руку, потащила ее обратно в деревню. Верный волк круто развернулся и скрылся за деревьями, больной зверь направился за ним.

* * *

Вся в крови, Ника тряслась у ворот деревни. Она внушила себе, что пасть чудовища должна была прокусить ее горло, а не Элиота. Нелепая смерть этого милого, всеми любимого мальчугана – полностью ее вина. Как она посмотрит в глаза Рою? Ане? Закрыв ладонями лицо, она вновь и вновь видела в голове ужасную картину: голову Элиота на земле, слышала его предсмертный хрип вместо звонкого голоса. Дрожала, словно ее заперли голой в холодильнике. И она совершенно не помнила, как оказалась на кровати – отмытая от крови, безостановочно рыдающая. Зато это помнил Эрик.

Глава 15

Увидев в воротах Нику, едва стоявшую на ногах, Эрик бросился навстречу и подхватил ее на руки. Волосы, одежда и даже кончики пальцев Ники были неприятно липкие от застывшей крови. Едва ли Эрик сможет когда-нибудь передать тот страх, окутавший его сердце, пока он по пути к дому слушал сбивчивый рассказ Майи. Зубы ее стучали, а сама Майя не могла прекратить жестикулировать руками.

Эрик сам искупал Нику в теплой ванне и, укутав простыней, унес в комнату. Там он бережно уложил ее и, поколебавшись, осторожно присел рядом. Глядя в отрешенное лицо, застывшее, словно восковая маска, в пустые стеклянные глаза со слезинками в уголках, он совершенно не представлял, что ему делать. Эрик провел ладонью по ее щеке:

– Послушай, Ника. То, что там случилось – не твоя вина. Так могло быть с любым. Это ведь хищник, зверь. С ним нельзя договориться, – неуклюже пробормотал он. – Не нужно себя винить.

Ника продолжала смотреть в стенку ничего не выражающим взглядом.

Эрик просидел с ней до самой ночи. Втирал в ее волосы ароматические масла, которые Натали готовила из растений, обтирал худое тело, пытаясь перебить запах крови, но он все еще витал в воздухе, и это чувствовал не только сам Эрик, но и мутанты, находящиеся поблизости.

Одним из них была Ева – старший мутант, примчавшаяся с первыми новостями об Элиоте. Она тоже винила себя. Нельзя было

оставлять обучение на малыша. Тем более после того, как патрульные рассказали о зараженном звере. Старшим нужно было давно до него добраться!

Высокая, боевая, настоящий лидер Диких. Многие из ее «племени» выделили бы в ней такое важное качество, как рациональное мышление даже в самой опасной ситуации. Будучи старшим мутантом, повидавшая не одну смерть Диких, она ненавидела каждого, кто жил под куполами в безопасности. Ника была первой взрослой мутанткой с той стороны стен, которую они встретили, и ее Ева тоже априори ненавидела. Рациональная, она пыталась договориться с собой, мол, Ника не виновата, что жила под теми куполами, а после просьбы Элиота, его доброй улыбки, вообще растаяла и была готова принять Нику как свою. Но не теперь.

Не заметив затаившуюся в углу кухни Майю, Ева, как умела тихо, прошла на второй этаж.

– Это моя вина! Но я не хотела! – в панике закричала Ника. На нее, до того молчаливую статую, резко накатила истерика. – Ты убьешь меня?! Я заслужила!

Ева поморщила нос. Отвратительное зрелище, не достойное памяти Элиота. Из-за нее погиб солнечный мальчик. А она печется о своей шкуре. Даже теряя самых близких людей, Ева не смогла бы себе позволить такое поведение. И все же чувство утраты накрывало ее с ног до головы. Ей казалось, они вывели достаточно алгоритмов выживания, максимально обезопасив себя. Но смерть Элиота подобралась незаметно, со спины.

– Собирайся, – тихо сказала она Нике. – Ты идешь с нами.

– Ты что, не видишь? Она не может. Она не в себе.

– Теперь это мои проблемы. Хочешь жить – иди со мной.

Ева развернулась, но не успела сделать и шагу. Она едва коснулась порога, как перед ней образовалась высокая фигура, в которую она едва не стукнулась.

– Я думаю, Нике лучше пока побыть тут, а тебе – спуститься к Майе и выслушать ее.

– Думать тут буду... я... – Ева не договорила. Она замерла, так и не сумев понять, действительно ли его глаза вспыхнули фиолетовым. И эти клыки... – Первый?

Она отшатнулась, когда Дюк протянул ей руку. Отшатнулась, но послушалась.

– Где М-Майя?

– Внизу.

* * *

Рассказ о Первом мутанты из деревни впервые слышали от Майи. Еще ребенком она постоянно расспрашивала стариков о родителях, о своем происхождении и жаждала получить ответы во что бы то ни стало. В конце концов любопытство пересилило страх. Майя тайком залезла в дом к Рою и перерыла все его документы, справедливо полагая, что раз он что-то скрывает, значит, знает гораздо больше, чем рассказывает. Так и вышло. В одном из закрытых ящиков стола Майя нашла старый дневник, написанный от руки.

На первых двух страницах почерк был совершенно неразборчивым, прочитать их у Майи не получилось. Дальше записи велись аккуратно, словно другим человеком. И все, что Майя успела прочитать прежде, чем вернулся Рой, она помнила до сих пор.

«Диагноз: Беременность, 14 недель + 3. ИЦН. Аномалия развития плода (в алфавитном порядке):

- *Аплазия легкого;*
- *Волчья пасть;*
- *Врожденный порок сердца – тетрада Фалло.*

Вероятность рождения зрелого плода: 5 %.

Вероятность выживания плода: 3 %».

Благодаря немалому количеству прочитанных книг, среди которых хватало и медицинских, собранных в деревне, вероятно, во время войны, Майя хоть и смутно, но понимала, о чем идет речь.

«Первое введение препарата.

Самочувствие пациентки резко ухудшилось. Рвота черного цвета, с резким запахом ацетона.

Из анамнеза состояния беременной: жалоб до введения препарата не было.

УЗИ плода: Без изменений...»

Майя с учащенным сердцебиением бегло водила глазами по описанию опыта.

«Третье введение препарата.

Самочувствие нормализовалось.

УЗИ плода: Беременность 23 недели + 1. Аномалии развития плода отсутствуют, плод соответствует сроку 25 недель. Жизненные показатели в норме...»

Глаза Майи распахнулись от удивления. Она торопливо пролистала тетрадь до первой закладки.

«03:45

Мальчик. 3315 гр. Мертв.

Врожденные аномалии развития: Белки глаз необычные (фиолетовые), обрамляют зеленую радужку, жаброподобные отверстия на шее, 8 клыков. После обрезания пуповины аномалии исчезли...

...Аномалии развития плода, установленные внутри-утробно, отсутствуют...

03:55

После обрезания пуповины прошло 10 минут. Мальчик издал громкий плач. Он был первым...»

Да, Рой поймал ее тогда и, резко потянув за руку, выставил во двор, где ее дожидалась компания ребят. Этот ежедневник он демонстративно сжег, а Майя получила выговор и угрозу, что в следующий раз подобная шалость не закончится просто руганью. Никогда прежде она не видела его таким злым, и по сей день он напоминал ей этот случай при каждой возможности.

И даже при таком раскладе все в округе уже знали о мифическом «Первом», и его личность в этой маленькой деревне быстро обросла легендой – он стал тем, кто должен был знать ответы на все вопросы. Только вот, судя по записям, встретиться с ним было не суждено.

Слушая Майю, Ева нервно дергала ногой и барабанила пальцами по столу. Верить в нелепую случайность, а тем более в неосторожность самого Элиота, не хотелось. Борьба со своими мыслями предстояла долгой. И сейчас она проигрывала. Сжав руку в кулак, Ева громко ударила по столешнице. Послышалось тихое поскуливание, и Дюк с Майей заметили, как скатилась слеза по лицу девушки. Та поспешила быстро ее смахнуть и, громко вздохнув, обратилась с Майе:

– Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть.

Та слабо кивнула, рассматривая грязный пол, старые дверцы кухни, люстру... что угодно, лишь бы не встречаться с собеседницей глазами.

– Ты знала, что он Первый?

Вопрос, казалось, висел в воздухе, но не для Майи. Она резко выпрямила спину и испуганно бросила взгляд на Дюка, потом на Еву и обратно к рыжему парню.

– Все в порядке. Я сам ей показал.

– Так все-таки знала?

Реакция Майи говорила сама за себя.

– Почему не сказала? Ты подвергла нас опасности, знаешь это?

«Ох, Майя, – подумала Ева, – маленькая бунтарка Майя, не дававшая никому покоя долгие годы и оставленная под куполом из-за своего дерзкого характера. Что же ты в этот раз промолчала? Будь этот мутант с ними на охоте, возможно, Элиот был бы жив». – Она хотела бы сказать это вслух, но знала, что нельзя. И знала, что это «а если» еще долго будет преследовать ее.

– Я попросил никому не говорить. Как ты знаешь, я не могу сойти за рядового мутанта. И реакция тут живущих... непредсказуема, мягко говоря, – попытался оправдаться Дюк.

Ева очень старалась подавить эту раздражительность, эту желчь, тянущуюся из глубин души, чтобы не спросить Майю, чего она молчит. «Неужели язык проглотила?» – образно говоря, вопрос остался на языке.

– Если ты хочешь остаться тут, тебе надо признаться в этом. Теперь твоим обучением займусь я. Никаких больше просьб и

поблажек. Если к завтрашнему вечеру не появишься с Майей в руинах, я расскажу Рою сама. А он, как ты знаешь, не в лучшем расположении духа. Сына потерял, как-никак.

– Сына? – Дюк решил, что не так ее понял. Наверное, Рой потерял сына когда-то давно, не сейчас.

«Нет, не может быть», – подумал он и вспомнил это «пап» в адрес Роя, которое, кажется, ему не послышалось.

– А, – осознала Ева, – так ты не знал. Ну, теперь в курсе.

Рация на ее поясе зашипела в попытках передать какую-то информацию, и Ева, не церемонясь, кинула на прощание:

– К завтрашнему вечеру, ребята. Решайте.

Дюк сидел еще с минуту, шокированный информацией.

– Элиот... сын Роя... – прошептал Дюк.

Майя прикрыла руками красное от переживаний лицо. Элиот мертв, да, она скорбит, но, если не придумает, как оправдаться перед всеми за секрет Дюка, ей тоже недолго останется. Изгонят из деревни, в одиночку она не выживет.

– Ты... расскажешь?

– Я думаю об этом, – почесал в затылке Дюк. – Думаю, как сделать лучше.

Он не хотел раскрывать себя прямо. В деревне, может, и обрадовались бы новому добытчику, а вот друзья не оценят. Он выживет за куполом, а они нет. Получить по роже от Эрика – минимум, который ему достанется.

– Майя, мы поступим так: я, не прощаясь, уйду отсюда и не вернусь. Возможно, проживу в руинах... Скажи, что мы гуляли, я оказался мутантом и ты сразу отвела меня к Еве... идет?

Майя кротко кивнула, и Дюк, не веря в происходящее, крепко сжал кулаки. Наконец-то он нашел место, где безопасно, но не мог рассказать о том, кто он есть, и прятался за спинами этих детей. «Ладно, – успокаивал он себя, – единственная, кого из друзей я могу встретить в лесу – это Ника. А она и без того меня не жалуется».

* * *

О похоронах мутантам тоже рассказали жители деревни. Устраивать кладбище под куполом единогласно отказались, справедливо опасаясь болезней, поэтому тела хоронили в простых деревянных ящиках на опушке леса. Двое мужчин выносили гроб за купол, еще двое закапывали. Правда, обычно это касалось только людей. По сложившимся среди мутантов правилам они хоронили своих товарищей без гроба, на том же месте, где нашли.

Тело Элиота так и свисало с ветки. Стараясь не смотреть, Ева поднялась на дерево и отстегнула его пояс. Снизу ей помогали братья-близнецы: один поддерживал плечи Элиота, второй пытался смягчить падение, поддерживая за пояс, но тело все равно со стуком упало на землю.

– Аккуратнее можно?! – возмутилась Ева.

– Да брось. Он все равно уже ничего не чувствует, – попытался защитить один брат другого.

– Знаете, что я сделаю первым делом, когда мы вернемся? Предупрежу всех, чтобы, какой бы страшной смертью я ни умерла, хоронили меня не вы.

Ева дождалась прихода соплеменницы, которая срывала Кровавую лилию, чтобы вложить ее в руку Элиота. Мутанты сами придумали этот ритуал, сочинив легенду, будто цветок убаюкивает душу. «Вам надо во что-то верить», – поддержал их идею Рой, когда они впервые самостоятельно хоронили мутанта, по неосторожности сорвавшегося с крыши разрушенного пятиэтажного дома. Он упал прямо на железные прутья.

Когда братья аккуратно опустили тело Элиота в яму, Ева вытащила из маленькой сумки, затянутой на правом бедре, круглый коммуникатор и нашла функцию «Указать местоположение».

– Ждем, и можем прощаться.

Через несколько минут показались первые мутанты. Они по одному подходили к могиле и повторяли:

– Я буду помнить тебя, Элиот.

Каждый бросал горсть земли на грудь покойного и уходил. Так делалось из соображений безопасности: по лесу кружило немало роботов-разведчиков, и засечь скопление мутантов им было не так уж и сложно.

Последней пришла Майя. Ее лицо было угрюмо. Взяв горсть земли, она присела перед ямой и тихо, словно чужим голосом, произнесла:

– Я буду помнить тебя всегда, лучик солнца. Свети нам ярко.

После этого Ева, на правах старшего, дождалась, пока все уйдут, и в одиночестве закопала тело.

* * *

Утром Аня проснулась с мыслью, что Элиот больше не улыбнется ей на пороге, не станет отважным рыцарем и не защитит деревню от рыжего дракона... Хотя о чем это она? Ведь он уже стал отважным рыцарем для одной девчонки, которая никогда его не забудет. Не удержавшись, Аня беззвучно заплакала. Ее горькие слезы, скатываясь по щекам, медленно падали на подушку.

Немного успокоившись и вытерев лицо, она аккуратно толкнула брата, спавшего на полу. Эрик открыл глаза сразу и мгновенно сел. Звучно зевнув, он повернул заспанное лицо к окну, наблюдая за ярким восходящим солнцем. Затем перевел взгляд на Нику, лежавшую на его кровати, и, еще раз потянувшись, поспешил вниз – умываться. Задержавшись на несколько секунд, Аня нехотя поплелась следом. От звука хлопнувшей двери проснулся Дюк, уснувший лишь под утро.

Натали уже готовила завтрак; Майя, прижав ноги к себе и опустив голову на колени, сидела за столом. Ночевала она тут, в комнате с Марией.

– Все утро проспали, – попыталась усмехнуться она, глядя на ребят, но красные от слез глаза и синяки под ними были явными признаками ее бессонной ночи. – Кто-нибудь хочет попрощаться с Элиотом?

– Нике точно не стоит видеть это место. Ане тоже, – ответил Эрик и сразу поймал на себе недовольный взгляд сестры. – Можешь злиться сколько угодно. Я не пойду, и без меня ты тоже туда ни ногой.

Он задумался ненадолго. Затем посмотрел на Аню и сощурился:

– Я думал, ты поправишься, так ухозячивала блинчики. А нет. Кости все так же торчат.

– Она давно нормально не ела, – ответил за Аню Дюк, подкравшийся со спины, и Эрик задумался о том, что действительно не видел, чтобы Аня ела с тех пор.

Эрик ел в спешке, пока Аня, надкусив один блин, махала им в воздухе и все без умолку то разговаривая с Майей, то цепляясь за фразы Натали. Открыв рот, чтобы выразить свое недовольство по этому поводу, он взглянул на Эрика и, видимо, передумав, со стуком захлопнул его.

– Так прощаться правда больше никто не пойдет?

– Видимо, да. Только я, – проговорил Дюк спустя несколько секунд, убедившись, что Аня тоже смирится с этим итогом. Эрик взял порцию Ники и поспешил вверх. Дюк недовольно смотрел ему вслед. Он обратил внимание на вновь не тронутую тарелку с едой, стоящую на столе перед Аней, и понял, что есть она не будет. Дождавшись, когда Майя уйдет за снаряжением, а Натали просто к себе в комнату, Дюк захотел подбодрить Аню. Взгляд его остановился на полке, заваленной выцветшими справочниками. На ней он заметил искусно вырезанную деревянную фигурку корабля, похожего на драккар – корабль отважных викингов, и вспомнил скандинавские мифы, которые в детстве часто рассказывал отец. В голове родилась идея, и он, заметно повеселев, обратился к Ане:

– Детка, ты знаешь, кто такие валькирии?

– Что? Нет, – недоуменно ответила Аня.

– Это такие богини, которые забирают павших в бою и возносят их во дворец Вальхаллы, где без конца пируют герои. Представь, как там сказочно! Люди, заслужившие отдых и покой, пируют за одним столом с богами! – вдохновенно продолжал он, отметив, как загорелись восторгом глаза впечатлительной Ани. – Но, милая, если ты умрешь от голода, то не станешь доблестным воином, и путь в Вальхаллу для тебя будет закрыт.

Аня замороженно смотрела на него, выпрямив спину.

– Да, я заметил твою голодовку. – Голос Дюка звучал мягко. Подойдя ближе, он неуверенно поднес руку к Аниной щеке, но, неожиданно изменив траекторию, взъерошил ее светлые волосы. – Поешь.

Перед уходом он решил ни с кем не прощаться, хоть и знал, что не вернется. Но замер у двери, вслушиваясь в то, что рассказывает детям

Мария:

– Я не сторонник войны. Понимаете, мать вынашивает плод девять месяцев. А жизнь человека может оборваться в один миг. Не для этого мы были рождены, не для этого. Драки, войны... Все это от недопонимания, от эгоизма людей. Люди не хотят видеть, как больно другим. И так будет, пока гибнуть на войне не начнут те, кто отдает приказы, а не те, кто их исполняет. Знаете, почему человек считает себя царем природы? – продолжала Мария. – Потому что он думает, что умнее всех. И использует данный ему разум, чтобы создавать оружие. А кто-то считает себя намного лучше других и создает оружие против себе подобных. Но это не так. Все мы равны, и все можем оказаться в трудной ситуации. Но самое главное – не забывайте: у вас есть язык. – Мария выдержала паузу и закончила фразой, от которой по коже Дюка побежали мурашки: – Людям дана уникальная возможность обсудить проблему и решить ее мирным путем.

Слова, которые ему так надо было услышать. «Еще есть время... возможность», – подумал он, крепче сжав дверную ручку... «Нет. Не для меня».

Глава 16

Медленно открыв глаза и прикусив нижнюю губу от резко захлестнувшей все тело боли, Арес попытался собраться с силами и встать на кровати. Он снова проснулся по личному будильнику, на целый час раньше остальных.

После очередной неудачной попытки подняться он протянул руку к упаковке с мощным обезболивающим, заботливо приготовленной для него доктором. В глазах двоилось, голова неимоверно трещала, будто на нее надели ведро и всю ночь колотили по нему молотками. Выждав немного, пока пройдет головокружение, он встал на локтях, кое-как вытащил из блистера две красные таблетки и, морщась, проглотил. Язык защипало от горечи, но дотянуться до стакана с водой Арес не смог бы, поэтому вновь обессиленно рухнул на подушку. «Пятнадцать минут... Целых пятнадцать минут... Хотя нет, мне хватит и десяти. Ну же... Зачем просыпаться так рано, если все равно не можешь встать? Давай, Арес, поднимайся! – пытался он подбодрить себя. Руки были налиты предательской слабостью, пальцы тряслись. – Нужно спешить, Гелиос ждет. Помнишь, какой у нее был взгляд, когда ты уходил?»

Прикрыв глаза, Арес неторопливо досчитал до заветной цифры сто, а затем медленно, кривясь от понемногу утихающей боли, приподнялся и сел на краю кровати, свесив ноги. Суставы коленей и локтей сухо трещали при любом движении, затекшая спина и плечи будто одеревенели. Почему-то болела левая сторона груди, и, скосив взгляд, Арес обнаружил там небольшой глубокий надрез. Не сумев вспомнить, где же он его получил, Арес с досадой махнул рукой.

«Так, потолок сверху. Пол снизу... Отлично. Вроде все правильно».

Он не спеша встал и, оперевшись на прикроватную тумбу, осторожно выпрямил спину. Стало немного легче – видимо, подействовало лекарство. Постояв немного, Арес приблизился к столу, где на простом пластиковом подносе стояла баночка протеинового завтрака, вид которого всегда вызывал у него приступ тошноты. Даже в полумраке комнаты желеобразная пища отливала желтизной на фоне стоявшего рядом стакана минеральной воды. «О, наконец-то, банановая», – подумал Арес, и это заставило его улыбнуться. Этот вкус нравился ему больше всех.

«Может, и напиток сегодня повкуснее?» – промелькнуло в голове. Медленно поглощая пищу, Арес то и дело поглядывал на часы, стоящие на тумбе. Время убегало быстро, однако торопиться было нельзя. Он и так здорово рисковал, не дождавшись, пока организм восстановится, что грозило продолжительной слабостью и потерей сознания. Вон, даже рука с ложкой трясется...

Покончив с едой, Арес сделал глоток из стакана и поморщился: «Опять витамины. Мерзость...»

Боль прошла, оставив легкую слабость. Отодвинув поднос, Арес встал из-за стола, потягиваясь и разминая затекшее тело. Окончательно придя в себя, подошел к небольшому шкафчику у стены, порылся там и с облегчением вздохнул, обнаружив свежую майку и спортивные штаны. Быстро переоделся, мельком бросил взгляд в небольшое зеркало на дверце шкафа, удовлетворенно хмыкнул и, отворив дверь, вышел из комнаты, направляясь в спортивный зал.

В первый день после вылазки Приспешники выполняли восстановительные тренировки без снаряжения. На второй надевали болезненный экзоскелет.

Илона испытывала боль посильнее. Ей пришлось ждать, пока таблетка подействует, гораздо дольше, а за завтраком она и вовсе не могла удержать ложку в руке. На ее лице не было никаких эмоций – ровно до того момента, когда она увидела в тренировочном зале Ареса. Щеки ее тут же порозовели, глаза засияли, а губы сложились в милую улыбку, обнажая два ряда белоснежных ровных зубов.

– Доброе утро! – воскликнула она.

– Доброе, – не отвлекаясь от упражнения, буркнул Арес.

Помолчав с минуту в надежде на продолжение беседы, Илона вновь поникла и, поняв, что большего ей не светит, направилась к брусьям.

«Подожди... Подожди немного. И он будет твой», – мысленно утешала она себя.

Второй день тренировок начался с того же завтрака в той же комнате. Разве что боли и усталости уже не было. Что, впрочем, вовсе не означало, что организм восстановился полностью. Арес поспешно опустошил тарелку с жижей, которая заменяла ему завтрак, выполнил быструю разминку, затем прислонился спиной к экзоскелету на стене и нажал на небольшую красную кнопку рядом. Послышался звук, напоминающий шелест крыльев насекомых, если бы у них были крылья из железа; спустя мгновение Арес едва удержался от вскрика, ощутив, как иглы экзоскелета впиваются в тело, запуская кончики в нервные окончания. Через несколько секунд в комнате вновь стало тихо – экзоскелет был готов к использованию. В таком, пока еще собранном виде на теле его практически не заметишь: неширокая полоска вдоль позвоночника и четыре стропы, опоясывающие бедра и бицепсы. Несколько раз глубоко вздохнув, Арес привычно сделал крохотный шаг вперед, проверяя, как отреагировало тело, затем – еще три стремительных, чтобы убедиться в функциональности костюма. Не заметив отклонений, он неуловимым движением пальцев правой руки активировал его развертывание – пластины выдвинулись из корсета во все стороны и быстро покрыли тело.

«То, что мы не можем ничего сделать без лекарств – какая-то не здоровая зависимость», – с раздражением подумал Арес, уже начав упражнения в зале. Проспав на час меньше положенного, он опередил своих коллег на два часа. А следующим утром, когда остальные будут еще спать, отправится к Гелиос. Но даже если бы он нашел способ остаться с ней... долго бы не протянул. Его организм уже не может функционировать по-другому.

Случайно взглянув на настенный календарь, Арес вдруг вспомнил, что завтра у него день рождения. Улыбаясь при мысли о том, что сможет провести этот день с возлюбленной, он не заметил, как Илона, подкравшись со спины, обняла его за плечи. Вздвогнув от неожиданности, Арес отстранился.

– А, это ты... – разочарованно произнес он. – Не делай так больше, пожалуйста.

Илона готова была провалиться сквозь землю, ведь сейчас на них смотрел весь зал. Стыд перешел в ярость, щеки Илоны покраснели, губы задрожали от обиды. Как же ей хотелось крикнуть, что со своей мутанткой он теперь не встретится! «Она не придет! У тебя ее больше нет!» Но она сдержалась, круто развернулась и выбежала из зала, вытирая слезы.

Следующим утром Арес покинул купол первым. Из-за этой особенности – все делать первым – начальство часто ставило его в пример: мол, смотрите, какой старательный, стремитесь к тому же. Остальным это, конечно, совсем не нравилось, и, если бы он не возвращался на те же три часа раньше, Арес давно бы выслушивал массу нелестных фраз в свой адрес.

Выйдя за купол, он отметил в общем консольном электронном журнале. Доступ к нему имели все Приспешники; чтобы не мешать друг другу и не исследовать одни и те же участки, они отмечали, куда направляются сегодня. Затем Арес быстро направился вглубь леса. Каждый раз он двигался разными маршрутами, чтобы его ни в чем не заподозрили. Покинув зону прямого наблюдения и пройдя еще с километр, Арес свернул и ускорил шаг. «Послушалась, что ли? Не встречает...» – подумал он, отметив, что на параллельной тропе не слышно шагов, как было обычно, когда его встречала Гелиос.

На новом месте встречи Гелиос не оказалось.

«Она никогда не опаздывает...» – забеспокоился он и почему-то именно от этого, казалось бы, незначительного факта ему стало не по себе.

«Может, она ждет в руинах? Как раньше?»

Отгоняя печальные мысли, Арес двинулся назад. Но и там Гелиос не было. Надежда не покидала его.

«Может, решила бросить меня?.. Надеюсь, что так. Только бы с ней ничего не случилось», – бесконечно повторял про себя Арес, словно молитву, рыская по лесу в поисках следов. Наткнувшись на свежую могилу, он ощутил холодную дрожь по всему телу. Убеждая себя, что могила для нее маловата, Арес безуспешно ждал Гелиос в доме, где она все обустроила для них, до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт.

В полдень Гелиос стали готовить к операции. Голодная и ослабшая, она была напугана, но виду не подавала. Она догадывалась, что ее соплеменник пропал не просто так, а значит, рано или поздно это могло случиться и с ней. Гелиос утешала себя тем, что по-другому и быть не могло, что она ожидала чего-то подобного, но дрожащее, покрытое мурашками тело говорило о том, что к такому заранее подготовиться нельзя.

И она просто ждала...

Доктор Рихтер не смогла отказать Илоне в просьбе понаблюдать за опытом – с ее настойчивостью вообще справлялись немногие. Поэтому сегодня ей разрешили не покидать купол.

– Какая красивая. Я бы не прочь завести себе такую даму. И почему их нельзя оставлять? – сокрушенно пробормотал парень в медицинской форме.

– Да. Особенно глаза... Завораживают, – проговорил, склонившись над Гелиос, другой, постарше.

Илона мгновенно вмешалась:

– Вы работать будете?

Ассистенты бросили на нее недовольные взгляды, затем тот, кто постарше, надел на лицо Гелиос маску, соединенную с баллоном, стоящим рядом:

– Спи, девочка, спи...

Наркоз действовал быстро. Спустя несколько секунд глаза Гелиос закрылись, и она уже не чувствовала, как острый скальпель скользит по ее фарфоровой коже. Кровь едва выступала, сказывалось низкое давление из-за нахождения под куполом.

– Надо было ее хоть покормить, – недовольно проворчал третий врач, пожилой хирург, и тяжело вздохнул: – Что они за люди...

Двое ассистентов, которые обсуждали красоту Гелиос, виновато переглянулись. Да, они могли вколоть ей хотя бы глюкозу, но так увлеченно ее разглядывали, что не подумали об этом. Впрочем, им за это ничего не будет. Она все равно проживет недолго.

Второй подопытный – солдат, больной раком, – спал под наркозом на столе рядом с Гелиос. Высокий, смуглый, атлетически сложенный, на вид лет двадцати пяти – он должен был либо умереть от болезни,

либо пережить экспериментальную операцию и обрести маленький шанс стать мутантом, чтобы излечиться, как ему пообещали.

То, что этого не произойдет, стало понятно сразу после того, как ему вырезали почку и пересадили Гелиос. Ее тело спокойно приняло чужой орган – после небольшого падения давления и пульса почка заработала, словно родная. Солдат же умер мгновенно, как только зажим сняли и кровь с мутагеном попала в его сосуды.

– Следующего! – недовольно крикнула Илона; затем, спохватившись, посмотрела на доктора Рихтер. Получив в ответ одобрителный кивок, отвернулась.

– Стоило начать с пересадки кожи, – проговорила доктор, поправляя очки на носу.

* * *

Арес, поникший и подавленный, медленно и нехотя брел к месту сбора. Таким же он и вернулся под купол. Увидев его грустное лицо, Илона, втайне ликуя, спросила:

– Что-то не так? Что случилось? Ты здоров? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – тихо бросил Арес и прошел мимо.

На этот раз он не торопился проснуться и не смог заставить себя поесть после пробуждения. С размаху разбил стакан о стену. А через полчаса рухнул без сознания в тренировочном зале.

Глава 17

Очнувшись и оглядевшись, Арес сразу понял, что находится в лазарете. Голова кружилась, рука, отведенная в сторону и зафиксированная ремнями, болела. С трудом повернув голову, он увидел торчащую из предплечья иглу. Пытаясь сфокусировать взгляд, несколько секунд всматривался в надпись на капельнице: не разобрать... Безнадежно вздохнув, Арес посмотрел на мельтешение каких-то людей рядом. Ему потребовалась целая минута, чтобы собраться с силами и попытаться заговорить.

– Илона... – начал он и тут же умолк.

– Тише, тебе нельзя напрягаться. Врачи говорят – ты слишком слаб, тебе нужен отдых.

– Уйди... – прошептал Арес, и сердце девушки будто ухнуло в пропасть. Но она все равно улыбнулась, сделав вид, что не услышала его.

– Я это еще вчера заметила, – пробормотала Илона, отводя глаза, из которых уже готовы были хлынуть слезы.

– Уйди, – чуть громче произнес он. – Пожалуйста, просто оставь меня.

– Ладно, я загляну позже. Поправляйся.

Илона чмокнула Ареса в скулу и, не дожидаясь реакции, выскочила из палаты.

Едва покинув лазарет, она прислонилась к стене. Дрожащие ноги не могли удержать ослабевшее тело, и Илона медленно сползла вниз, прикрыв ладонями лицо. Плечи Приспешницы затряслись,

безнадежность холодной рукой сдавила ее сердце, и она зарыдала навзрыд, нисколько не заботясь о том, что ее могут увидеть.

Тем временем доктор Рихтер, сидевшая за компьютером в смежной комнате, подошла к койке Ареса.

– Лучший воин объявил голодовку?

Он фыркнул, отвернув голову в другую сторону.

– У меня нет времени на твои выходки, Арес. Я вчера второй день подряд отстояла пять операций, и сегодня впереди еще две. Так что заканчивай свое представление, понял?

Арес оживился:

– Пять операций? Кто-то пострадал?

– Нет, просто опыты. Поймали мутанта. Ничего нового.

Его словно ударило током, что не укрылось от наблюдательного взгляда доктора Рихтер.

– Кто? – От волнения у него пересохло в горле.

– Девушка.

– А кто поймал? – продолжал допытываться Арес, стараясь сделать голос как можно более невинным и отстраненным, дабы не вызвать подозрений. Однако доктор Рихтер сразу поняла, что здесь есть какой-то подвох, ведь обычно Приспешники гордятся такой добычей и ни за что не упустят случая похвастаться товарищам. Но раз он не в курсе, при том, что Илона только что ушла, значит...

– Солдаты, – ответила она, мысленно завершая логическую цепочку умозаключений.

– Я хотел бы ее увидеть.

Доктор нахмурилась.

– Сначала обед. А дальше посмотрим, – тоном заботливой мамы ответила она и вышла.

Без всякого желания и в большой спешке Арес давился супом.

– Я все.

– Хорошо. Теперь отдых...

– Нет, я готов! – Он почти кричал, вскочив с кровати и оттолкнув прикроватный столик. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться о стену. Арес попытался улыбнуться, понимая, что выглядит жалко. Доктор недовольно качнула головой, но, не выдержав взгляда Ареса, протянула ему таблетку обезболивающего:

– Выпей. Расшибешься по пути, и понадобится проводить на одну операцию больше.

Арес не возражал. Дождавшись, пока он сможет передвигаться самостоятельно, доктор Рихтер направилась в зал над операционной, кивком велела следовать за ней.

* * *

Гелиос уже готовили к очередной операции. Ее руки и ноги были туго зафиксированы ремнями, лицо закрывала кислородная маска с наркозом, из одежды – только тоненькие полоски, закрывавшие пах и грудь.

Арес застыл у стекла, глядя на ее неподвижное нагое тело. Сердце словно остановилось, когда он узнал эти ее линии и изгибы. Душу будто выдернули из тела, забрав вместе с ней способность даже кричать. Едва сдерживая ярость, он насчитал на теле Гелиос более двадцати надразов: на лице, шее, груди, животе, руках и ногах. И далеко не каждый из них был зашит аккуратно.

– Что вы с ней делаете? – прошептал Арес.

– Ты знаешь ее? – Доктор резко обернулась к нему и с подозрением всмотрелась в лицо.

Арес сжал зубы.

– Да, я выслеживал ее последнюю неделю.

– Долго. Что ты о ней узнал?

– Ничего нового... – выдавил он. – Ждал, пока останется одна.

– Ну, вот мы ее и поймали. Ты можешь начать выслеживать других. Что же заставило ее бродить в одиночестве, если раньше она всегда была в компании? Непонятно... – размышляла вслух доктор, поправляя очки, но после секундного молчания спохватилась: – Ладно, мне пора на операцию. Надеюсь, в этот раз они хотя бы покормили ее. Не хотелось бы, чтобы она погибла... – Доктор еще раз пронзительно взглянула на Ареса, но тот выглядел невозмутимо. – ...Раньше времени.

Не в силах больше находиться тут, Арес бросился к себе. Сменив футболку и накинув куртку, он направился на пост охраны.

Спохватившись, вернулся, прихватил из тумбы обезболивающее и снова вышел.

* * *

– Госпожа Николь, мне очень нужен адрес человека, который настраивал нам систему безопасности сети.

Женщина поправила пряди короткой стрижки цвета морской волны, отчего ее синтетическая синяя блузка издала легкий треск.

– Зачем, прости? – удивилась она.

– Николь, прошу. Дело очень срочное, – умоляюще протянул Арес.

Николь некоторое время молча смотрела на него, затем оглянулась и, вытащив лист бумаги, что-то быстро нацарапала на нем. Свернула несколько раз и протянула Аресу.

– Спасибо, – бросил он через плечо, покидая пост охраны.

– Арес. – Николь тихо окликнула его, схватив за рукав, и указала на экран. Последний столбик в базе данных гласил, что этот человек был мертв. Но Николь указала на нижестоящее такое же имя, с другой фамилией и с этим же адресом. – Тебе нужен он.

* * *

– Стой! Куда? С оружием запрещено! – крикнул солдат, дежуривший у дверей вокзала, и по инерции ухватился за пистолет на поясе.

В отличие от обрюзгшего охранника со свисающим через ремень пузом и лежащими чуть ли не на плечах щеками, Арес действительно походил на солдата: стройный, подтянутый, с метательными ножами на поясе и пистолетом в кобуре у правого бедра. Чуть выше голенища сапог был пристегнут чехол с выглядывающей из него рукоятью трехгранного спирального кинжала.

– Пробей его по базе. Может, беглый преступник или вор, – велел охранник напарнику, окинув Ареса недовольным взглядом.

– Извините, не имею права сдавать оружия – по приказу правительства. Но если вы настаиваете... – сухо, но без угрозы ответил Арес и раскрыл удостоверение члена Отряда Приспешников.

Охранник с насмешкой посмотрел на документ, глаза его расширились, он поспешно убрал оружие и дрожащим голосом, заикаясь, проблеял:

– Э-э-э... П-п-простите, сэр. П-проходите, пожалуйста. Я не думал, что...

– Ничего, – ответил Арес и, спрятав удостоверение, прошел через терминал.

– Спасибо, сэр! – крикнул вдогонку охранник.

Всю дорогу до второго купола Арес смотрел в окно, пытаясь унять дрожь в руках. Мысли разбегались, словно испуганные воробьи, продумать детали плана освобождения Гелиос не получалось.

Но когда Арес сошел с поезда, то на какое-то время он позабыл обо всем. Его привычный мир четырех стен и леса рухнул, разбившись об осознание, что же такое второй купол. Арес приехал сюда впервые, и дома, которые клонились друг к другу не по задумке инженеров, а из-за просадки грунта, здорово его пугали. Пугали и трещины на этих домах, и арматура, торчащая из обвалившегося фасада некоторых этажей. Но больше всего пугало то, что в этих домах жили люди.

– Дюка нет... Он в отъезде, – произнесла стройная девушка, запуская тонкие пальцы в пряди волос винного цвета. – Что-нибудь передать ему?

– Нет, спасибо.

Узнав в нем Приспешника, о котором рассказывал Дюк, девушка дружелюбно улыбнулась, жестом пригласила Ареса пройти и, внимательно осмотревшись, захлопнула дверь.

* * *

Срочное собрание объявляли у них нечасто. Арес даже сказал бы, что это было третье за всю историю. Но именно он и был его инициатором.

– Так ты предлагаешь освободить подопытную? – с подозрением спросила Первая Леди купола. Ее тон свидетельствовал о сильном

недовольстве.

– Да... Я следил за ней, пытаюсь вычислить местоположение остальных... Я отпущу ее и приведу с десяток таких же! – скрывая волнение, рапортовал Арес.

Эту идею предложила ему девушка, которая встретила его в доме Дюка. Объяснив, что Дюк не сможет помочь с системой безопасности, да и вряд ли смог бы, даже если бы был здесь, она предложила другой план. «Сомневаюсь, что после такого ты сможешь вернуться, но у нее появится шанс сбежать».

– В этом нет необходимости, – вклинилась в разговор Илона. – Леон и Кай проследили за отрядом изгнанников и нашли деревню, – чуть не выпрыгивая из кресла за столом в зале совещаний, воскликнула она.

– Это правда? – удивилась доктор Рихтер.

– Д... да, – запинаясь, ответил Кай, мельком взглянув на Илону. Ни о чем подобном отчет они пока не сдавали.

– Иви, тебе ничего об этом не известно? – Возмущенный взгляд Первой Леди был устремлен на доктора.

– Нет, госпожа Мира. Впервые об этом слышу.

– То есть вы, найдя то, что мы ищем уже больше года, не удосужились предоставить отчет?!

– Мы не все еще разузнали... – попытался оправдаться Леон.

Понимая, что подставила всех, Илона поспешила смягчить ситуацию:

– Госпожа Мира, Леону и Каю удалось узнать одного из изгнанников...

Дрожащей рукой Илона нажала пару кнопок на клавиатуре перед собой, и над столом возникло голографическое изображение.

– Некто Дюк Нордан, он же Дюк Ларс, Дюк Арон и еще шестнадцать других фамилий и дат рождения. Самый опасный хакер, подозреваемый в связях с сопротивлением. По совместительству – мастер-наладчик нашей системы безопасности.

Арес сразу узнал его, и новость про изгнание оставила неприятный осадок, особенно после разговора с девушкой в доме Дюка: «Она ждет его, но знает ли, что он не вернется?»

– Что ж, тогда штурмовая группа выдвигается на рассвете. Деревню захватить, жителей доставить на допрос. Если найдете этого

хакера, избавьтесь от него. Он давно должен быть мертв. И мне даже предоставляли отчет о его смерти. А почему это не так – теперь моя забота. Вероятно, и у нас тут завелась крыса. – Мира уже готова была закончить собрание, привстав со стула, но тут вмешался Арес:

– Леди Мира, кроме деревни, в лесу есть поселения, которые мутанты разбили сами. Полагаю, втайне от людей в деревне. И их там куда больше. – Вспомнив искалеченное тело Гелиос, он едва заметно вздрогнул и добавил: – Я настаиваю на том, чтобы отпустить пленную мутантку как наживку. Она приведет нас к остальным.

– Если вы уверены в исходе операции, действуйте, – сказала Первая Леди. – У тебя есть план?

– Да, – отозвался Арес. – Я выведу ее за купол. Отпущу и прослежу за ней.

– Я сама! – выкрикнула Илона, понимая, к чему это приведет.

– Иванка, разберись! Что за детский сад! Куда делась ваша хваленая дисциплина?

Первая Леди покинула зал заседаний, что-то бормоча себе под нос. Ничто не беспокоило ее сейчас больше, чем состояние дочери. Неожиданно неприятная новость настигла ее прямо во время совещания.

– Прикажете накормить мутантку, пожалуйста. Вечером я зайду к ней, – попросил Арес доктора Рихтер.

Уловив искры в небесно-голубых глазах, доктор внезапно поняла, в чем дело. Будучи инициатором создания проекта «Приспешники», она воспринимала своих подопечных как собственных детей и знала каждого лучше, чем те знали себя сами.

Работа по изучению мутантов не приносила доктору Рихтер никакого удовольствия. Она прекрасно знала, что те – не угроза для людей, и первое время даже оплакивала каждого. Со временем она смирилась. Выбора не было: откажись она от должности, это наверняка стоило бы ей жизни – правительство не оставляло в живых тех, кто слишком много знал.

И сейчас она была уверена, что всегда тихий и немногословный Арес испытывал не сострадание. Она вспомнила, что последние несколько дней он не находил себе места, то и дело срываясь по любому поводу. От его холодного спокойствия не осталось и следа с того момента, как он увидел девушку на операционном столе. Сегодня

утром Арес, не справившись с контролем над экзоскелетом, словно свежее печенье, переломил пополам двадцатикилограммовый диск от штанги. Инцидент, конечно, требовал расследования, но Арес убедительно обвинил во всем головокружение, вызванное нарушением питания, которое заметили у него пару дней назад. Доктор усердно отгоняла от себя мысли о влюбленности Ареса, но этот взгляд, полный безнадежной решимости, и опустившиеся в печали, словно после жуткой болезни, уголки рта не оставляли места сомнениям.

Мгновенно поняв его замысел, доктор Рихтер на миг ощутила грусть и безнадежность от того, что, скорее всего, видит его в последний раз.

«Он ведь не собирается прощаться? Правда? Конечно, не попрощается...»

– Это моя жертва. Я сама прослежу за ней! – выкрикнула Илона.

Арес, уже стоявший на пороге, словно влетел с размаху в прозрачную стену. Мгновенно развернувшись, он пронзительным буравящим взглядом уставился на Илону, затем перевел глаза, полные укора, на Иванку Рихтер, которая тут же спешно отвернулась от него. Быстро сообразив, что Илона не врет и Гелиос поймали не солдаты, Арес кое-как совладал с собой, старательно сдерживая гнев, и даже сумел выдать из себя улыбку. Затем, преодолевая болезненный ком в горле, обратился к девушке:

– Илона, пожалуйста. Я ни о чем никогда не просил тебя.

– Илона... – попыталась вмешаться доктор.

– Нет! – резко вскрикнула та, сжав кулаки.

– Пожалуйста, – продолжил настаивать Арес. – Ты и так... уже немало сделала.

Илона, чье сердце ревниво кольнуло от этого завораживающего голоса, недовольно фыркнула и, развернувшись, покинула комнату.

* * *

– Тихо. – Арес коснулся пальцем губ, призывая к тишине.

Отбросив в сторону ремни, удерживающие Гелиос, он аккуратно, словно фарфоровую куклу, взял ее на руки и направился к выходу. Дрожащая от испуга девушка пыталась унять слезы и что-то сказать,

но губы не слушались. Тогда она крепко прижалась к Аресу и спрятала лицо у него на груди. Ноющая боль каждого пореза заставляла Гелиос сжимать сорочку так, словно от этого ей станет легче. Но легче не становилось. В местах, где ткань прилипла к ране и застыла, на месте старых пятен крови появлялись новые.

И эти раны никогда не заживут полностью. Гелиос слышала разговор врача с ассистентами о том, что скальпель сначала надо хорошо смочить в препарате, который им предоставят, чтобы раны не регенерировали во время операции.

«Подожди. После она уже не будет такой красивой,» – произнес он, рассказывая о том, что на ее коже навсегда оставят след. След человеческой жестокости, который будет напоминать ей: таких, как она, здесь за людей не считают.

– Все хорошо, малышка, все хорошо. Я тут, я с тобой. Прости меня, пожалуйста, – прошептал он. Осторожно продвигаясь по лабиринту коридоров и замирая за углом при появлении охранников, он этаж за этажом медленно спускался вниз.

– Потерпи еще немного, девочка моя, – прошептал Арес, благополучно миновав двор и войдя в ангар с автотранспортом. За лабораторией было закреплено несколько автомобилей, в том числе и два транспортника, в основном использовавшихся для вывоза тел за территорию.

– Заводи машину, едем за купол! – крикнул он дежурному водителю. Тот вздрогнул при виде Приспешника с полуголой девчонкой на руках.

– По чьему указанию?

– Распоряжение Первой Леди! Доставить объект на передвигающуюся базу. Я бы показал распоряжение, да руки заняты немного, – четко и спокойно проговорил Арес с бешено колотящимся сердцем. Если водитель сейчас решит проверить достоверность информации – им с Гелиос придется туго. Он не стал дожидаться официального решения, ведь на его борьбу с Илоной за право исполнить приказ ушло бы пару дней. А у Гелиос этих дней не было. Арес решил воплотить в жизнь свой план сразу после отбоя.

– Нужно разрешение на выезд от дежурного за подписью ответственного в лаборатории, – проговорил водитель. – И кто поедет старшим?

– Я старший, – едва не выкрикнул Арес, прилагая все усилия, чтобы не выдать свое состояние.

– Но, сэр, вы же... Приспешник? – удивился водитель, и Арес запоздало вспомнил, что руководить выездами у них разрешения нет.

– Послушай, друг. Эта девчонка крайне важна. Крайне, понял? Первая Леди лично отправила меня с ней прямо из операционной. Она на грани, видишь? И если она умрет – это будет на твоей совести. Объясняться с Первой Леди будешь сам, – сказал Арес, делая вид, что сейчас уйдет.

– Проклятье... Стой! Стой. Ладно, едем. Но если что, руководили вы, сэр! – выкрикнул водитель и завел мотор.

– Договорились, – ответил Арес, поднимаясь в кузов. – Двинули! Водитель нажал кнопку на панели.

– Альберт, открывай, – произнес он в динамик слева от руля, и через несколько секунд Арес услышал звук раздвигающихся ворот. Машина тронулась, и Арес, продолжая держать Гелиос на руках, перевел дыхание.

* * *

Наблюдая за ним из окна центра, Первая Леди усмехнулась:

– Это слишком очевидно, парень. Слишком... Не дождался даже бумажки, так спешил.

– Мне следовать за ними? – раздался низкий вкрадчивый голос у двери кабинета.

– Да. Девчонку можешь отпустить, она приведет к их логову. Не выйдет – убей ее. А его доставить ко мне, – бросила Первая Леди человеку, одетому в плащ с накинутым до самого подбородка капюшоном. Не издав ни звука, тот выскользнул из помещения.

* * *

Автомобиль двигался вперед, и через маленькое зарешеченное окошко Арес видел проплывающие мимо улицы и здания.

– Слушай меня, Гелиос. Сейчас мы подъедем к воротам купола. Я открою их, а ты сразу же должна бежать как можно быстрее. Ты поняла?

Гелиос судорожно кивнула.

– А как же ты? – прошептала она.

– Я за тобой, не волнуйся. Просто беги и не оборачивайся. – Арес гладил ее по волосам, раздумывая над тем, как лучше вырубить водителя и открыть ворота прежде, чем подоспеет караул. – Скоро станет легче, малышка.

Ощувив, что машина замедлила ход, он встал и опустил Гелиос на ноги. Кивнув ей, развернулся к кабине и начал считать секунды до остановки. Его совсем не волновало, что теперь он – предатель и не сможет вернуться. Главное – домой вернется она.

– Приехали! – крикнул водитель.

Арес кивнул:

– Хорошо. Сейчас оформлю ее выход и вернусь.

Спрыгнув на землю, он быстро огляделся. У ворот возле пульта стоял один охранник, еще один лениво вышагивал вдоль стены метрах в сорока левее. Остальные, как он догадался, были в караулке справа от ворот.

Выждав, пока охранник у стены двинется в обратную сторону, Арес заторопился в сторону пульта, делая вид, что достает из-за пазухи документы. Караульный обернулся на звон металлических платформ на ногах Приспешника, заметно насторожился и подобрался, с подозрением всматриваясь в его лицо.

– Ну, что там еще? Очередная партия жмуриков? – с усмешкой произнес он. – А где старший?

– Да, – ответил Арес. – Вот, взгляни.

Подойдя вплотную, он поднял руку и молниеносным движением ударил караульного в висок кулаком – экзоскелет придал ему сил. Тот охнул и беззвучно осел. Развернувшись, Арес выхватил пистолет из набедренной кобуры и, заученным движением выбрав пули с транквилизатором, выстрелил в другого. Тот вздрогнул, схватился за шею и рухнул, где стоял. Арес нажал на пульте кнопку открытия малых ворот и бросился назад к машине.

– Расс, какого черта? Почему ворота открываются без доклада? Расс! – слышалось из рации лежащего возле пульта охранника.

На ходу впрыгнув в открытую дверь кузова, Арес в два прыжка преодолел его, оказавшись за спиной водителя.

– Эй, ты что за... – начал было тот, но умолк, получив удар в висок. Откинув его в сторону, Арес прыгнул за руль, завел машину и, включив заднюю передачу, подъехал вплотную к дверям сторожки, начисто ее заблокировав.

– Гелиос, беги! – крикнул он и выпрыгнул из кабины.

Едва заметно кивнув, она бросилась к дверям у ворот.

Он смотрел ей вслед, перелезая в грузовой отсек, смотрел на плечи Гелиос, на шрамы, прикрытые лямками белой больничной сорочки, слегка великоватой для нее. Из помещения охранного поста выбежал еще один солдат, и Арес выстрелил последним транквилизатором, – тот рухнул на землю.

Послышался звон стекла: догадались разбить окно кабины и сейчас будут здесь. Арес оглянулся на Гелиос и, убедившись, что та уже на приличном расстоянии, нажал кнопку закрытия ворот на пульте. Легким движением руки нацепил маску, проскользнул между створками и бросился следом.

* * *

В лесу Гелиос перешла на шаг. Голова у нее кружилась, тело по-прежнему болело от каждого движения, но страх быть снова пойманной заставлял переставлять ноги до тех пор, пока глаза ее были открыты. Арес, уверенный в том, что их не преследуют, только тогда нагнал ее. Он осторожно взял Гелиос за руку, но та в испуге отстранилась и отступила на шаг.

– Н... не надо... Н... не... трогай, – от волнения она заикалась, сцепив руки замком.

– Гелиос... – растерянно прошептал он.

– Не... надо, пожалуйста, – повторила она, опуская заплаканные глаза, и, пытаясь отойти еще на шаг, оступилась. Арес подхватил ее.

– Отпусти! Отпусти меня! – в истерике закричала Гелиос, стуча кулачками по его груди.

– Гелиос, прекрати! Это же я! Гелиос! Что с тобой?! – Убедившись, что она крепко стоит на ногах, Арес в недоумении

отступил.

– Ч...чего?! Чего я?! Ты... ты знал! Знал, что они делают с нами! – Зубы ее стучали, она то и дело прикусывала губу, не контролируя эту дрожь.

Внезапно Арес понял, что дрожь – это ее страх и ужас, в том числе и перед ним. Стараясь говорить как можно мягче, он попытался объяснить:

– Гелиос, я никогда не приносил ни одного из вас под купол. Гризли, львы, цветок, что ты вдыхала, прочую чушь – да. Но не мутантов. Поверь мне, я не лгу! У меня нет другой жизни, я действительно просто изучал природу, как и сказал. Да, они ловят мутантов, даже внутри стен. Это гнусно, но я ничего не могу с этим сделать. Многие разделяют мое мнение, но...

– Среди наших пропал один... это были вы?

– Гелиос, я рассказывал тебе о том... Что нас послали выяснить, может ли человек вернуться за купол. Мы действительно встретили вашего соплеменника. И мы думали, что он чудом выживший. Ты бы знала, с какой гордостью мы вели его. Мы думали, что спасаем его...

– Его убили?

Ответа не требовалось.

– Я не знал, Гелиос, честно. Я жил, просто выполняя приказы и стараясь не наткнуться на вас. Между нами, Приспешниками, была такая договоренность... Но, лишь повстречав тебя, я понял, что хочу прекратить все это. Эту бессмысленную бойню... Чтобы люди и мутанты не стремились уничтожать друг друга, а мирно жили рядом. Чтобы я мог... быть с тобой.

Гелиос бросила на него недоверчивый и обиженный взгляд, развернулась и пошла вперед. Чуть помедлив, Арес неуверенно двинулся следом. Гелиос брела, шатаясь, иногда прибавляя шаг, затем остановилась. Опершись на ствол дерева, она перевела дыхание.

«Как заяц и волк», – подумал Арес, всматриваясь в шрамы на ее теле. Прямые, разной длины, от мизерных до пересекающих всю спину, начиная с плеч, прямоугольные и квадратные, на каждой части тела, включая заплаканное лицо, которое она сейчас старательно прятала.

– Я больше не нравлюсь тебе? – тихо произнесла Гелиос, ощущая на себе его взгляд.

– Нет, что ты. Ты восхитительна, милая моя. Ты не можешь мне не нравиться.

Выжившая. Сколько смысла теперь обрело это слово для Ареса. Он неоднократно перечитывал старые архивы о войне, отчеты о первых экспедициях за купол. Наизусть знал число погибших и выживших. Но он никогда не думал, какие последствия могут скрываться за этими цифрами. Что осталось от выживших? Искалеченные тела без рук, ног? А что же тогда говорить о душе? Слишком много значения в этом слове было теперь для него. Он потерял прежнюю Гелиос. Навсегда.

– Чучело какое-то, – фыркнула она, боясь даже представить, как она сейчас выглядит.

– Гелиос! – сказал Арес, нагоняя ее и хватая за руку. – Это моя вина, прости. Я чувствовал, что не нужно продолжать наши отношения, что это опасно. Но я ни дня не мог прожить без тебя. Чертов эгоист! Ведь знал же...

Гелиос выдернула руку и какое-то время, нахмурившись, разглядывала его. Двигаясь теперь уже спокойнее, пошла вперед. Просто вперед, без каких-либо целей и планов.

– Мы еще увидимся?

– Да, я буду с тобой, пока не сядет батарейка в маске.

Гелиос резко обернулась и схватила Ареса за руку.

– Только не говори, что ты не собираешься возвращаться, – нахмутив брови, сердито прошептала она.

– Ты сама это сказала.

– Арес!

– Мне жаль, что так вышло.

Она застыла на месте. Смогут ли его принять в деревне? Принять и не убить. Ей представлялись разъяренные лица жителей и хищные взгляды мутантов. Ареса убьют на месте, даже не дав оправдаться. И неважно, кто и зачем его привел. А уж если не убьют они, то его убьет экзоскелет, который Арес не сможет снять без дополнительного оборудования. Миллионы раз они обсуждали эти варианты, и ни один из них все еще не казался хорошим. Гелиос вновь зашагала, чтобы не упасть на месте.

Раздался выстрел. Она чуть подалась вперед, выпрямилась и застыла с открытым ртом. На белой сорочке быстро расплывалось

кровавое пятно. С удивленным и растерянным взглядом она медленно повернулась к Аресу.

– Гелиос! – вскрикнул он, подхватывая ее и падая на колени. Бросив взгляд в сторону, откуда был сделан выстрел, и никого там не обнаружив, Арес с ужасом бросил взгляд на рану.

Гелиос же из последних сил подняла руку и коснулась его щеки под маской экзоскелета.

– Прости меня, солнце, прости, – прошептал Арес, склонившись к ее лицу. Гелиос улыбнулась ему в ответ, и ее рука упала вниз.

– Нет! Нет! Нет! – пытался закричать Арес, подняв голову вверх и еще сильнее прижимая к себе тело любимой, но ком в горле позволил только прошептать.

Арес узнал след от особой пули – экспансивная, с ядом. Он хорошо знал механизм действия этого «цветка смерти»: при выстреле такая пуля раскрывает свои железные лепестки, чтобы не пройти навывлет, а, засев в теле жертвы, распространяет по нему яд. Аресу страшно было представить, что чувствовала сейчас Гелиос. Он понимал, что выражение ее лица не может передать всю ту боль, которую она испытывает. Слезы в уголках ее глаз огнем жгли его душу, и парень проклинал себя и весь мир за то, что не может забрать себе ее страдания. В надежде облегчить их, он снял с себя маску и прижал ее к лицу Гелиос – кислород, подававшийся в нее, содержал пары обезболивающего, без которого Приспешники не могли бы передвигаться в экзоскелетах. Она едва заметно мотнула головой в знак протеста, но как только вдохнула кислород, отверстия на шее исчезли, а заплаканные глаза приобрели медный цвет.

– Красивые, – на последнем выдохе произнес Арес и прикрыл глаза, задыхаясь. Гелиос лишь сильнее заплакала, наблюдая за смертью возлюбленного. Но ничего сделать не смогла...

Дождавшись, когда Дикая перестала подавать признаки жизни, из-за дерева показалась фигурка в костюме Приспешника.

– Недолго мучилась... – пытаясь не смотреть на застывшее лицо мутантки, полное боли и тоски, Илона включила свой экзоскелет, надела на Ареса маску и вколола ему адреналин. В фильтр-маску она залила жидкость, позволяющую держать Ареса, сердце которого вновь забилося, в глубоком сне. Затем, небрежно и с неприязнью оттолкнув

тело Гелиос в сторону, Илона закинула Ареса на плечо и легко устремилась прочь.

«Мой», – мысленно ликовала она, улыбаясь навстречу куполу.

Глава 18

Есть люди, о которых слышишь только что-то одно, казалось бы, для всех «очевидное»; а есть те, о которых, сколько ни спрашивай, единый портрет не соберешь. Таким человеком с недавних времен и стал Дюк. Ему было странно осознавать, что в череде бесчисленных обвинений он сам уже не мог сказать, какие слухи о нем были правдой, а какие – пустыми сплетнями. Он поймал себя на этой мысли, когда под предлогом помощи Майе на могиле Элиота навсегда покинул купол.

Шагая по красному лесу вместе с Майей, Дюк подумал, что Эрик запомнит его дураком, из-за которого они попали в передрыгу, а Ника и вовсе врагом. Ведь если бы он не приехал к Марии и не стал бы расспрашивать ее, ничего бы не случилось. И все же ему было интересно, в какой момент он пересек точку невозврата. Точку, за которой все в его жизни становилось хуже и хуже.

Он тосковал по Ане – этой милой странной девушке, которая пыталась увидеть в нем то хорошее, чего он, как думал сам, давно лишился. Он совершил много ошибок, но успокаивал себя тем, что инструкций к жизни и не давали. Любой на его месте поступил бы так же. Любой попытался бы сбежать с охоты на мутантов, а секрет о том, что именно с него она и началась, не раскрыл бы.

Сейчас Дюк все больше отдалялся от беззаботного будущего и приближался к команде первой линии выживания. К ребятам, жившим в лесу, где смерть может наступить как от слишком холодной ночи, так и от палящего солнечного дня. К отряду главных добытчиков еды,

которая включала в себя и охоту на зверей, и экспедиции по новым бункерам. Как сложится его жизнь теперь, он боялся себе представить. Но знал, что страшно только первое время. Знал, потому что всю жизнь жил в этом страхе. Вот сейчас он привыкнет к новой обстановке, и все будет хорошо.

«Ты еще станешь тут главным добытчиком и через пару месяцев запомнишь этот лес как свои пять пальцев», – подумал Дюк и закрыл глаза.

Когда он снял маску, фиолетовый омут глаз передал всю тяжесть этих мыслей. Да, он часто представлял себе, как потом все станет проще: как он привыкает ко всему перечисленному, и все, что сейчас кажется таким неизвестным и невозможным, станет для него привычной рутинной. Но если быть откровенным самим с собой и провести нить приключений к той точке, где он сейчас оказался, то дальше, в недалекой перспективе, Дюк видел только свою смерть от укуса зараженного животного.

Вероятно, так бы оно и случилось, если бы не взрыв, раздавшийся вдалеке. Дюк услышал хлопок гранаты и ощутил легкое колыхание ветра. Но этой гранаты, как он смог увидеть, взобравшись следом за Майей на дерево, хватило, чтобы вскрыть входную дверь купола. Сам Дюк успел на каких-то чертовых десять минут закрыть ее раньше. Теперь купол с разных сторон окружали военные машины «Аврора».

Майя удачно выбрала дерево с самой густой кроной – сказывался ее опыт в поиске укрытий. Отсюда было хорошо видно шныряющих повсюду роботов, принадлежащих отряду Жнецов. Они летали совсем рядом, изучая и контролируя прилегающие территории. Сквозь листву Дюк заметил машины с эмблемой Земли и золотой цифрой пять.

Машины подогнали вплотную к выходу. Туда солдаты загоняли отбивающихся жителей деревни. Один из стариков, вырвавшись из рук конвоира, бросился в сторону дома, спотыкаясь едва ли не на каждом шагу. Его поймали и закинули в кузов, как мешок. После такого дед вряд ли вообще придет в себя. Дюк отвернулся и начал рассматривать баллоны с кислородом для пленных.

– Они готовились и точно знали, куда идут... – шепнул он Майе, но та ткнула его в бок, требуя замолчать.

Немолодая женщина с ссадиной на левой скуле, которую гнали вперед, заломив ей за спину руки, закричала:

– Что мы вам сделали?

Идущий рядом солдат, не останавливаясь, ударил ее по лицу.

– Как так произошло? – проронил Дюк.

– Какая теперь разница. Надо сообщить Еве, пусть собираются и уходят на север, – горестно процедила сквозь зубы Майя и вытянула из сумки коммуникатор.

– У тебя тоже есть коммуникатор?

– А ты думал, мы общаемся телепатически?

– Думал, что на всех бы не хватило. Откуда они у вас?

– Забрали у тех, кому они больше не понадобятся.

– Что?

– Трупы в бункере. – Майя закатила глаза, словно это было чем-то очевидным.

– Ты можешь написать всем, чтобы они пришли на помощь? Я думаю, мы сможем остановить солдат.

– Есть несколько проблем... – прошептала Майя, от волнения покусывая губу и не отрываясь от коммуникатора.

– Да вот же перед тобой проблема, их спасти надо!

– Да тише! А то и нас спасти надо будет. – Майя приложила указательный палец к губам. – Первая проблема заключается в том, что мне пришло сообщение от Евы. И тебе оно не понравится.

– Да не теми уже.

– Дикие заперты в бункере на руинах. Кажется, что сигналка на танках солдат и шум при передвижении привели к тому, что ночные звери бушуют у нашей территории.

– Отгоним их, не проблема.

– Мне бы твою самоуверенность. Сразу видно, не имел дела со зверьем. Но тебе там точно рады не будут.

– Да какая...

– Дюк, они думают, что ты сдал местоположение. Одна девушка слышала, как искали тебя. И есть еще то, о чем ты забыл: люди, кто находят в тех, я так понимаю, специализированных кузовах, не выживут, если их вытащат оттуда. А вернуться некуда. Солдаты сейчас разрушат купол.

И, словно подтверждая ее слова, те, закончив погружать людей, принялись за укладку взрывчатых устройств вокруг купола.

– Что же, кажется, я возвращаюсь домой.

Дождавшись, когда танки исчезнут из виду, ребята медленно спустились из укрытия и пошли по следам. Ближе к куполу они воспользовались тем, что их бег быстрее любого современного танка, и, обогнав конвой, спрятались в ожидании. Солнце близилось к горизонту, дневные цветы сворачивались прямо на глазах, сменяясь ночными. Отличия были заметны сразу: светили они гораздо ярче, и, если поднести к ним ладонь, можно было ощутить легкую волну тепла.

– Ого! Ты знала об этом? – спросил Дюк, грея замерзшие ладони.

– Конечно! Мы часто дежурили по ночам. Под утро бывает жутко холодно. – Майя бросила мимолетный взгляд на его руки и тут же вернулась к разглядыванию пейзажа на горизонте.

– Что за девушка сказала о том, что меня искали?

– Селена.

– Кто это?

– Ты ее не знаешь. Она у нас за лекаря. Тоже мутант, но она неправильный мутант.

– Что? Это как?

– Селена и Гелиос – сестры-близняшки. Кажется, их облучили или привили еще до рождения, и вот на одну мутаген подействовал нормально, а на вторую... неправильно. У нее темная кожа, и она сгорает на солнце быстрее, чем человек. Поэтому в деревне она живет под землей. Обычно она выходит по ночам, поэтому ты ее не видел.

– И она слышала... – заинтересованно начал Дюк, рассчитывая на продолжение. И он получил его.

– Солдаты называли твое имя и искали тебя.

– Но ты не веришь, так?

– Не верю. Ты все это время был у меня на глазах. Ну и плюс ко всему, я догадываюсь, кто это сделал.

Майя посмотрела на следы военных машин.

– Ты уверен, что они еще не проезжали обратно? И как ты собираешься проникнуть под купол?

– Не проезжали, – задумался Дюк. – Сейчас расскажу. Все военные машины оснащены искусственным интеллектом. «Аврора» – очень капризная женщина. Не раз наблюдал ее закидоны.

Представляешь, стоит она на одной гусенице, вторая закреплена на стойках, и вдруг внезапно включается автопилот, и она едет на задание, – усмехнулся Дюк. – Да-а-а... Так вот, чтобы в такой ситуации сохранить жизнь ремонтника, под днищем машины предусмотрена специальная выемка со скобами крепления. Хватаешься за них – и можешь ехать. Но, насколько я помню, удержаться там физически нелегко. Поэтому одной тебе я так рисковать не позволю.

– Ты работал на правительство? – с подозрением спросила Майя.

– Нет, но в мастерской, где я работал, иногда приходилось обслуживать и правительственные машины.

– А каково там?

– Под куполом?

– Да.

– Скоро увидишь, – загадочно улыбнулся Дюк. – Жаль только волков оставлять.

– Ну мы же в любой момент сможем вернуться сюда.

– Э... Нет.

– В смысле?

– Покидать купол, как у вас, тут нельзя. И тебе не понравятся правила внутри. Ни в коем случае, как бы тебя ни пытали, не признавайся, кто ты.

* * *

Конвой военных машин не заставил себя долго ждать. Послышался скрежет гусениц, перемалывающих кустарники и невысокие деревца, и оглушительная сирена сопровождения. Сомнений не было, именно она и погнала зверей к руинам, где прятались мутанты.

Горизонт был пуст, так что у Майи и Дюка было время на подготовку. Майя вдруг заметила, что у Дюка дрожат руки.

– Тебе что, страшно?

– А тебе нет? Знаешь, что нас ждет, если попадемся? – прошептал Дюк, невольно касаясь пальцами футболки в том месте, где был шрам, а затем тряхнул головой и сосредоточился на звуках приближающейся колонны.

Через несколько минут из-за поворота показался корпус первого броневика. Он медленно двигался вперед, сканируя местность двумя радарами, расположенными по бокам. Дюк указал Майе на дерево, где она спряталась и замерла, а сам, пригнувшись за кустом, рассматривал идущие позади броневика транспортники. Отметив, что наружного наблюдения на них, как он и предполагал, нет, Дюк тихонько прошептал Майе:

– Начинаем. Действуем по плану.

Майя кивнула.

– Мята, – едва слышно сказала она, обернувшись к притаившемуся в нескольких шагах волку, – будь осторожна. Я обязательно вернусь за тобой.

Зверь, лизнув хозяйку в лицо, тоскливо заскулил. Дождавшись сигнала, волк выпрыгнул из-за кустов перед носом последней машины. Как и ожидалось, транспортник затормозил. Дюк и Майя дождались, когда из кабины покажутся два Жнеца. Быстро окинув взглядом окрестности и не заметив ничего подозрительного, один из них поднял оружие, чтобы напугать животное. Волк ощутил исходящую от солдат смертельную угрозу, но хозяйка выглядывала из-за машины, и зверь понял: нападать опасно. Рыкнув и сделав вид, что уходит, Мята неожиданно развернулась и запрыгнула на машину. Послышался выстрел, и Майя, вздрогнув, остановилась. Выстрел был предупреждающим – Мята спряталась в кусты, виновато поглядывая на хозяйку.

Жнецы уже вернулись в кабину, а Дюк и Майя только успели спрятаться за кузов последнего грузового транспорта. Раздосадованный Дюк подумал, что ничего не выйдет, они не успеют, и начал лихорадочно соображать, что теперь делать, как вдруг перед машиной, прямо на то место, где минутой ранее стояла Мята, выпрыгнул волк побольше. Айсберг, уже не боящийся смерти после потери хозяина, вытянулся во весь рост и издал настолько громкий рев, что заставил солдат зажать уши. Дюк схватил Майю и залез под машину. Раскинув руки и зацепившись за три петли, он пытался найти четвертую.

– Черт побери! Это подстава. За такое в нашей мастерской штрафовали! – в сердцах воскликнул он, увидев пустоту в том месте, где должно было находиться крепление для второй ноги.

– Это плохо? – обеспокоенно поинтересовалась Майя, прижатая к его груди и животу. Еще бы. Держаться вот так, в подвешенном состоянии, да еще и без одной петли, было невероятно тяжело, даже несмотря на то, что Майя весила не так много.

– Майя, все, что происходит с нами – уже нехорошо. А тут просто потребуется больше усилий.

Машина тронулась, издав скрежещущий звук. Рев мотора прямо над головой был невыносим, и Дюк обругал себя за то, что не подумал об этом. Сосредоточившись, он довольно долго удерживал себя и Майю, но в какой-то момент все-таки сорвался, расцарапав спину о крупный камень.

– Как же, мать вашу, больно, – простонал Дюк сквозь стиснутые зубы. – Так мы не доедем... Надеюсь, кровь не сильно идет, – прошептал он, представляя, как за транспортником тянется красная дорожка.

Майя молча достала из сумки ремень, который забрала с тела Элиота, и пропустила его у Дюка под поясницей.

– Куда можно зацепить, чтобы ничего не сломать? – спросила она, стараясь перекрыть рев двигателя.

Дюк перехватил пряжку и зацепил ее за трубу. Лицо его выражало недовольство: было бы куда проще, если бы Майя сделала это в самом начале пути.

– Он нас выдержит?

– Надеюсь. Обними меня крепче и держи ткань так, чтобы кровь не капала на землю под куполом. – Голос Дюка дрожал, и это насторожило Майю.

Дюк извивался от боли, его беспокоила не только рана на спине, но и затянувшийся ремень, впившийся в тело. Тут Дюка осенило, и он начал тереть браслет на левой руке. Иггдрасиль – древо Жизни, – висевший на нем, замигал.

– Что ты делаешь?

– Увидишь, – ответил он. – Мигает?

Майя молча кивнула, и Дюк заметил, как стучат ее зубы. Если сам он был одет в уже ставший привычным специальный костюм для похода за купол, то Майя по-прежнему была лишь в тонкой одежде.

– Малая, я знаю, тебе до жути холодно, но потерпи. Я обещаю, что куплю тебе самую теплую кофту, только потерпи.

Ход машины замедлился, и Дюк заметил, что почва под ними сменилась бетоном. «Таможню проехали», – подумал он и с облегчением вздохнул.

– Теперь слушай, Майя. Сейчас, когда машина остановится, нам с тобой надо действовать абсолютно бесшумно. Еще раз прошу тебя, следи за моей спиной. После перенесенных мучений жаль будет попасться из-за нескольких капель крови. Не паникуй и, что бы ни случилось, – не издавай ни звука. Сейчас ту часть машины, под которой мы находимся, отцепят вместе с контейнером на разгрузку в камеры. Там нас встретят мои друзья.

Майя кивнула и еще крепче обняла его.

Контейнер медленно опустился, и Майя с Дюком затаили дыхание, пока он не остановился у прутьев решетки почти вплотную.

– Отцепляй, отцепляй! – шептал Дюк, наблюдая, как один из солдат подходит к двери транспортного отсека.

Майя заторопилась и, распутывая ремень, ударила пряжкой по трубе. Звук получился звонким, солдаты замерли, насторожившись. Дюк, спешно отпустив крепления, перекатился к краю платформы, на которой стоял контейнер, и, размахнувшись, толкнул солдата ногами. Тот упал как подкошенный. Быстро схватив оружие и ударом ботинка сбив с головы солдата шлем, Дюк с размаху ударил его прикладом по голове. Мгновенно повернулся ко второму, хватая его за руку, переключил оружие в режим транквилизатора и, нажав на курок пальцем солдата, метким выстрелом в шею нейтрализовал его у решетки.

– Майя, помоги! У нас мало времени!

Дрожащая то ли от холода, то ли от страха Майя вылезла из-под контейнера. Дюк приподнял солдата, лежавшего у решетки, и поднес его к небольшому дисплею справа на стене.

– Скорее! Открой ему глаз!

Та едва успела притронуться к шлему, как Дюк уронил солдата. Глаза Дюка наполнились фиолетовым цветом, волосы побелели. Не отвлекаясь на это, Майя стянула с бесчувственного, уже вновь приподнятого охранника шлем и, открыв ему глаз, прошептала:

– Как ты это делаешь?

– Я – Первый. Я могу это контролировать. Теперь приложи сюда его руку. Поторопись!

Майя спешно подчинилась, и Дюк, бросив тело на землю, подбежал к контейнеру и рывком открыл дверь. Он сразу увидел сидящего у выхода Эрика, заслонившего глаза от яркого света.

– Где Аня? – спросил Дюк испуганного Эрика, быстро обведя взглядом лица остальных пленников.

– Что? Дюк, это ты? Она... Она сказала, что пойдет с тобой. Очень просилась, и я ее отпустил.

– Нет! – нетерпеливо рявкнул Дюк.

– Ваша светловолосая подруга? Ее подстрелили, и она осталась в деревне, – робко вмешался подросток. Дюк помнил, что их было двое. Два брата-близнеца. – Я видел, как она упала.

– Что? – одновременно воскликнули Дюк и Эрик.

Дюк на секунду замер, затем встряхнул головой, пытаясь сосредоточиться:

– Ладно. Вылезайте! Быстро, пока сюда не набежали солдаты!

Стараясь не думать сейчас об Ане, Дюк поискал глазами люк трубы для отходов на стене, которая выходила за пределы здания. Он не сразу заметил, что этот самый подросток развернулся и побежал вглубь ангара.

– Стой! – крикнул Дюк, но тот не остановился.

– Нужно найти брата! Мы вернемся с ним позже!

– Ты ничего здесь не знаешь! Первый же встречный солдат – и ты мертв!

Догнав паренька, Дюк схватил его за руку, но тот вырвался и помчался еще быстрее.

– Их убьют! – крикнул он через плечо, двигаясь в сторону большого арочного прохода в дальнем конце помещения. – Я должен п... – Звук выстрела оборвал его слова, и тело мальчика, вздрогнув и застыв на секунду, рухнуло на светлый пол. Под ним быстро растекалась алая лужа крови.

– Нет! – вскрикнула его напарница и рванулась к его телу. Дюк, отбросив автомат, схватил ее сзади и прижал к себе с такой силой, что у девочки из груди со всхлипом вышел весь кислород. Губы ее беззвучно двигались, она дергалась в его стальных объятиях, пытаясь освободиться и сделать глоток воздуха.

– Тише, иначе мы следующие! Кто еще не верит, что нам тут не рады?

Последние слова потонули в вое сигнальной сирены.

– Черт! – вскрикнул Дюк, понимая, что сюда уже бегут охранники. Отыскав спасительный, а точнее мусорный, люк на стене, он распахнул его, ударом ноги сбив в сторону засов. Одной рукой он все еще удерживал плачущую девочку.

– Только не кричи. Будет страшно, – заботливо произнес он и легким толчком в спину отправил ее вниз. Следом, не дожидаясь команды, в трубе исчезла Майя.

Ника долго собиралась перед прыжком, но поддержка Эрика и слова о том, что он прыгает следом, успокоили ее. Несколько секунд почти вертикального падения, мягкий удар о мешки с мусором – и в ту же секунду чьи-то руки оттащили их в сторону. Быстро осмотревшись, Эрик понял, что они находятся в мусорном контейнере с металлическими гофрированными бортами. Снаружи слышался звук работающего двигателя. Спустя мгновение на то место, где он только что лежал, приземлился Дюк и крикнул:

– Давай!

Контейнер задержался и медленно двинулся вперед, затягиваемый на прицеп тягача двумя цепными лебедками. Едва ящик с ребятами оказался на платформе автомобиля, тот, издав предупредительный сигнал, двинулся вперед, набирая скорость, и в последний момент успел проскочить в ворота, которые уже закрывались.

Глава 19

Машина остановилась посреди безлюдного переуллка. Из кабины неловко выпрыгнула невысокая босая женщина лет тридцати пяти. Одета она была в строгое черное платье с накинутым на узкие плечи пиджаком. Ее вьющиеся волосы синеватого цвета рассыпались по плечам, в руках женщина держала черные туфли на высоком каблуке.

– Тетя Николь, почему мы остановились? – спросил Дюк, выбираясь из контейнера. Вслед за ним выскочили остальные. Эрик сразу узнал ее. Это она допрашивала Аню. Убеждала, что все будет хорошо. И теперь осознание, что она была связана с Дюком, настораживало Эрика все больше и больше.

– Бензин не бесконечен, мальчик мой.

Окинув ее взглядом, Дюк расплылся в улыбке:

– Я так рад тебя видеть, тетя.

Он тепло обнял Николь – для этого ему пришлось сильно наклониться: та была ниже его. Мягко коснувшись ее руки на своей щеке, Дюк на миг прикрыл глаза, смакуя каждую секунду этой нежности, так похожей на материнскую.

– Я думал, что больше не увижу тебя, – прошептал он.

– Не сейчас, Дюк, – ласково ответила Николь. Однако было видно, что это ей польстило. – Я весь день в этом наряде не по размеру и туфлях на этом мнимом празднике... Нам нужно спешить, а то я задохнусь.

– Я помню, что ты их не любишь, – с улыбкой произнес Дюк.

– И угонять машину вовсе не входило в мои планы, – продолжала Николь. – И да, видимо, это был мой последний день на работе. Больше мне там появляться нельзя, – вздохнула она. – Про гостей я не знала, новые документы есть только на тебя. Нужно спешить, мы не сможем долго оставаться незамеченными. Сейчас, только наберу Айзеку.

Они поймали ближайшее беспилотное такси и поспешили к скорорельсам.

Пятый сектор, центральный, отличался от остальных красотой и изяществом: аккуратные вечнозеленые лужайки, аллейки с густыми постриженными кустами в виде животных, фонтаны разных форм и размеров, огромные мониторы, ненавязчиво рекламирующие всевозможные товары и услуги. Например, на одном из экранов транслировали ребенка с аппетитным шоколадным домиком, на другом – женщин, предлагающих клонирование домашних животных за какую-то заоблачную сумму. Повсюду летали дорогие аэроавтомобили и хOVERбайки последнего поколения. Чтобы купить такой экземпляр, нужно было получить огромное количество самых разных разрешений от правительства, а потом еще заплатить бешеные деньги за сам летательный транспорт, потому он считался роскошью и в других секторах его не было вообще. В основном там можно было заказать беспилотное такси, а временами, хоть и крайне редко, повстречать даже частное такси с водителем.

Дюку и Эрику до изгнания работы всегда хватало. Их не раз вызывали в мастерские в других секторах для ремонта и обслуживания служебных машин. Работая вместе, они всегда понимали друг друга с полуслова и знали пилотную и беспилотную технику как свои пять пальцев.

Эрик, тяжело вздохнув и разглядывая чуть потемневший значок торпеды перед водительским сиденьем, с тоской вспомнил сейчас это безмятежное время.

– Помнишь, когда ты видела такие на картинке, ты говорила, что очень хотела бы прокатиться? Вот мы и тут, – с широко открытыми глазами прошептала Майя Каролине – девочке, которая бежала вслед за убитым мальчишкой, но та не поделила ее восторга. Однако Майя этого даже не заметила; ей было важно, что в этом, новом мире она была не одна.

Но на вокзале и Каролина не смогла сдержать свое удивление. Целостные высотные здания уже казались чем-то удивительным для нее, а теперь она рассматривала одно из них вблизи.

Слушая бесконечные оханья девочек (которые, стоя посреди многолюдного вокзала босые, в однотонных черных одеждах, к тому же весьма дурно пахнущие после поездки в кузове мусоровоза, сами вызывали немалое удивление у окружающих), Дюк тоже бросил взгляд на уже привычные для него архитектурные красоты: стройные колонны со спускающимися по ним зелеными лианами; статуи львов, бесстрашно охраняющих трехметровые двери вокзала... Он вспомнил, как сам, разинув рот, впервые рассматривал их.

«Жаль, что так мало осталось от людей. Да и в самих людях мало что от людей осталось», – от последней мысли улыбка его потухла так же быстро, как и расцвела.

– Ну, привет, дружище! – протянул руку парень, материализовавшийся перед Дюком из бесконечного потока снующих туда-сюда людей. На вид ему было не больше двадцати пяти: высокий, худощавый, в опрятных брюках, наброшенном на шелковую рубашку фраке и до блеска начищенных туфлях, он производил впечатление успешного бизнесмена, а его белоснежная улыбка и чисто выбритое лицо располагали еще больше.

– Опаздываешь, Митя, – улыбнулся Дюк, пожимая протянутую руку.

– Ты знаешь, я думал, в следующий раз встретимся на твоих похоронах. А оказывается, жизнь тебя любит. – Митя попытался улыбнуться, но правдивость фразы передавала все его беспокойство.

– Всеу свое время, – прошептал Дюк, ощущая мурашки по телу от своих невеселых мыслей. – Ты принес?

Митя молча кивнул и протянул ему яркий большой пакет.

– У нас тут всегда жарко, теплой одежды не купишь. Да и размеров я не знал. – Не скрывая удивления, он бегло осмотрел девушек и прошептал: – Но и это лучше, чем то, что на тебе сейчас надето.

Чуть помедлив, Митя запустил руку в карман и, порывшись там, передал Дюку прозрачную пластиковую карту.

– Пропуск в душ. Работает в любом отеле, даже в том, что на вокзале. Для VIP-клиентов, так что поаккуратнее там. Я догадываюсь,

что у вас крайне мало времени, Николь уже начинают искать, но в таком виде вас могут не пустить на скорорельс... Кто из них Аня? Рыжая?

– Ее здесь нет, – отрезал Дюк, принимая пакет.

– А... – Митя, поймав погрузневший взгляд товарища, замолк. – Я слышал, что случилось с Космос. Мне жаль. И жаль, что меня не было рядом тогда.

Прошлое настигло Дюка волной отчаяния. Друг-детдомовец, которому он тоже однажды оказал услугу, сейчас почти на вершине успеха, тогда когда сам Дюк находится в розыске, изгнан и вернулся домой в мусорном баке. Куда теперь заведет его дорога? Этого он не знал, но почувствовал, как привычка оглядываться по сторонам понемногу возвращается. И Космос... Он еще вспомнит о ней, но сейчас рана еще свежа, поэтому Дюк мгновенно обрубил все мысли о той девочке.

Он спрятал карту в карман грязных брюк и, вскинув руку в знак прощания, молча развернулся и направился к ожидающим его ребятам.

– Пожалуйста, – немного сконфуженно крикнул ему вслед Митя.

В ожидании Дюка девочки долго рассматривали телефон в руках Николь, возбужденно ахая при виде цветных картинок. А когда она поочередно их сфотографировала, восторгу их не было предела. Сделанные на ходу фотографии получились далеко не идеальными, но, потратив около получаса, Николь удалось получить подходящий для документов вариант. Снимки она отправила Айзеку. Тот не заставил себя долго ждать и быстро занес данные поддельных паспортов в общую базу секторов. Дюк не сомневался в его способностях, однако его руки все равно дрожали, когда он попытался оплатить поездку до первого сектора. Заметив это, Николь, легонько оттолкнув племянника в сторону, самостоятельно провела оплату, приложив к терминалу смарт-часы. Тот загорелся зеленым цветом с надписью «Одобрено» и выдал билеты.

– До отправки скорорельса ровно полчаса, – уже в третий раз повторил Дюк, протягивая врученную Митей карту Нике. Та молча закатила глаза. – Ника, я серьезно, они ни разу тут не были.

– Я тоже, – перебила она, небрежно выхватывая пропуск, и Дюк вдруг заметил, как за эти несколько дней изменился ее взгляд. Из решительного, полного надежды сначала он стал испуганным, а теперь

грустным и отчаянным. При этом, когда Ника смотрела на Дюка, глаза ее излучали неприкрытое отвращение. Для Ники Дюк был тем самым «другом» возлюбленного, которого она ненавидит так сильно, что точно не позовет на свадьбу.

– Тогда тебе понравится, – ухмыльнулся он, в очередной раз поймав себя на мысли, что друг из него определенно «не очень».

Когда девушки наконец вышли из привокзальных душевых, одеты они уже были в одинаковые легкие белые платья и напоминали стайку лебедей. Парни справились быстрее и стояли в ожидании спутниц рядом с Николь. Их одежда также не отличалась разнообразием: спортивные штаны с лампасами разных цветов и простенькие серые майки. «Спасибо и на этом», – подумал Дюк. Из девочек только Майе платье оказалось велико, но эту проблему легко решила Николь, накинув ей на плечи свой короткий пиджак.

– Как дела под куполом? – отгоняя усталость, поинтересовался Дюк, когда все заняли свои места в купе скорорельса.

– Охота продолжается, многие из наших взбудоражены находкой деревни. Но о ней знают только в высших кругах. Честно, ума не приложу, что они собираются делать с пленными, – ответила Николь. – Но насчет казни слухов мало.

Поняв, что тетя не настроена на откровенную беседу в окружении незнакомых людей, Дюк позволил себе немного вздремнуть. Проснулся он от того, что Майя сильно ткнула его кулаком в бок, – и очень удивился, увидев за окном вокзал второго купола: он был уверен, что прикрыл глаза всего на несколько минут.

Полупустое здание вокзала выглядело неприятно: стены в трещинах, из множества кафельных плит пола уцелели всего две, а сломанные стулья ютились кучкой в центре зала, оставляя узкие проходы к нескольким дверям напротив выхода. Из работников тут была только женщина-кассир.

На выходе их ожидала потертая красная машина с черной крышей и звездной пылью, нарисованной баллончиком, на дверях. Эрик сразу обратил внимание на отсутствие опознавательных знаков и номеров. Такой привилегией пользовались лишь самые влиятельные люди. В подкупольном мире подобных машин насчитывалось не более десятка, и все в пятом куполе. Их владельцы могли свободно перемещаться по

любимым зонам; поговаривали, будто для них построили даже подземные дороги. Но это всего лишь слухи.

– Откуда... Как это возмож... – Эрик был изумлен. Заметив хитрую ухмылку Дюка, он с подозрением спросил: – Тебе ведь не давали разрешения? Ты знаешь, что это незаконно?

– Я сам его себе выдал, – ответил Дюк, любовно проводя рукой по своему аэроавтомобилю.

– Он преувеличивает. Это мой подарок, – сказала Николь.

– Я все понимаю, но нам лучше поторопиться. Ваши рожи уже отсвечивают по всем каналам. Опасные преступники, – засмеялся парень за рулем. Собранные в хвост светлые волосы, карие глаза и острые черты лица делали его похожим на хорька. Впрочем, это нисколько не мешало ему быть очень симпатичным.

Ребята быстро добрались до дома в маленьком районе Мари-Вулл. Здесь росли чахлые деревца, на лужайках валялся мусор, а детские площадки были не просто непригодны, а даже опасны для детей: повсюду торчали острые обломки разрушенных конструкций. Тем не менее, перепачканные и неопрятные, в грязных, рваных штанишках и рубашонках, дети все равно бегали и играли без присмотра. Дома с трещинами в стенах, свисающие оборванные провода, деревянные рамы с выбитыми стеклами, изрисованные непристойностями заборы и даже плиты выщербленных тротуаров – все это говорило о перенаселенности сектора, доходов которого едва хватало на пропитание, поставлявшееся из третьего и четвертого секторов в определенные дни и часы.

– Тот район, куда не лезет даже полиция? – удивленно произнес Эрик, рассматривая разрисованные старые кирпичные здания. – Я думал, это выдумка. Чего им бояться? С такими технологиями...

– Тут такие хакеры живут, которые эти новые технологии еще в детском садике вскрывали, – не без гордости усмехнулся Дюк. Затем указал на разбитый фонарь. – Тут даже обслуживания нет, этот фонарь я разбил лет в шестнадцать.

– Так, а куда мы едем? Ты же живешь в сиротском муравейнике, а он совсем в другой стороне. Или я что-то путаю? Давненько не бывал у тебя в гостях.

– Мы направляемся в другое место, – ответил Айзек таким тоном, что Эрику сразу стало понятно: сейчас не лучшее время для

расспросов.

– Хак... Как ты сказал? – осторожно вмешалась в разговор Майя. – Кто это?

– Не бери в голову. Я тебе потом расскажу.

Подойдя к двухэтажному серому дому с панорамными окнами, Дюк без стука отворил дверь и вошел. Навстречу ему бросилась девушка, и Дюк радостно ей улыбнулся. Однако та неожиданно для всех присутствующих замахнулась и ударила его по лицу.

– Дюк! Мать твою! Что же ты делаешь?! Сколько можно! – яростно воскликнула она.

Не дожидаясь второй пощечины, Дюк обнял ее:

– Прости, Рише, я не хотел... Я собирался позвонить, правда. Прости.

– А где блондинка? – перебил Дюка парень, сидящий на диване с бутылкой газировки в руках и бегло рассматривающий вошедших.

Вот его прошлое: все эти люди под крышей дома, который он так ненавидел. Каждая недостающая часть его жизни перед новыми друзьями, его званая семья. С каждым была связана своя история. История, от которой он надеялся сбежать.

Дюк поймал на себе полный презрения взгляд. Парень откинулся на спинку дивана и провел рукой по легкой щетине на щеке. Его глаза цвета грязной, мутной воды загадочно сверкали, и он прикрыл их, запуская руку в черные волосы.

– Она за куполом, Марк... – Закрыв глаза, Дюк обессиленно опустил голову на плечо Рише.

Глава 20

Очнувшись, Дюк увидел над собой потолок со знакомой картиной: черное небо с синеватым и фиолетовым переходами, усыпанное белыми звездами. Переведя взгляд на сверкающие темные волосы, отливающие винным оттенком, он понял, что проснулся на коленях у Рише.

Может, все произошедшее с ним за последние несколько дней – страшный сон? Он просто свалился на очередной подработке от трехдневной голодовки? А так как Рише помечена в телефоне как контакт на экстренные звонки, то она тут как тут. Точно сон, и он просто обычный гражданин. Нет никакой охоты. Нет никакой Ани, знакомства с которой он так долго искал по наводке от внезапно появившейся в его жизни тети. Да и тети никакой нет...

– Тебе здорово досталось, когда ты возвращался под купол, – развеяла все сомнения Рише.

Не сон. Этот кошмар – не сон, а его жизнь. На какую-то долю минуты Дюк готов был разрыдаться от безысходности. С каждым годом ком неприятностей стремительно нарастал, и Дюку казалось, что он сломается под ним. Но пальцы Рише, которые она запустила в его волосы, словно утянули за собой все эти мысли. Он вспомнил, как впервые оказался у нее на коленях.

Им только стукнуло семнадцать, когда Айзек с Марком притащили его без сознания после одной из уличных потасовок. Из-за особенности Дюка ему нельзя было обращаться за медицинской помощью, и тогда Рише думала, что сойдет с ума, выхаживая его и

умоляя живых и мертвых богов оставить его душу в теле. Ночью она плакала, положив его голову к себе на колени, и молитвы становились громче, а слова смешивались с солеными слезами. Тогда ей показалось, что именно молитвы спасли ему жизнь.

Но сейчас Рише просто послушно ожидала, пока Дюк проснется и снова ринется в приключение, где сломает пару своих не так давно сросшихся костей по новой.

– Как долго я спал?

– Почти шесть часов.

Она нежно гладила его по голове, но Дюк резко вскочил.

– Надо одеть...

– Я уже одела девочек, – перебила она, – и даже накормила.

Дюк вздохнул с облегчением и опустил обратно.

– Ты просто прелесть, Рише.

– Знаю.

– Прости меня.

– Нет.

– Нет? – приподнялся он на локтях.

– Нет. Внезапно ушел, внезапно вернулся. Ты знаешь, никто бы не пришел на помощь, если бы я не увидела твоего сигнала. Он был слаб, как вздох коматозника. Если бы Николь краем уха не услышала про труп мутанта на верхних уровнях, ты был бы следующим. Мы даже на минуту решили, что ты и есть тот труп. Думали – опять умер!

Дюк видел, что Рише снова разозлилась не на шутку, и прекрасно понимал, что у нее есть на это причины.

– Глушилки поставили в правительстве. Мой совет, молодцы, – заискивающе улыбнулся он, состроив смешную рожицу.

Рише расхохоталась.

– Дурак... Как твоя спина?

– Царапина, – прикрыл глаза Дюк, наслаждаясь тем, как руки Рише перебирают его волосы.

– Ну, конечно! Сейчас пойдем и обработаем ее как положено. Ты все понял? А потом руку!

– Да, – послушно отозвался Дюк.

Чувствуя свою вину перед Рише, он опять мысленно пообещал себе, что больше не заставит ее волноваться.

– Каково там? За куполом?

– За куполом? Несколько десятков мутантов, которые пытаются выжить, больные звери, люди, которым я разрушил дом... Черт побери, я все опять испортил, Рише! Снова!

– Ты молодец, мой *guerrier intrépide*. Никто еще не возвращался оттуда живым. Ты первый, кому это удалось.

– Какой же я бесстрашный? – невесело усмехнулся Дюк. – Рише, милая. Мне было так страшно. Страшно знакомиться с ней, страшно бежать. Я не хотел тащить их всех с собой за стену. Только ее... Я так рад, что мутанты нашли нас. Они... сильные, Рише. Даже несмотря на то, что им очень нелегко... А когда я возвращался, честно, я готов был попрощаться с Майей и с остальными. Я не был уверен, что выживу. Я даже заикаться начал!

Он приоткрыл глаза, рассматривая скулы Рише, ее черные глаза, прямой, слегка вздернутый у самого кончика нос с серьгой, пирсинг в брови, индастриал в правом ухе и яркую тату черепа с вороньими крыльями на груди, всегда выглядывающую из-под лямок майки.

Рише ободряюще улыбнулась:

– Но все же ты молодец. Ты смог. Теперь я буду рядом, все будет хорошо... Так что с Аней?

– Потом расскажу. Так не хочу вставать... Вечно бы лежал на твоих коленях.

Вздохнув, Дюк все же поднялся и начал переодеваться, схватив первую одежду, которую нашел в шкафу, – серые спортивные штаны и черную майку.

– Ришель, – неуверенно начал он, повернувшись к ней. – Скажи мне, кто предатель?

Ришель не сразу поняла вопрос, широко раскрыв глаза. И когда он понял, что ответа не будет, то продолжил:

– Солдаты, которые меня встретили. Один из них сказал мне быть осторожным. Кто-то шепнул на ухо начальнику, чтобы его, этого солдата, не пускали на разгрузку.

Дюк не знал его лично, но знал, что благодаря Николь, у него было много союзников.

– Дюк, я бы не хотела верить... Надеюсь, что это просто совпадение, но думаю, что он точно не в стенах этого дома.

– Я тоже, Рише. Я тоже.

Пока Дюк спускался вниз, к остальным, он надеялся только на то, что ребята, которые помогли ему выбраться, не нажили себе бед. Дюк заметил, что людей в гостиной стало больше. Быстро окинув всех взглядом, убедился, что незнакомых лиц среди присутствующих нет.

– С возвращением, – улыбнулась девушка со светлыми волосами, собранными в косы. Взгляд, обращенный на Дюка, был полон восхищения, а неловкая улыбка на худом вытянутом лице выдавала глубокую симпатию.

– Привет, Марго, – улыбнулся в ответ Дюк и только сейчас осознал, как рад видеть каждого из них.

– Слабак ты, рыжий лис. Совсем сдавать стал, – лениво протянул темноволосый парень, все так же смотрящий на него с презрением. – Вырубиться на ровном месте – это надо уметь.

– А ты все так же туп, Марк. Печально, – вздохнул Дюк. – Проверим, кто из нас в какой форме? Ставлю ящик пива на то, что уложу тебя на лопатки меньше чем за двадцать секунд.

– Только не обнимай меня, как Рише.

– Марк, ты либо сейчас заткнешься, либо завтра не проснешься, – разозлилась Рише. Марк помрачнел. – Как мудаки себя ведете.

– Дюк! Ты ничего не хочешь мне сказать? – входя в гостиную, с порога спросил Эрик. Держа его за руку, следом робко семенила Ника.

– Вы – милая пара? – пожал плечами Дюк, глупо улыбаясь.

– Какого черта все эти люди знают про Аню? – Эрик был крайне раздражен. Помимо полного непонимания всего, творящегося вокруг, его вывел из себя инцидент, произошедший буквально полчаса назад, когда Рише попросила Нику помочь на кухне, а сама отлучилась к Дюку. После еды Ника и остальные решили помыть посуду. В этот момент Марк подошел и схватил Нику за руку. Скабрёзно ухмыляясь, он попросил о помощи. Было ясно, что сейчас произойдет что-то нехорошее. Эрик спокойно убрал руку Марка и предложил ему свою помощь вместо Ники. Марк, помявшись, отказался. «Я не знаю, что здесь происходит, но держись рядом, пожалуйста», – прошептал Эрик Нике.

– ...Аню? Ту девушку, которую убили при захвате? – спросила, продолжая жевать, Каролина.

– Убили? – улыбнулся Марк.

– Ее не... не... – попытался объяснить Дюк, разглядывая напуганные лица ребят.

– Не убили, – отвел взгляд Эрик. – Боже! Это все-таки была она. Я до последнего надеялся, что она успела уйти!

– Нет-нет, в вашу подругу стреляли. Я сама видела, – размахивала Каролина вилкой. – Всем приказали стоять, а она побежала в сторону дома Натали. Там была большая лужа крови, – не унималась она.

– Эрик, ты видел рану? – спросил Дюк.

– Краем глаза, – прошептал он.

– Не смертельная для нее?

– Для нее... не смертельная. Как давно ты знаешь?

Эрик нахмурил брови, когда понял, что Дюк в курсе их семейного секрета, и это разозлило его еще больше.

– Она сама... – попытался прикрыться Дюк.

– Не смей мне больше врать. – Эрик повысил голос, и Дюку стало не по себе. Нет, он не боялся его как противника в гневе, он боялся потерять его как друга. А были ли они друзьями на самом деле? Дюк точно им не был. – Она сама не знала об этом.

– Да быть не может, точно догадывалась, – пытался выкрутиться Дюк.

– Ей всю жизнь внушали, что она обычный подросток. Один из видов таблеток, что она принимала по назначению психолога, блокирует ее трансформацию. Поэтому она поехала с тобой... Она хотела узнать не просто о мутантах, она хотела знать, является ли она им. – Эрик тяжело вздохнул.

Как бы все повернулось, если бы ей сказали правду? Она сдалась бы сама? Совершила суицид, о котором давно помышляла? Аня боялась саму себя долгое время, а с момента охоты и вовсе сходила с ума.

– К сожалению, способности к регенерации подавляются тоже. Но времени с последнего приема прошло немало. Полагаю, она цела и невредима, хоть и до ужаса растеряна и напугана. Проклятье!

– Там был взрыв. – Голос Дюка задрожал. – За ней обязательно нужно вернуться!

– Кто ты такой, черт тебя возьми?! Ты ответишь мне или нет?!

Этот вопрос мучил Эрика давно. Внезапно появившийся в его жизни парень, перевернувший все с ног на голову, просто игнорировал

существование других и напрямую рушил все, что касалось Ани. Разозлившись в этот раз не на шутку, Эрик схватил Дюка за майку. Тот, сохраняя спокойствие, на миг прикрыл глаза, затем резко открыл их, уже заполненные фиалково-серым. На шее проступили отверстия, клыки он не показывал. Увидев это, Эрик отшатнулся в сторону, но быстро пришел в себя и выпрямил спину.

– Почему ты не сказал раньше? – разочарованно пробормотал он.

– И что я должен был сказать? «Привет, я – тот самый мутант, про которого без умолку тараторят во всех новостях?» И что бы ты ответил? «О! Круто! Аня тоже, может, вы подружитесь?» Эрик, хочешь верь, хочешь нет, но я знал ее еще до войны. И если вспомнить начало истории – это твоя мама нас сдала. Но я правда не хотел причинить никому вреда. Как и ты, я просто хотел помочь Ане. Потому что я знаю, каково это – жить с мыслью, что ты монстр. Прости меня.

– Откуда ты... а, Николь. Она тебе рассказала? – Эрик начал искать ее глазами, но не находил.

Николь, женщину, которая убеждала Аню в том, что все будет в порядке, перед их изгнанием, Эрик запомнил хорошо. Она точно знала, что звонок в службу безопасности, когда Аня и Дюк были в доме Марии, сделала родная мать Эрика. Значит, знал и Дюк. Но молчал все это время.

Дюк кивнул.

– И то, почему нас схватили на самом деле, тоже рассказала, – решил убедиться Эрик. Дюк кивнул еще раз:

– Если быть откровенным, то я правда хотел признаться ей, после беседы с Марией. Я ехал туда, чтобы Аня убедилась, что она тоже мутант и в этом нет ничего плохого. Я подумал, что это был идеальный момент рассказать ей обо всем.

– А что... с Аней? – удивленным шепотом произнесла Ника.

Она не могла поверить в сказанное. Более того, Аня сама не подозревала о том, кто она.

– А что с ней? Она, как и я, – один из первых удачных экспериментов. Мы не должны были родиться с тем букетом аномалий, которые были выявлены внутриутробно. Мы с ней получали мутаген еще до рождения. Этим мы и отличаемся от вас. И нас таких... Всего двое.

– Эрик... – мрачно сказала Ника. Неожиданные новости здорово ее расстроили. – Почему ты не сказал мне? Я думала...

– Ника, поверь мне, это знание не несет ничего хорошего. Это опасно. Одному Богу известно, когда Жнецы придут по твою душу, ты же знаешь о чем я говорю... Но не влез бы ты, – Эрик, нахмутив брови, указал пальцем на Дюка, – может быть, они и не пришли бы.

– Действие препаратов, которые кололи Ане, чтобы угнетать ее состояние, начинало все чаще давать сбой, разве не так? – вмешался Айзек.

Эрик молча отвел взгляд.

– Мы знаем, что ей говорили о ее мутации. Говорили, что это болезнь, давали препараты, которые блокировали ее способности... – тихо продолжил он.

– Она бы все равно рано или поздно стала причиной казни вашей семьи. А саму ее подвергли бы пыткам. И об этом было хорошо известно твоей матери, да? Поэтому она так неожиданно невзлюбила Аню?

«Только не говори этого в слух. Не говори, что мать из-за этого сдала вас. Именно вас, потому что думала о том, что я не успею...» – думал Эрик.

– Мне очень жаль, – сказал Айзек.

Эрик еще не понял, о чем тот сожалеет, но чувствовал: сожаления искренние. В отличие от Марка, Айзек сразу показался ему хорошим человеком.

– Твоих родителей убили. Заказ был от правительства, – жестко закончил он.

Услышав о смерти родителей, Эрик заметно побледнел и опустил обратно на стул.

– Не могу поверить. Это неправда. Зачем им убивать человека такого положения? Отец всегда был на «ты» с Первой Леди.

– Эрик, первый и второй сектора трещат по швам. Черт побери, да они держатся на последних гвоздях! То же самое ждет и пятый, уж поверь мне! Этой стерве плевать на какое-то там благополучие и приближенных! Для нее главное – получить мутаген и свалить отсюда, – на эмоциях выговорил Дюк.

– Что за чушь... – в ужасе произнес Эрик, откидываясь на спинку стула.

– Это не чушь. Купола возводились с расчетом на то, что через пятнадцать лет население приспособится к жизни за ними. Это подтвердил и Рой! Вспомни! Осталось два года. Думаешь, если они до этого не одержали успех, то сейчас успеют? – снова вмешался Айзек, понимая, что Дюку Эрик уже не верит.

– То есть правда есть способ стать мутантом? – с ноткой иронии спросила Ника.

– Да... – немного помолчав, ответил Дюк. – Ты, многие за куполом, вон тот тип, – указал он на Марка, – вы все привиты мутагеном. Он работает только при инфекционном поражении легких и пороке сердца. Неважно, приобретенном или врожденном. Как умный вирус, который стремится излечить человека и дальше способствует его выживанию.

– А если ввести его здоровому? – прошептала Ника.

– У них мутаген усваивается, как, допустим, физраствор или глюкоза, – пожал плечами Дюк.

– То есть – никак? Если нет порока сердца или легких, то с человеком ничего не произойдет? И это все?

– Ну-у-у... Еще точно известно, что введение мутагена в ста процентах случаев летально для зараженных вирусом иммунодефицита, – чуть помявшись, ответил Дюк.

– Меня одно тогда интересует. Там в лесу... Почему никто из вас не помог Эрику? – Ника недовольно сверлила взглядом Дюка.

– Потому что было страшно. Уверен, что Ане тоже. И честное слово, Ника, я каждый день корю себя за то, что не снял маску первый. И я клянусь тебе, если бы ты не сняла первая, я бы сам сделал это!

Она тяжело вздохнула, скрестив руки на груди, но поверила ему. Хотя все еще очень злилась, стоило ей вспомнить этот момент.

– Не могу в это поверить... – Эрик был опустошен, это читалось в его растерянных глазах. – Что тебе нужно от Ани?

– Как я и сказал, мы были с ней еще до войны. Наши семьи дружили. Честно, я просто хотел обеспечить ее безопасность. Не хотел, чтобы все так получилось. И я волнуюсь за нее не меньше тебя, – он перевел взгляд на Нику. – Если не больше.

Эрик пропустил этот укор мимо ушей.

– Моих родителей правда убили? – почти шепотом спросил он.

– Да. Миша и Лида Слот были застрелены во время вооруженного ограбления. Мне очень жаль, – не вдаваясь в подробности, отрезала Рише. Тем не менее последнюю фразу она произнесла мягко.

– Мы сделали все, что могли. Когда от Николь поступила команда присмотреть за ними, мы буквально не спускали с них глаз. Но все же в последний момент... не успели. Мне искренне жаль, парень, – опустив глаза, объяснил Айзек.

– Прости. Я не хотел, чтобы все так вышло, – произнес Дюк.

– Черт с этим со всем, – прошептал Эрик. – К черту все это!

Ника села рядом и, взяв его за руки, стала поглаживать их своими тонкими пальцами. Затем молча приложила его ладони к своим щекам и опустила глаза.

– Дюк, ты говорил, нас встретят твои друзья, – вмешалась Майя. – Если они нас не встретили, они могут спасти остальных?

– В каком смысле? Они нас и встретили. Эти солдаты были моими друзьями, – удивился Дюк.

– Тогда почему ты их побил? – недоумевала Майя.

– Потому что они дали себя побить. Кстати, как они? Надеюсь, я не перестарался.

– Они мертвы, Дюк... Но сразу скажу, что это не твоя вина... – проговорил сидящий за ноутбуком Айзек. Мгновение спустя он медленно снял очки и прикрыл лицо трясущимися ладонями.

– Что там? – встревоженно воскликнул Дюк, но тут же понял, что ответа не дождется, и поспешил к монитору.

Следом подошли и столпились все остальные, кроме сидящих все в том же положении Эрика и Ники. Они лишь подняли головы, не меньше Дюка обеспокоенные происходящим.

Айзек включил видео, и Майя сразу узнала одного из парней, встретивших их в командном центре. Он сидел на стуле, крепко привязанный к спинке. На лице его было несколько ссадин, из рассеченной скулы стекала тоненькая струйка крови, один глаз заплыл от удара, губы посинели, но как-то неестественно. Глаза Дюка наполнились фиолетовой смолой от злости и беспомощности. Где-то за кадром послышался допрашивающий голос:

– Ваш костюм показывает активность на момент нападения. Вам было страшно? Признайтесь. Вы трусили? – После продолжительного молчания появившаяся в кадре мужская рука нанесла удар по лицу

пленника. Голова того запрокинулась, но, выпрямившись, он сплюнул кровью под ноги и неожиданно улыбнулся прямо в камеру.

– Ну мы же с вами знаем правду, – прошептал он, а затем, собравшись с силами, на выдохе прокричал:

– РАД СЛУЖИТЬ СОПРОТИВЛЕНИЮ! ОНИ ПРИДУТ ЗА ВАМИ! СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

Послышался выстрел, и голова парня медленно опустилась на грудь. Сжимая зубы так крепко, что под кожей отчетливо проступили огромные гуляющие желваки, Дюк закрыл глаза, пережидая приступ ярости. Пальцы его впились в ладони с такой силой, что из-под ногтей проступили капельки крови. Майя и Каролина, стоявшие рядом, закрыли испуганные лица ладонями.

– Ну, сколько еще будет смертей, мой капитан? – язвительно кинул Марк.

Глава 21

Как убеждала Дюка Николь, смыслом ее жизни после смерти любимого человека стали поиски Дюка и Ани. Искала она их не как двух сверхлюдей, а как близких для нее детей – тех, кто остался от прежней, счастливой, довоенной жизни. И такие умные женщины, какой она, несомненно, являлась, всегда добивались своего, и добивались этого так грандиозно, что учебники истории еще долго описывали такие события.

Потеряв все, Николь начала свою историю с самых низов. Стала лучшим работником в отделе безопасности купола, нашла разработчика системы охраны, курировала все на территории куполов и за их пределами. Конечно, было и то, на что повлиять она не могла. Например, псы-мутанты, которые готовы были разорвать любого в первом и втором куполе после наступления комендантского часа, и эта бесчеловечная охота на мирных жителей.

Но она собирала свою команду по крупицам. Один за другим, люди готовы были идти за ней. Ведь, как она однажды сказала: «Революция начинается с органов власти. Все остальное – бессмысленная бойня».

И если бы не внезапное изгнание Дюка, которое она тоже не смогла предотвратить, охота бы давно закончилась. Эта карусель жестокости, не имевшая здравого смысла, стала сильным подзатыльником для сопротивления, и стоило только нажать на курок.

Что лицом революции станет Дюк, было вроде и очевидно для многих, кто мог положиться на него, но сам Дюк согласился на это

после своей же ошибки, выдавшей всех живых мутантов. И если те, кого казнили на охоте, умирали один раз, то Дюка убить было сложнее. Его регенерация могла вытянуть его с того света, хоть и процесс стоил многих усилий.

– У нас больше нет времени, – заявил Дюк, отрывая наконец взгляд от ноутбука. Он говорил, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость.

Времени действительно больше не оставалось. Жизнь пленников и революционеров была под угрозой. А дальше и взвешивать безрассудность решений не надо.

– Какой у нас план? – осторожно поинтересовалась Рише, заглядывая ему в глаза.

– План? – вскрикнул Дюк. – К черту планы! Не смог нормально покинуть купол, не смог нормально вернуться... Так что – никакого плана! У всех вас лишь одна задача – выжить!

«Любимец фортуны» – это прозвище словно было создано для него. Все испытания, которые выпадали на его душу, всегда заканчивались в пользу Дюка, хотя, выпави они на долю самых влиятельных людей, те бы с ними не справились. Полагаться на удачу в их нынешней ситуации казалось самоубийством, и Дюк знал это. Поэтому план все же был, но заключался в том, чтобы не рассказать о плане предателю.

Дюк многозначительно глянул на Айзека, и тот, похлопав себя по карманам, вытащил и вложил в ладонь Дюка сложенный вчетверо тетрадный лист. Повертев его в руках, лидер Сопротивления протянул лист Марку. Арестовать только Миру недостаточно, тем более в обычной солдатской форме к ней не подобраться. У нее есть последователи. О них тоже следовало позаботиться сразу.

– Почему лист тетрадный? – поморщился Эрик.

– Потому что эти фамилии не должны никуда попасть. Ты, возможно, не знаешь, но все-все компьютеры, подключенные даже к самой защищенной сети, работают на обнаружения слов. Если одно из них вписать в тот же блокнот, система безопасности среагирует. Я бы попросил и вслух их не называть без необходимости. Я работаю с системой безопасности куполов, так что лучше поверь мне на слово, знаю, о чем говорю, – сказал Айзек. Но Эрик поверил бы ему и без последнего уточнения.

– Ты опять хочешь подставить нас под удар из-за девчонки? – Нахмутив брови, Марк небрежно оттолкнул вытянутую руку. – Просто потому, что тебе снова надо от нас сбежать?

Марк был полной противоположностью доброго и тихого Айзека. И хоть Дюк не признал соперничество с ним, Марка, казалось, это не волновало. С самого порога он старался поддеть Дюка, нелестно о нем отзывался, пока тот приходил в себя, и Дюк, заметно подустав от его выходок, сменил недоумение на безразличие и холодным тоном ответил:

– Ты знаешь, где дверь.

Не было желания уговаривать кого-то остаться. Такие люди предадут без всяких сомнений. И Марк понял: слова друга – не шутка.

– Да бросьте, разве со мной никто не согласен? Ты столько раз тянул с этим делом, бросил нас ради этой свой девчонки из пятого, этой Космос, а сейчас внезапно все идут на дело, потому что тебе надо спасти Аню!

– Мне тебя проводить?

– Я слишком много времени на это потратил, чтобы так просто уйти. Но, если Рише не идет с нами, сомневаюсь, что ты сильно рассчитываешь вернуться, – сказал он.

– У Рише другая задача, – не меняя тона, произнес Дюк, и Марк выхватил тетрадный лист из его руки. – А фамилии из списка ты должен знать наизусть.

* * *

День 4 июля считался официальным общим праздником – Днем объединения куполов и признания их единым государством.

Купола номер три, четыре и пять всю готовились к торжеству: улицы украшались световыми лентами и разноцветными звездами, на площадях устанавливались проекторы для воспроизведения танцующих голограмм. Подсветка дорог вела к главным сценам каждого купола, где вечером жители смогут послушать обращение представителей правительства, а после насладиться музыкой.

Праздничный день оказался солнечным по велению самой природы, что случалось крайне редко. По улицам с самого утра

сновали толпы празднично разодетых людей, на украшенных цветами бульварах резвились детишки, повсюду летали разноцветные птицы-роботы, а прямо в воздухе, перебивая живое пение сородичей, проецировалась и кричала реклама – на все это Майя и Каролина постоянно отвлекались, сильно мешая Айзеку делать то, что поручил Дюк.

Ему хватило нескольких секунд, пока он читал заголовок в газете, чтобы потерять Каролину и Майю из виду. Всполошившись, Айзек торопливо осмотрелся в поисках спутниц, но заметил их слишком поздно. Девочек, склонившихся над трупиком какой-то птицы и с ликованием рассматривающих его, окружили Жнецы.

Айзека пробила холодная дрожь. Преодолев страх, он невероятно медленно, шаг за шагом, двинулся к ним, лихорадочно соображая, что делать. Люди, наблюдавшие за этой картиной, прятались, не понимая, что их пугает больше: девчухи в легких белых платьях, которые ловко убили пролетающую птицу самодельным оружием, спрятанным в браслете, или Жнецы, появившиеся, как всегда, совершенно внезапно и готовые вершить свое «правосудие».

Айзеку даже пришла мысль, что вмешиваться не стоит: в конце концов, он и один справится... Но, отогнав ее, он все же подошел.

– Извините...

* * *

– Скорее! Пока он не пришел в себя! – судорожно переводя дыхание, крикнула Илона.

– Илона, послушай...

– Нет! Надо поторопиться!

Арес поморщился от этого шума. Голова его раскалывалась, будто ее пилили изнутри, грудь ныла от тупой боли, перед глазами мелькали разноцветные пятна. Пошевелив руками и нащупав под собой холодный пол, он, собрав все силы, приподнялся и сел, опершись спиной о стену и вытянув перед собой левую ногу.

Увидев это, Илона резко стукнула ладонью по столу, что очень возмутило доктора Рихтер.

– Илона, здесь тебе не детский сад. Я не буду выполнять твои капризы. Я согласилась на лечение амнезином, но ему самому надо хотеть забыть все! Иначе ничего не выйдет, воспоминания будут постоянно всплывать в его голове. Человеческая память – не игрушка, которую можно просто поломать и выбросить.

Илона выхватила шприц из рук доктора. Ее экзоскелет засиял ярким желтым цветом, а маска зажглась красным, говоря об агрессии Илоны и о ее готовности применить силу.

– Подойдешь ко мне – и это будут последние шаги в твоей жизни, – злобно оскалился Арес.

По телу Илоны пробежала дрожь от услышанного, и, вздрогнув, она выронила шприц.

– Это была ты! Ты! Ты чудовище! – продолжал он, срываясь на крик. – За что? Что она тебе сделала? Она в жизни никого не обидела... – Голос его слабел с каждым словом, последнюю фразу Арес уже прошептал. Затем, вскинув голову, произнес прежним решительным тоном:

– Илона, если ты еще хоть раз приблизишься ко мне, даю слово – я убью тебя. Убью!

Илона сжала дрожащие пальцы в кулаки.

– Они опасны! Тебе это жизни стоило! Я спасаю тебя, идиот! Правда, доктор?! – Она бросила растерянный взгляд на доктора Рихтер, пытаясь найти у той поддержку.

Та ответила коротким взглядом и отвернулась. Илона увидела в ее лице презрение.

– Нет, Илона. Мутанты не опасны, и ты сама это знаешь. Они просто удачный эксперимент. К сожалению, нежелательный для правительства.

– Нет! Нет! – вскрикнула она, в бессилии закусив губы. Никаких аргументов в голову не приходило...

Пока они спорили, Арес включил маску, питая свой организм чистым кислородом с примесью обезболивающих и стимулирующих препаратов. Почувствовав прилив сил, он встал, бросил смиренный взгляд на Илону и направился в сторону выхода. Затем внезапно остановился.

– Доктор...

– Прости меня, мальчик мой, – проговорила доктор Рихтер, глядя на него с непонятной тоской и грустью.

Он простил. Простил и жестом указал ей на дверь, полагая, что Илону не следует оставлять с доктором наедине: экзоскелет был все еще на ней.

Иванка послушно вышла из комнаты и, завернув за угол коридора, скрылась из виду.

– Илона, я предупредил тебя, – бросил Арес, оборачиваясь, и вышел следом, громко хлопнув дверью.

Илона медленно опустилась на колени и, спрятав лицо в ладонях, разрыдалась.

* * *

– Отставить! Это мои люди, – донесся из-за спин Жнецов до боли знакомый голос. Обернувшись, все уставились на худую хрупкую девушку, одетую в черные свободные штаны и такого же цвета куртку, оставляющую живот открытым. Отбросив со лба несколько локонов, выбившихся из высокого хвоста винных волос, она сняла черные очки и протянула развернутое удостоверение командиру. Чуть помедлив, тот всмотрелся в него, затем нехотя подал остальным солдатам знак опустить оружие.

– Удостоверение совсем новое. Давно работаете в этой должности? – спросил он, внимательно глядя на стоящую перед ним девушку и одновременно изучая данные электронной базы в визоре шлема.

– Два дня. С момента убийства предыдущего заместителя.

– Убийства? Как это случилось?

– Адель Пелих застрелена позавчера прямо возле штаба. Сопротивление активизировалось, они что-то затевают. На визлокацию документов и присвоение номера не было времени, мне перепрошили ее удостоверение и назначили исполняющей обязанности четвертого заместителя командира проекта.

– Простите, я не слышал о переназначении, мисс...

– Рене. Мисс Рене Вуален. Все в порядке, приказ не был обнародован до заседания. Можете проверить в базе, там данные уже

есть. Во избежание подобных ситуаций.

Командир медленно кивнул, затем вытянул вперед руку и набрал комбинацию на наручном коммуникаторе. В воздухе возник голографический экран, и командир начал внимательно изучать информацию, возникшую в лучах браслета, затем поднес другую руку к уху, откуда выглядывал микронаушник, и, выждав несколько секунд, негромко произнес:

– Искра-151, говорит командир СЛП-16. Запрос подтверждения, код семнадцать-четырнадцать.

– Слушаю вас, командир, – раздался после шипения из динамика мужской голос.

– Правительственный документ семь-шесть-шесть-девятнадцать-восемьдесят. Фамилия и имя.

Снова шипение. Через несколько секунд раздался тот же голос:

– Отряд СЛП-16, правительственный документ с идентификационным номером семь-шесть-шесть-девятнадцать-восемьдесят, данные: Рене Вуален, исполняющая обязанности четвертого заместителя проекта «Приспешник». Назначена на должность два дня назад. Подтверждения сверху еще нет, приказ о назначении и внесении в базу утвержден главным секретарем за подписью Первой Леди. Как поняли, прием?

– Вас понял, Искра-151. Конец связи. – Командир прервал связь и, убрав проектор, спрятал браслет в рукав.

– Разве Приспешники сейчас не на вылазке?

– Особое положение, – произнесла Рише, нахмутив брови, показывая, что большего ему знать не положено.

– Но, мисс, они же... – растерянно произнес Жнец, указывая ладонью на дрожащих девушек, и тут же умолк, наткнувшись на суровый взгляд «заместителя».

– Они – наживка. Продолжайте патрулирование. И больше к ним не приближайтесь, – холодно произнесла она, надевая очки.

– Черт побери! Одно командование кругом! Кому подчиняться... – вздохнул командир, затем вскинул кулак и покрутил над головой двумя пальцами. Жнецы, мгновенно спрятав оружие, дружно развернулись и исчезли в толпе – так же внезапно, как и появились.

– Рише! – прошептал Айзек, глядя вслед уходящим солдатам. – Документы верхушки проекта Приспешников? Откуда они вообще?!

Ты знаешь, какое это серьезное...

Рише бросила на него предостерегающий взгляд, и он поспешно умолк.

– Ребята Николь внесли фальшивые данные в базу и вложили акт о смерти некоей Адель Пелих, четвертого заместителя. А также внесли приказ о переназначении.

– То есть этой Адель никогда не существовало? – восхищенно прошептал Айзек, пугливо оглядываясь по сторонам.

– Да, – отмахнулась Рише. – Мне теперь не стоит светиться. Как только они обнаружат подмену – убьют, не раздумывая... Я больше не смогу вам помочь.

Майя и Каролина виновато опустили глаза.

– П... Простите, пожалуйста. Привычка, – произнесла Майя, пряча шило обратно в браслет и сцепляя руки в замок.

– Давайте в безопасное место. – Рише тяжело вздохнула и, развернувшись, исчезла в толпе.

* * *

Разглядывая высокое здание с зеркальными окнами, двухступенчатым водопадом, лениво стекающим по фасаду, и лампами, освещающими грани, Майя не могла сдержать эмоций:

– Как красиво... Я бы хотела тут остаться! Здесь в сто раз лучше, чем в руинах! – Она поймала строгий взгляд Айзека и, сконфуженно умолкнув, стыдливо опустила глаза.

– Да, верно. Вплоть до того момента, как все эти люди узнают, кто ты. Мы почти пришли, – негромко произнес Айзек. – Поторопитесь, юные леди или охотницы? Как вас после такого называть?

Те с трудом оторвались от разглядывания шикарного фасада и поспешили за ним. В здании их ждал еще больший сюрприз: яркие стены с изображенными на них морским приливом, перекатывающимся песком и шевелящимися пальмами.

– Что это? – задержав дыхание, шепотом спросила Айзека Каролина. – Какая красота...

– Это... – начал он, но тут к ним обратился робот-администратор:

– Здравствуйте! Чем я могу вам помочь? – Из-за стойки виднелись только туловище, голова и руки: приятная светловолосая девушка с белоснежной улыбкой, идеальные черты лица наверняка позаимствованы у какой-нибудь известной фотомодели. Чего стоил один ее аккуратный прямой носик! Мягкий голос и, что важно для таких видов роботов, четкое произношение, присущее лучшим ораторам. Выдавал ее только светодиодный взгляд.

– Какая же, наверное, дорогая... – удивился Айзек.

– Простите, повторите, пожалуйста, запрос.

– Кхем... У нас бронь в ресторане. Номер шестьсот девяносто два, – встряхнувшись, произнес он.

– Время ожидания – три минуты. Пожалуйста, подождите. Пока вы можете оценить качество работы администратора, нажав на меню перед вами. Выберите пункт «Оценка качества обслуживания». Спасибо, что посетили нас.

– Спасибо большое! – восторженно ответила Майя.

Робот перевел взгляд на нее, и она замерла.

– Зарегистрировать ваших гостей?

– Эмм... Нет-нет, благодарю, – неловко ответил Айзек, затем наклонился к Майе и прошептал:

– Ты что? Это же робот. Она не живая.

Страх Майи плавно перешел в восхищение, но открывать рот она больше не решалась.

– Прошу вас, следуйте за мной, мистер Дюк. – Рядом с гостями появилась другая девушка-робот, близнец той, что находилась за стойкой.

Айзек кивнул и, знаком показав Майе и Каролине, чтобы они не отставали, двинулся вслед за роботом. Поднявшись на самый верхний этаж, улыбчивая девушка из обслуживания провела их к одному из столиков и встала рядом, сложив руки на животе.

– Прошу вас, – произнесла она механическим голосом.

Подождав, пока ребята рассядутся, легко поклонилась и процокала каблучками назад.

Айзек внимательно огляделся. В зале было абсолютно пусто, даже официанты не ходили. Достав ноутбук, он развернул его, подождал, пока тот загрузится, и, взглянув на время, проверил входящие уведомления. Нахмурившись, сердито пробурчал:

– Что-то опять пошло не так.

Глава 22

Дюк, вытерев плечом кровь, стекающую по щеке, настороженно посмотрел в глаза Первой Леди. Он стоял перед ней на коленях, запястья были туго стянуты за спиной металлическими наручниками. Позади него возвышался солдат в форме, державший оружие на изготовку, еще один стоял рядом, придерживая Дюка за плечо.

– Дюк Нордан, верно? Или лучше назвать тебя настоящим именем? Как там тебя? Имени не припомню, а фамилия отцовская была, да? – Мира недоверчиво разглядывала живое подтверждение того, что чудеса бывают. Как минимум дважды ей докладывали, более того, предоставляли факты о смерти этого мальчика. Первый раз она была свидетелем его смерти на операционном столе еще до того, как заработали купола.

Мира помнила время, когда наивно полагала, что повторить такой эксперимент удастся и без главного генетика.

– Твой отец подвел всех этих людей под куполом. Ты представляешь? Это же он выпустил ракету МОР I. Друг мой... – не закончила она.

– Я вам, госпожа, не друг.

Едва он договорил, держащий его охранник размахнулся и ударил Дюка по лицу. Голова запрокинулась, из свежей ссадины на скуле закапала кровь.

– Послушай меня, помимо того, что твой отец совершил преступление против человечества, уничтожив возможность вернуться в мир за куполами, он еще и не согласился предоставить сыворотку,

которую, как мы с тобой понимаем, все-таки закончил разрабатывать. Мне он сказал другое.

– Правда? Преступление? А насколько я знаю, он требовал позволить распространить ее и среди обычных людей. Он хотел спасти всех, а не только избранных. А остальным под видом мутагена предоставили бы вирус.

– Ты наверняка знаешь ту часть истории, где твой отец – гений, доброй души человек, возомнивший себя героем, – думал, что эта жертва будет не напрасной. Ему заплатили большие деньги, но он крал их, чтобы проводить опыты, а результат присвоил себе. Он поплатился за свою жадность. А мог растить такого замечательного сына.

– Вы врете. Вам было наплевать на то, что произойдет с миром! Если бы не мой отец, МОР I погубила бы вообще все, и людям некуда было бы вернуться. Вы запускали МОР I для уничтожения! А мутаген в ней, наоборот, смягчил удар и приспособил к жизни природу без озонового слоя.

– Правда? Официальные источники говорят о другом.

Дюк усмехнулся, понимая, с чьих слов собиралась информация в официальные источники.

– Вы ведь собирались бежать, получив формулу, и оставить купол погибать! Значит, вернуться можно?

– Можно, но зачем мне там все? – Она окинула его таким взглядом, словно Дюк был мусором у нее под ногами. – Понимаешь, дитя пробирки, в этом мире есть люди нужные, а есть совсем бесполезные. И я взяла бы с собой значимых. Включая, кстати, твоих родителей.

– Да, а вместо этого тебе пришлось работать над неисправностями «ненужного» первого купола. Я видел историю поломок и ремонтов. Они все равно скоро развалятся. А вы без стен дышать не можете. – Дюк улыбнулся и, продемонстрировав свой настоящий облик, испытал невероятное наслаждение от страха на лице убийцы его родителей.

* * *

– В смысле – ты не знаешь, как этим пользоваться?! – панически вскрикнула Ника. – Айзек же должен был тебя научить!

– Ну, как видишь, не научил... – спокойно ответил Марк.

– Да? Верится с трудом. Может, ты сам не учился? Что же делать теперь?! Надо срочно вытаскивать Дюка! – не замечая ничего вокруг от беспокойства, Ника ткнула лбом в стоящий рядом шкаф.

– Мы не вытащим его сейчас, – ответил ей Эрик. – Это все равно что лезть в капкан!

– Все должно быть не так... – проскулила Ника, сползая по дверце шкафа на пол.

Услышав шаги в коридоре, Эрик толкнул Марка. Ребята едва успели спрятаться в маленькую комнатку и прикрыть за собой дверь. Краем глаза Эрик заметил, как Ника бесшумно скользнула в шкаф. Спустя секунду в кабинет вещания вошли два солдата и парень в белом халате.

– Хм... Странно, они должны были быть здесь, – произнес он, поправляя пальцем очки на носу.

Эрик пытался разглядеть вошедших через маленькую щель. На солдатах была роботизированная форма, которая не оставляла открытой ни одного участка тела, включая лица, спрятанные под масками, а вот парень в халате выглядел вполне добродушным. Он сразу направился к компьютеру, вгоня Эрика в панику.

– Видимо, проблемы с подключением. Готово, – радостно произнес он, чем-то щелкнув на компьютере и повернув его дисплеем в сторону солдат. Спустя секунду там появилось лицо Айзека, и Эрик облегченно выдохнул.

– Привет, Вик. А где остальные?

– Тут мы... – недовольно произнес Марк, выходя из комнатки. Следом вывалился Эрик, зацепившись плечом за дверцу. – Ты нас здорово напугал.

– Могу поспорить, ты просто не мог подключиться, так? – рассмеялся Айзек с экрана.

Марк недовольно нахмурился. Пока Айзек подключался и настраивал трансляцию, парень в халате попытался разрядить обстановку:

– Тяжело было найти? Мы договаривались с рыжим, что встретим вас. Но вы хорошо справились сами.

– Ничего подобного. И мы потеряли много времени. – Голос Эрика звучал нервно и пугливо. И все же он решил рассказать, пока

ждали следующего этапа.

Ранее

Когда Дюк, Марк и Эрик с Никой в форме солдат вошли в здание правительства, затесавшись в отряд новобранцев, Ника, восхищенная новейшими технологиями правительства, голограммами испытания новых видов оружия и огромным спортивным залом Приспешников с абсолютно немислимым для нее инвентарем, выдала себя, сняв шлем и заглянув в одно из окон. Эрик, конечно, мгновенно оттянул ее, но солдаты, проходившие мимо, все же заметили странных ребят и схватились за оружие.

– Как всегда... – тяжело вздохнул Дюк.

– Стоять! Вы кто такие? Предъявите документы! – требовательно произнес один из солдат. Его система распознавания, встроенная в визор шлема, уже сканировала лица нарушителей и сверяла их с базой данных.

– Нет в базе, – сказал другой.

– Да, я вижу, – пробормотал первый и поднял автомат. Дюк встал перед Никой, закрывая ее собой.

Внезапно на плечи солдат легли чьи-то руки и, мгновенно схватив их за головы, резко столкнули. Бойцы одновременно беззвучно рухнули на пол, за ними стояла фигура в экзоскелете.

– Арес! – радостно воскликнул Дюк, но тут же одернул себя: Рише рассказала ему о визите Ареса к ним в штаб. Молчаливый, полубезумный от горя и кипящий от злости, он кратко поведал им свою историю и спросил, может ли помочь уничтожить это чертово гнездо, называемое правительством. – Как же ты вовремя, дружище! Я уж подумал... – Дюк не договорил.

С другого конца коридора донеслись крики солдат, уже готовых применить оружие, но пока застывших – они засомневались из-за Приспешника, спокойно стоящего рядом с незнакомцами.

– Ты ведь что-то предпринял? – шепотом спросил Эрик Дюка, не сводя глаз с автоматов, нацеленных им в грудь.

– Да, – так же тихо ответил тот, глядя на большие часы над выходом в конце узкого коридора, по которому они пробирались к лестнице, ведущей на верхние этажи. – Три, два... – отсчитывал он секунды, и, когда стрелка часов остановилась на двенадцатичасовой

отметке, оружие внезапно отключилось и погасло, переходя в режим ожидания. Заметив это, солдаты всполошились и принялись беспомощно тыкать пальцами по распознавательным сенсорам, однако красные индикаторы не желали гаснуть.

– Ну, офигеть! Мое тоже, что ли?! – возмущенно воскликнул Арес, услышав характерный звук выключения и обратив внимание на свой погасший пистолет, закрепленный в кобуре на правом бедре.

– Извини, выбирать времени не было. Мы просто форматнули всю базу доступа по отпечаткам. Да и зачем он тебе? Наша политика – арестовывать. Мы не убийцы, – ответил Дюк.

Убедившись в тщетности своих попыток, солдаты отбросили ставшее бесполезным оружие и, следуя протоколу, приготовились к драке, медленно приближаясь к противнику. Завыла сирена. С другого конца коридора показалось еще несколько охранников, и Марк с Эриком, плечом к плечу, развернулись к ним. Заслонив собой Нику, Дюк встал рядом с Аресом, занявшим оборонительную позицию.

Совсем молодые солдаты в зеленой форме с пустыми погонами слишком сильно полагались на оружие, поэтому не были готовы к схватке. Первая линия пыталась использовать автоматы в качестве дубин, замахиваясь ими, чтобы заставить противника отступить, но Дюк, понимая, что отступать все равно некуда, поднырнул под локтем первого и, перехватив руку следующего, принял облик мутанта.

Это очень впечатлило Ареса, до этого не видевшего подобного перевоплощения. Белые волосы Дюка, взъерошенные сорванным шлемом, и его фиолетовые глаза заставили Приспешника на мгновение замереть, за что он тут же поплатился, схлопотав удар прикладом по голове. Отшатнувшись от неожиданности, он задел напуганную Нику, прижав к стене и придавив ей предплечье, отчего та болезненно вскрикнула.

Арес, раздосадованный своей оплошностью, уклонился от следующего удара и, применив всю мощь экзоскелета, нанес нападающему удар под дых с такой силой, что тот, всхлипнув, буквально отлетел на несколько шагов назад, словно брошенный умелой рукой волейбольный мяч. Падая, он задел еще троих, заставив их рухнуть под тяжестью своего тела. Воспользовавшись моментом, Приспешник, саданув ногой по лицу пытающегося выбраться из-под товарищей солдата, напал на следующего. Тот замахнулся автоматом,

который держал в обеих руках наподобие бейсбольной биты, но Арес, опередив его, быстро подскочил и ловким ударом по голени сбил незадачливого бойца с ног, а следом пинком по лицу отправил его в глубокий нокаут.

Дюк, выросший на уличных драках, дрался быстро и жестко. Одним движением он срывал шлемы с молодых солдат и, глядя в их испуганные глаза, оглушал каждого прикладом автомата.

Уложив последнего и вырубив его ударом кулака в висок, Дюк обернулся, вспомнив про Эрика с Марком. Он был готов броситься им на помощь, но этого не потребовалось. Эрик в прыжке ударом колена отшвырнул оставшегося на ногах солдата к стене и, оглядев корчащихся от боли и неподвижно лежащих в отключке охранников, дрожащей рукой смахнул со лба пот. Дюк не успел оценить боевую подготовку сына генерала, но порадовался, заметив, что на Эрике, в отличие от стоявшего рядом мутанта Марка, нет ни единой царапины. Марк же тяжело дышал, вытирая кровь, капающую из рассеченной скулы и разбитой губы. Мельком взглянув на улыбающегося Дюка, Марк злобно оскалился:

– Заткнись.

– Я ж молчу, – ответил Дюк, но тут же резко обернулся, услышав топот множества ног.

– Громко молчишь, – съязвил тот.

Секунду спустя из-за угла показались еще солдаты. Заметив ребят, они остановились и, не сводя с нарушителей взглядов, стали выстраиваться в живую стену, закрывая собой стонущих товарищей. Теперь их было раза в три больше, все были вооружены дубинками, а передние ряды укрывались за большими энергетическими щитами, издающими низкий гудящий звук.

Со стороны Марка и Эрика медленно приближались два атлетически сложенных, высоких, хоть и чуть ниже самого Эрика, Приспешника. Экзоскелеты их отсвечивали зеленым и фиолетовым цветами, мерцающими и переливающимися, словно колыхающаяся рябь озера под упавшим на нее лучом солнца. Маски же сияли багровым, выдавая возбуждение и готовность к схватке.

Со стороны Дюка и Ареса, медленно и величественно шагая сквозь расступающиеся перед ней ряды солдат, приближалась Аксель. Маленькая, худощавая, она напоминала скорее девочку, хотя Дюк

прекрасно видел, с каким почтением и даже благоговейным страхом на нее косились остальные. Ее нижняя челюсть, покрытая железом, была продолжением экзоскелета, а красные, как кровь, волосы, прикрытые черным капюшоном плащевой куртки, мягкой волной струились до пояса. На поясе виднелась рукоять меча, выглядывающая из ножен. С другой стороны на бедре была закреплена кобура с потухшим пистолетом.

Заметив Ареса, Аксель важно вздернула подбородок, презрительно глядя на синеволосого напарника.

– Аксель... – начал было он, и солдаты дружно сделали шаг вперед, готовясь по команде броситься на нарушителей.

Аксель подняла тоненькую руку и скомандовала:

– Отставить!

Удивленные, ребята смотрели на отряд, в котором все одновременно опустили дубинки к полу.

– Где список? – спросила Аксель, обращаясь к Дюку. Тот молча продолжал смотреть на нее, пока один из солдат не снял шлем, открывая лицо. Изумленный Дюк увидел перед собой Митю.

– Где же твои манеры, сестра? – с улыбкой произнес он, и Дюк понял, что это и есть та самая любимая младшая сестренка, о которой неоднократно с упоением рассказывал ему Митя, видимо, забыв добавить, что она член такого элитного отряда.

– Да, конечно, прошу прощения. Меня зовут Аксель. Попить чайку предлагаю позже, – саркастически ответила она, с нетерпением разглядывая Дюка.

– Так ты знала? – растерянно воскликнул Арес.

– Я же не блондинка, – невесело усмехнулась она, подразумевая Илону. – Прости за Илону, Арес. Мы догадывались о твоих... связях, но не ожидали от нее такого.

– Перестань. В этом нет вашей вины, – ощутив тоску и печально улыбнувшись, Арес повернулся к Дюку. – Все в порядке. Отдай ей список.

Тот кивнул, осторожно приближаясь к Приспешнице.

– Рад знакомству, – произнес он, доставая из кармана и протягивая ей тетрадный лист. – Похоже, план меняется.

– Ты хочешь сказать, он у нас появляется? – недовольно фыркнул Марк, однако Дюк сделал вид, что не услышал его.

Дождавшись, когда девушка изучит список, Арес добавил:
– Аксель, наша задача – арестовывать. Не убивать.
Та косо посмотрела на него и, разочарованно вздохнув, ответила:
– Ну, тут уж как получится.

* * *

Выслушав рассказ Эрика, Виктор улыбнулся, одергивая халат и поправляя очки.

– Все нормально, Дюку не привыкать. Но, черт, надо идти работать, и делать вид, что все в порядке, и выключать систему безопасности! А как хочется остаться... – с восхищением воскликнул он, и его карие глаза засияли в предвкушении перемен, словно две свечи в темном ангаре.

Ника и Эрик, боявшиеся попасть в руки солдат, не связанных с Сопротивлением, не разделяли его энтузиазма.

– Извините, если я вас пугаю. Просто хочется поскорее покончить со всем этим, – все так же возбужденно проговорил Виктор и вздрогнул от неожиданно прозвучавшего из динамиков компьютера голоса Айзека:

– Все готово. Девчонки молодцы, получилось здорово. Словно очень долго репетировали.

– Хорошо. Тогда начинаем.

Айзек что-то нажал на пульте, который держал в руках. Спустя мгновение повсюду погасли экраны с рекламой, а еще через миг на полностью застекленных новостройках пятого купола, на утепленных жилых многоэтажках третьего и четвертого, на полуразрушенных домах первого и второго секторов – везде в лучах проекторов показалось милое, растерянное лицо Майи.

– Уже можно говорить? Э... Здравствуйте. Меня видят все, да? – Майя на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями, и, глубоко вздохнув, продолжила:

– Меня зовут Майя. И я всю свою жизнь провела за стенами этого купола. Попасть к вам, где есть тепло, уют и еда – было моей мечтой. Да – жизнь за куполом есть, но это, скорее, выживание. И приспособлены к нему только мутанты, которых вы почему-то боитесь

и убиваете. А знаете ли вы, что ваша правительница была заказчиком на мутаген? Просто достался он не ей, поэтому нас и убивают. Пожалуйста, защищайте тех, кто на вас так не похож. И возможно, мы сможем в будущем вернуться за стены. Вместе. Мы не агрессивные монстры, не враги. Поверьте мне, и мы не выбирали, кем родиться.

Она закрыла глаза и задержала дыхание. Когда кислород прекратил поступать в организм, на ее шее появились жабры.

– Мы просто хотим мира, – закончила Каролина, молча сидевшая до этого в кадре рядом с Майей.

* * *

«Да уж, видимо, действовать по плану нам вообще не дано, раз даже Майя не смогла», – улыбнулся Дюк, слушая ее речь и внимательно наблюдая за Первой Леди. Было видно, что та занервничала. Немного помолчав, она недовольно произнесла:

– Мы ведь можем договориться, милый. С твоей помощью мы разработаем новый мутаген.

От этого предложения по телу Дюка побежали мурашки. Они уже пытались... Они раскромсали его на части, обезболивающее тогда не помогало, и сердце Дюка остановилось от болевого шока. Единственные шрамы, не зажившие на нем, были нанесены в тот день.

– Разве в этот раз получится? – спросил Дюк, взяв себя в руки. – Думаете, раз не вышло много лет назад, не вышло до сегодняшнего дня, то обязательно теперь получится? Хах, вы обречены, Мирослава. И я с радостью буду наблюдать, как вы задыхаетесь настолько же мучительно, как и все, кто был не на вашей стороне.

– Замолчи. Хватит этих пафосных речей. Ты просто мусор беспризорный. И я снова выброшу твои потроха на городскую свалку. И этот раз будет последним.

– Что ж, значит, будем заканчивать. Я раскрою тебе секрет. – Дюк перешел на «ты» не просто так. Это был плевок в ее лицо. – Сопrotивление – не шайка бездомных детей, как ты не раз говорила. Это народ, пострадавший от твоих рук. Ты лишила их детей, родителей, братьев и сестер. Они знают правду. Они повсюду. Твоя охрана, твои ученые, директора в этом куполе... Даже не рассматривая

бессчетное количество простых людей, которые могут лишь тихо ненавидеть тебя, – все они с того момента, как узнали правду, просто сидят и считают дни, когда же ты окажешься за решеткой. – Дюк повел плечами и снял с себя наручники, выпрямляя спину и вытирая кровь с лица.

Когда двое охранников опустили оружие, Первая Леди поняла, что он не шутит. Они действительно на его стороне. Тем не менее улыбка снова появилась на ее лице.

– Я ведь не настолько тупая, чтобы полагаться только на охрану. Ты далеко не первый, кто хочет меня убить, – произнесла она и, вытянув руку, что-то нажала на своем браслете.

В железных дверях, сбоку от главного входа, с ревом выросла огромная фигура. Едва умещаясь в дверном проеме, атлетически сложенный мужчина, с ног до головы покрытый роботизированной броней, медленно вошел в кабинет. Его шлем соединялся с доспехами проводами и шлангами с циркулирующими по ним жидкостями. По аналогии с экзоскелетами, виденными ранее, Дюк заподозрил, что это система фильтрации, насыщения кислородом и адреналиновыми усилителями.

Пока Мира в спешке собирала свои вещи, Дюк всматривался в здание напротив. Уловив характерный отблеск лазерного прицела, увидел красную точку на своей груди.

– Сдвинешься с места – и ты труп, – бросила Мира, а затем нажала несколько кнопок на своем столе. У него замерло сердце, когда жалюзи вытяжек в кабинете закрылись, а чуть ниже появились маленькие отверстия распылителей.

«Газовая камера», – догадался он.

Глава 23

Заручившись поддержкой отряда солдат, Аксель и Арес направились арестовывать зачинщиков и ярых последователей деспотического режима. Они нигде не встретили должного сопротивления, и к концу дня почти все из занесенных в список людей были взяты под стражу.

Лишь один из генералов, переживший несколько войн и действительно заслуженно занимавший свое место, встретил солдат с огнестрельным оружием старого образца в руках.

Несколько солдат во главе с Аресом оказались заперты в его кабинете. Генерал, чувствуя скорый конец своей службы, беспорядочно стрелял по всем, кто пытался к нему приблизиться. Один за другим несколько молодых солдат, одетых в форму внутренней охраны, падали на пол. Наконец генерал навел свое оружие на Приспешника.

«Я хотел вернуться, Гелиос. Честно, хотел, девочка моя», – подумал тот, закрывая глаза.

– Нет! – донесся вдруг до него знакомый голос, и перед Аресом выросла женская фигура в форме.

В ту же секунду грянул выстрел. Пуля попала точно в сердце, и тело девушки бессильно обмякло, повиснув у него на руках. Ее шлем, не улавливая больше сердцебиения, раскрылся, открывая Аресу лицо Илоны. Ему стыдно было признаваться себе в этом, но сейчас он испытал облегчение – правда, на долю секунды.

Раздался звон стекла. Подняв глаза, Арес увидел, как тело генерала с простреленной головой упало на пол, а окно позади него разлетелось вдребезги, разбитое пулей снайпера.

– Идиот! – в бессильной злобе прошептал Арес, сжимая кулаки. Осторожно опустив на пол тело Илоны, он оглянулся. Весь пол был завален ранеными и убитыми, а над ними, прикрываясь кто чем, склонились оставшиеся солдаты. Спешно вскочив и открыв дверь кабинета, он крикнул срывающимся голосом:

– Скорее! Раненых в лазарет!

Когда вслед за остальными в кабинет вошла Аксель, Арес виновато отвел взгляд и склонился над Илоной.

– Раненых в лазарет, – повторил он почти шепотом.

* * *

Когда судьба долгое время дает шанс влиять на жизнь миллионов людей, то признать поражение становится невозможным. Ощущение собственной безнаказанности помогало Мире быть уверенной в том, что сейчас она выйдет из офиса, и пока ее не будет, трупы уже сожгут, кабинет очистят, и этот день запомнится как очередная неудачная попытка лишить ее всего, что она заслужила сама.

– А про ваше видео скажем, что произошел сбой аппаратуры. Какой-то новичок из персонала техобслуживания случайно поставил на прокрутку фрагмент нового драматического фильма, – усмехнулась Мира, предвкушая победу. – А те, кто не поверит, сами знают, что с такими бывает.

Выстрел. Пробив стекло, пуля попала в стену, просвистев в миллиметре от лица Первой Леди и заставив ее остановиться. Красная точка замерла на ее груди.

– К... Какого черта?! Играть со мной вздумали?! – разъяренно вскрикнула Мира, поворачиваясь к своему столу и нажимая кнопку на пульте. Поверх разбитого панорамного стекла опустилось темное, пуленепробиваемое. – Если это и был твой план, мальчик, то на нем все и закончится. – Ее раскрасневшееся лицо перекосилось от ярости. – Убей их! А этого рыжего сотри в порошок! – Первая Леди сорвалась на визг.

...Снайпер не был предателем. Наоборот, его преданности мог позавидовать любой командир. Но не успел он прицелиться, как по пустой комнате эхом разлетелся голос:

– Я выстрелю быстрее. Руки!

Медленно обернувшись, он увидел девушку, целящуюся из маленького пистолета ему в голову, и стоящего рядом с ней мальчишку. Он медленно поднял руки за голову – в кобуре за плечом был пистолет.

– Рише, осторожно! – вскрикнул мальчик.

Прозвучал выстрел, и снайпер, завопив от боли, схватился за простреленную ногу. Двумя широкими шагами преодолев расстояние между ними, Рише ловко отбросила ногой пистолет и оглушила стрелка ударом по голове.

– Следи за ним, – бросила она мальчишке, протягивая ему пистолет. Тот нехотя взял его и кивнул.

Сняв с головы снайпера шлем с дополнительным оптическим прицелом, Рише окинула взглядом этого невысокого плотного мужчину лет тридцати: легкая щетина, неровный, вероятно, не один раз сломанный нос, большой шрам, пересекающий правую щеку... Под простреленной ногой собралась приличная лужа крови, лицо снайпера заметно побелело и осунулось.

– Держи, заклей ему рану. Вдруг еще пригодится.

Пока ее сослуживец поднимал снайпера и оттаскивал его от окна, Рише подобрала снайперскую винтовку и направила ее на здание напротив.

Дюк едва успел обернуться, как мощная рука в силовой броне легким движением отбросила его и двух солдат к стене. Больно ударившись спиной, он, тем не менее, устоял, а его напарники, которым повезло меньше, сползли без сознания на пол.

Гигант удовлетворенно хмыкнул, издав звук, похожий на рык хищного зверя, и только теперь Дюк заметил, что его глаза, безо всякого намека на зрачки, были абсолютно красными. Обомлевший от ужаса, он оказался бессилен, когда это чудовище схватило за ногу одного из солдат и с легкостью, словно перышко, подбросило его в воздух. На лету поймав солдата за голову, гигант медленно, наслаждаясь моментом, сдавил ее с такой силой, что та с треском лопнула, словно спелый арбуз, разбрызгивая во все стороны красную кровь и ошметки мозгов.

– У меня только одна пуля, – раздался в наушнике голос Рише, еще не знающей о том, что это стекло она не пробьет.

– Ему эта пуля что слону дробина, – прошептал Дюк, лихорадочно соображая, что делать, и его пугало то, что он не имел ни малейшего понятия о том, как ему сражаться с таким соперником.

Со страхом наблюдая, как обезглавленное тело товарища падает на пол из рук гиганта, Дюк обреченно подумал: на этот раз он проиграл.

Митя, второй солдат, с трудом стащил с головы шлем и, обреченно вздохнув, бросил его Дюку, уверенный в том, что их лидер будет сражаться до последней капли крови за право ходить по земле. Наслушавшись рассказов Рише об их приключениях, о том, как Дюк, часто с тяжелейшими ранами или на волосок от смерти, всегда оставался жив, Митя уверовал в его неуязвимость.

«Я умирал не раз, мне уже не страшно», – промелькнули слова друга в голове Мити.

Его же монстр не подбросил. Небрежно схватив за шиворот и подтянув к себе, он вглядывался в измученное лицо Мити, будто раздумывая, как его прикончить. Хотя Митя засомневался в том, что это создание способно думать.

Все произошло почти мгновенно, но для Дюка, все еще пребывавшего в оцепенении, этот миг тянулся вечность. Собравшись с силами, он встал на ноги, подобрал шлем и кинул его в великана.

«Это было для тебя, дурак», – подумал Митя, когда тяжелый шлем ударил монстра в затылок и со звоном отскочил, будто от наковальни. Тот недоуменно повернулся к Дюку, чьи рыжие волосы побелели прямо в прыжке. Дюк не успел нанести удар. Выронив Митю, чудовище с фантастической для его массы проворностью выбросило вперед руку, вновь припечатывая Дюка к стене. Упав на пол, он закашлялся, выплевывая сгустки крови. Гулко хмыкнув, монстр виновато взглянул на Первую Леди.

– Милый, мне абсолютно все равно, кого ты убьешь первым, – отмахнулась она.

Медленно развернувшись, гигант двинулся к Дюку. Наблюдая за его неловкими движениями и помня о силе удара, Дюк дождался, пока тот подошел, но не совсем близко, а затем с силой оттолкнулся от стены и быстро проскользнул у громалы между ног.

Предположив, что стоит попытаться повредить самый толстый шланг с жидкостью, идущий по спине к маске на затылке костюма великана, Дюк подпрыгнул, замахаясь зажатым в руке кинжалом. Монстр с легкостью перехватил его руку и сжал ее своей громадной пятерней. Послышался хруст, следом раздался пронзительный крик Дюка, эхом прокатившийся по нескольким этажам ниже. Уже не швыряя, а просто уронив его под ноги, монстр переключился на Митю, который поднял кинжал и собирался продолжить начатое.

– Н-н-э-а, – едва разборчиво и с огромным усилием произнес монстр, хватая Митю за плечо.

– Н-н-э-а, – повторил он. – Н-н-з-я.

Схватив Митю за руку с кинжалом, гигант оторвал ее с такой легкостью, будто это был кусок сахарной ваты. Митя задергался и заорал, захлебываясь в крике от резкой боли; из плеча с торчащим суставом и висящими ошметками мяса ручьем хлынула кровь. Первая Леди заулыбалась, великан отбросил Митю к стене и повернулся к Дюку.

Аксель, только забежавшая на пост охраны в поисках своего брата, наблюдала за происходящим на экране. Она слышала треск разрываемой плоти и душераздирающий крик брата, хотя камеры не передавали звука.

– Им нужна помощь... – прошептал Арес, вскочил на ноги и бросился к выходу. – Аксель, за мной! А вы оставайтесь здесь! – крикнул он Эрику, Нике и Марку.

– Не очень-то и хотелось... – пролепетал Марк, наблюдая, как монстр откинул вопящего Митю и направился к Дюку.

Арес и Аксель буквально взлетели вверх по лестнице. Выскочив из лифта прямо у входа в кабинет, они остановились. Путь преграждала массивная железная дверь с тремя замками. Созданная специально для защиты, эта дверь не поддавалась никаким силовым воздействиям, а открыть ее можно было лишь изнутри.

– Черт! – выругался Арес и в бессильной злобе ударил по двери кулаком.

Беспомощно наблюдая за ними, Айзек внезапно вспомнил о магнитах, благодаря которым кабинет висел в воздухе. Быстро схватив со стола микрофон, он закричал:

– Ребята, вырубите питание!

– Что?! – переспросил Эрик, совершенно не понимая, о чем идет речь.

– Доступ, доступ... – Эрик отчетливо слышал стук пальцев Айзека по клавиатуре. – Ну же, Цербер! Будь умничкой. Хозяин в беде.

– Цербер? – вновь переспросил он.

– Это название системы безопа... – начал отвечать Айзек и тут же перебил сам себя:

– Марк, рычаг!

– Какой рычаг? – отозвался Марк в свой наушник. – Рычаг... – щелкнул пальцами Айзек, пытаясь что-то вспомнить.

– В щитовой! – Николь, ворвавшаяся в комнату охраны, словно ураган, держала в ладони карманный коммуникатор. – Ключ у меня! У кабинета есть резервный источник питания, поэтому отключать надо вообще все!

С этими словами она бросилась по коридору, вслед за ней ринулся Эрик. Подбежал и открыл дверь щитовой.

– Вот он! – крикнула Николь, указывая пальцем на рубильник за стеклом. Эрик уже собрался размахнуться офисным креслом в стекло, но Николь его опередила. Она приложила свою магнитную карту к пропуску и стекло открылось. – Я же говорю, что ключ есть.

Кабинет вместе с лифтом, возле которого Приспешники ломали голову над тем, как попасть внутрь, медленно опустился и, встав на специальные подставки на крыше основного здания, вздрогнул и замер. Гул электроагрегатов затихал.

Дверь кабинета открылась. Арес ворвался внутрь и, ошарашенный размерами гиганта, подбежал к нему в надежде запрыгнуть на спину. Тот развернулся и попытался схватить его в охапку, чтобы выжать, как кухарка выжимает сочный лимон, однако Арес уклонился и отпрыгнул.

– Какого черта... Вы?! – возмутилась Мира. Приспешники предали ее!

Арес выхватил трехгранный нож, пытаясь сообразить, как атаковать. Хоть его экзоскелет и отличался от привычного, Арес сразу нашел основной источник питания и фильтрации крови с допинговым лекарством. Этот блок казался довольно крепким, и Арес отбросил идею нападения с ножом, понимая, что гигант сомнет его, едва только он приблизится. Кинув Дюка, словно пушинку, в сторону, великан

развернулся к Аресу и шагнул вперед, поднимая ручки в надежде схватить наглеца. Аксель бросилась к брату. Уловив движение, гигант ударил в то место, где только что стояла Аксель. Удар сотряс кабинет, со стола Первой Леди посыпались карандаши и стопки бумаг, по стенам пошли трещины. Он не успевал за Аксель!

– Аксель, спина! – крикнул Арес, замахнувшись на гиганта кинжалом и отвлекая его на себя.

– Вижу! Помоги!

Арес понял ее задумку и отбросил кинжал. Дюк попытался отвлечь монстра на себя:

– Эй, громила. Смотри, что я умею!

Тот повернул голову, а Аксель, с невероятной скоростью бросившись вперед, наступила на сцепленные в замок руки Ареса и, с силой брошенная им в воздух, подпрыгнула. Приземлившись на плечи великана и схватив рукой его за шею, она вытащила свой длинный изогнутый меч и одним ударом разрезала шланг с лекарством у самой шеи. Затем снова размахнулась и изо всех сил вонзила меч в основание шеи гиганта. От раздавшегося рева, казалось, затряслось все здание, Дюк прикрыл уши, а Первая Леди, схватившись за голову, обессиленно упала в кресло позади себя. Она опять потеряла того, кого так отчаянно доставала с того света.

Аксель вцепилась в эфес меча и, подтянувшись на нем, вспрыгнула гиганту на плечи. Маска ее замигала ярче, и она, приложив всю мощь экзоскелета, с немалым усилием вонзила меч глубже, пробив тело великана насквозь. Сделав вперед еще два шага, монстр, наконец, рухнул на пол и, издав глухой неразборчивый рев, затих. Кровь вперемешку с лекарствами хлынула из разрезанного шланга, заливая и без того грязный, окровавленный пол.

* * *

Солнце все еще светило над куполом, озаряя день объединения. Люди, слышавшие сообщение Майи и Каролины, не понимали, что происходит. Волнение нарастало. Многие солдаты правительства, охраняющие подступы к штабу, были схвачены и избиты, остальные примкнули к Сопrotивлению.

Дюк позаботился, чтобы всеобщее волнение не привело к массовым убийствам. Не полагаясь лишь на слова, произнесенные Каролиной в конце выступления, он заранее отключил автоматы всех военных, работающие по отпечатку пальцев, попросту удалив служебную базу данных.

После вещания в третьем секторе знакомый всем хозяин сети магазинов детских игрушек (которые он начал делать как раз для своего сына, что «умер» при родах) спросил у проходившего мимо служителя порядка:

– Это все правда?! Это правда?!

Лицо его было растерянным, и, казалось, он готов был расплакаться.

В ответ солдат молча прикоснулся к своему шлему, дождался, пока тот автоматически раскроется, снял его с головы и опустил на колени. За ним этот жест повторили многие. Это тоже была просьба Дюка: «Люди растеряны, покажите пример сослуживцам, покажите народу, что вы горюете вместе с ним. Хватит уже смертей». Те солдаты, что начали бесчинствовать, тут же были арестованы своими коллегами.

Для безопасности самой Миры, Николь приказала транспортировать Первую Леди на вертолете, доверив это двум Приспешникам – Леону и Каю.

Глава 24

Дюк вернулся домой. И сейчас это снова казалось каким-то сном. Далеким, недостижимым. Он представлял этот день, когда ночевал на холодном тюремном полу, когда переступал порог купола и тогда, когда самодельный пояс впивался в его торс, а сам Дюк пытался не сорваться с машины. Он сидел с Ришель на крыше своего дома во втором секторе и наблюдал, как гаснет дневной свет, загорались вечерние фонари.

– Итак, чему нас научил сегодняшний день? – усмехнулась Рише, глядя на него.

– Не знаю. Нас вообще жизнь чему-нибудь учит?

– Не загоняйся, – улыбнулась она. – Ребята завтра откроют тебе ворота, а новая леди секторов пересмотрит чудовищные законы о мутантах. И больше никого не вывезут. Всех выживших из деревни расселят по домам. Первый и второй сектора отстроят... Дюк. У нас получилось. – На глазах Рише выступили слезы. Спустя мгновение они уже текли ручьями. – Дюк, мы это сделали.

Дюк не знал, что сказать. Видеть ее такой было неловко. Все это время Рише была опорой для всех, и Дюк привык, что выдержка у нее поистине стальная.

– Малая. – Дюк нежно обнял ее узкие плечи. – Это ты – мой бесстрашный воин. Без тебя у меня ничего бы не получилось. Я никогда этого не забуду.

Рише слабо кивнула.

– Как думаешь, в новостях расскажут, что арест не удался и Миру похитили? – прошептала она.

– Думаю, что скажут. Но надеюсь, это произойдет тогда, когда я покину купол. Не хочу слушать нотации Марка. Ее точно поймают позже. Бежать ей некуда, авторитет она подрастеряла. Она нам не угроза. Главное, что ты можешь больше не опасаться за жизни ребят. Прости, что оставляю тебя сейчас, в разгар всеобщей перестройки и реформ.

– Не думай об этом.

– А ты хорошо стреляешь.

– Нет. Я ведь целилась в нее, – смутилась Рише. Она знала, что Дюк всегда был против убийств. Тот понимающе улыбнулся:

– Ребята, перевозившие ее, не пострадали? И как там Митя?

– Об этих Приспешниках не было слышно. Да и это не мой уровень службы.

– А Митя?

– Митя тоже, уже всю шутит, как всегда. Лиса позаботится о новой руке...

– Не понимаю, зачем он повел меня в кабинет. Марк должен был сообщить ему, что туда идти нельзя.

– Разве ты не знаешь Марка?

– В том-то и проблема, кажется, знаю. И есть у меня подозрения. Если это так, то он поплатится за то, что Митя пострадал.

– С ним все будет в порядке.

– В порядке, но без руки...

Рише поморщилась, представляя, какая это боль.

– Его сестра оказалась Приспешницей? – не скрывая удивления, произнесла Рише.

– Кто бы мог подумать, да?

Они замолчали, наблюдая, как закат окутывает стены купола. Для Рише революция закончилась, она готовится занять пост – представителя Сообщества Мутантов и стража их порядка. Уже через неделю ей предстояло приступить к новым обязанностям. Вместе с Марком и Митей, до изгнания Дюка, она покинула второй купол для прохождения добровольной подготовки в армию солдат, и их всех, как своих детей, опекала Николь. Революция закончилась и для Эрика – он вернулся домой, и Ника составила ему компанию. Теперь они по-

семейному навещали Марию в ее доме, где она, как планировала, приютила новых маленьких мутантов. Теперь она не переживала за их безопасность.

А Дюк должен был отправиться на поиски Ани. Эта мысль не давала ему уснуть и погнала за купол с первыми лучами солнца.

* * *

Арес не дождался рассвета и, как только захват власти был завершен, поспешил покинуть купол. Убедившись, что за ним никто не следит, он вышел на знакомую тропу и двинулся вперед. Свернув направление, перешел на бег и спустя некоторое время отыскал тело Гелиос, уже покрытое трупными пятнами. Упав на колени, Арес поднял ее, словно пушинку, и унес в густую чащу деревьев.

– Гелиос, мы это сделали. Дюк, тот рыжий парень, о котором я просил передать весточку в деревню... Он это сделал. – Его глаза наполнились слезами, внутри он ощущал бездонную пустоту. – Почему ты не смогла дождаться этого? Почему я не могу все тебе показать? – говорил он и прижимал ее к груди.

Солнце едва показалось из-за горизонта, ночные цветы сменились дневными, и лес начал просыпаться от спячки. Арес ласково провел ладонью по щеке девушки. Потом снял с себя куртку, оставшись в узорчатой водолазке экзоскелета, и накрыл ей тело. Когда Арес поднял руку к маске, собираясь ее отключить, его остановило легкое касание.

От неожиданности он вздрогнул и вскочил, ощущая, как тело мгновенно покрылось мурашками.

– Тсс... – произнесла незнакомка с длинными серебряными волосами, приложив указательный палец к губам. – Не надо. Она бы этого не хотела. Просто похороним ее, ладно?

Поначалу он не поверил своим глазам: фиалковые глаза, длинные густые ресницы, прямой аккуратный нос и пухлые вишневые губы – она была точной копией Гелиос и отличалась лишь цветом кожи и волос. Сестра-близнец, о которой ему рассказывала Гелиос!

– Селена... – произнес он.

Сев рядом, Селена обняла его:

– Все хорошо. Все будет хорошо. Ты ни в чем не виноват.

Глава 25

Уважительно кивнув в ответ охране, полный надежд и переживаний, Дюк покинул купол, едва открылись ворота. Закашлявшись от холодного морозного воздуха и поправив голубой гипс с изображением множества мелких плюшевых мишек на сломанной руке, он бросился бежать в сторону деревни. Лесные тропинки причудливо переплетались, и Дюк несколько раз натыкался на разрушенные дома, заросшие растениями, детские площадки, полуразваленные от взрывов церкви и школы, прежде чем выбрался на знакомую дорожку. Быстро темнело. Вспомнив, что скоро покажутся звери, Дюк прибавил шаг.

На то, что он был уже близко к деревне, ему указали летающие в воздухе частички пепла и комочки свежей сажи на ветвях деревьев. Обогнув последние ряды кустов, Дюк остановился на опушке. Сердце его болезненно сжалось: купол исчез, от ветхих деревянных домов остались лишь обгоревшие обломки, над которыми еще поднимались тоненькие струйки дыма, наполняя прохладный воздух гарью.

Встряхнув головой, Дюк бросился разыскивать Аню.

– Аня! Аня-я-я-я! – кричал он, заглядывая под обломки и спускаясь в уцелевшие погреба. Безрезультатно.

Потратив на поиски больше часа, Дюк обессиленно уселся на сырую землю, размышляя, где еще ее искать. Внезапно он ощутил прикосновение холодного лезвия.

– Зачем ты вернулся, предатель? – раздался голос за спиной.

– Аня! – не веря своим ушам, радостно вскрикнул Дюк. Он схватил ошалевшую от неожиданности девушку за руку и притянул к себе. Потеряв равновесие, Аня упала ему на колени. Рука с ножом дернулась, и на шее Дюка показалась кровь, но он даже не отреагировал.

– Как я рад, что ты жива! Ты даже не представляешь!

Дюк заметил, что ее голубые глаза теперь стали бледно-серыми, а и без того светлые волосы белели – так же, как и его.

Дюк обнял и прижал к себе Аню, благоразумно отведя в сторону ее руку с ножом.

– Отпусти! Что ты... Дюк. Дюк! – нервно вскрикнула она. – Что ты делаешь?!

– Аня, прости меня, пожалуйста. Прости. – Он ослабил объятия и нежно провел ладонью по ее щеке. – Прошу, дай мне все объяснить. Просто сядь и послушай, как долго я искал тебя, Аня...

(Выписка из ежедневника)

Хронология моих экспериментов.

2012 – Началась война. Разрушается озоновый слой. Эта катастрофа может привести к летальному исходу для людей... В этом же году я начинаю свой эксперимент. Несколько подсадок эмбриона, внутриутробная подколка, одна удачная беременность. Родился первый сверхчеловек! (Фиолетовые глаза и отверстия на шее. Скорее всего, из-за внутриутробного эксперимента.) Этот ребенок сможет выжить без озонового слоя, его кожа будет невосприимчива к ультрафиолетовым лучам, и он будет выносливее, чем обычный человек!

2013 – разработка новой сыворотки для рожденных детей, эксперименты на детях в детском доме. (Прошу, не осуждайте! Они все равно погибнут, когда разрушится слой.) Мутаген действует по-другому. Более слабые эффекты.

Также ко мне обратилась беременная женщина. Двойня, один плод с аномалиями развития. Женщина предупреждена о побочных эффектах.

2014 – продолжаю эксперименты на уже рожденных детях в детском доме. Рождение двойни. Сбой мутации. Один ребенок ровня тем, что получают мутаген при жизни, второй родился с темной кожей, очень слабая. В роду никого с темной кожей не было. Предполагаю, что может сказаться на свойствах мутации.

Одна внутриутробная подколка уже на середине срока. Второй сверхчеловек! Девочка родилась в мае (серые глаза, отверстия, как и у всех сверхлюдей)!

Продолжаем подколку детям из детских домов.

2017 – война окончена. Мира готовится запустить МОР I. Она называет это «ударом милосердия». Хочет добить выживших людей, чтобы те не мучились. Созрел план по распространению мутагена среди обычных людей (прошу еще раз, не осуждайте! Они погибнут

без озонового слоя. Природу уничтожили, дышать нечем). Если в ракету разместить мою сыворотку...

От автора

Привет, друг! В твоих руках моя первая книга. Первая, которую я написала, и первая по очередности в этой трилогии. Когда я работала над ней, мне очень хотелось придумать что-то интересное, интригующее. Чтобы при чтении возникали мысли: «Ого! Вот это да!»

Основная задумка была в последовательности: сначала вы попадаете в классическую антиутопию, затем история переворачивается с ног на голову и раскрывает главную интригу в самом ее конце. Но это происходит так быстро, что Дюку, главному герою, надо объясниться перед тобой, человеком, незнакомым с ним до начала событий в первой книге. Поэтому во второй части цикла – ее название «В этих гнилых стенах» – Дюк расскажет вам о героях, которые появились в финале этой истории, но всю жизнь были рядом с ним. Там они обретут вес, характер и сыграют свою роль.

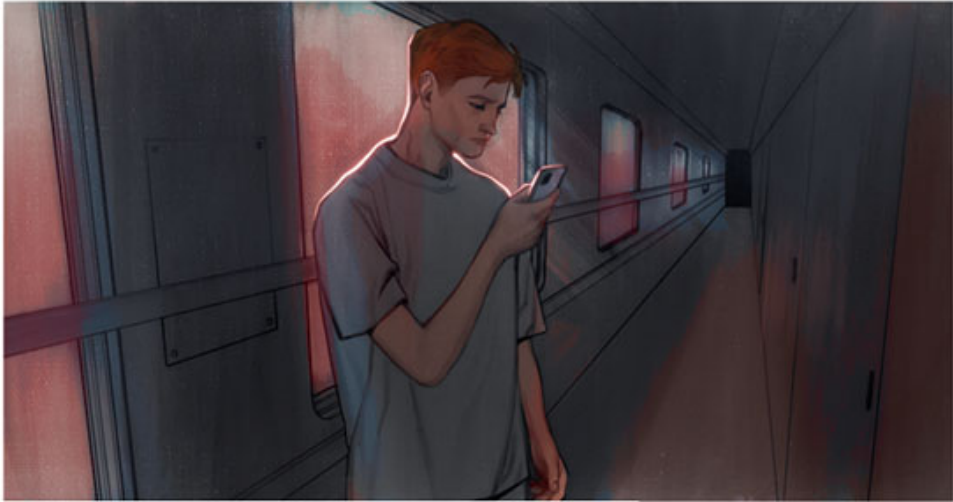
Прошу не делать поспешных выводов, а так же, как и Аня, сесть и послушать о том, какой долгий путь прошел этот рыжий парень, с какими жизненными сложностями ему пришлось столкнуться, живя во втором куполе. Да-да, и про собак-людоедов он тоже расскажет!

До встречи в новой книге!

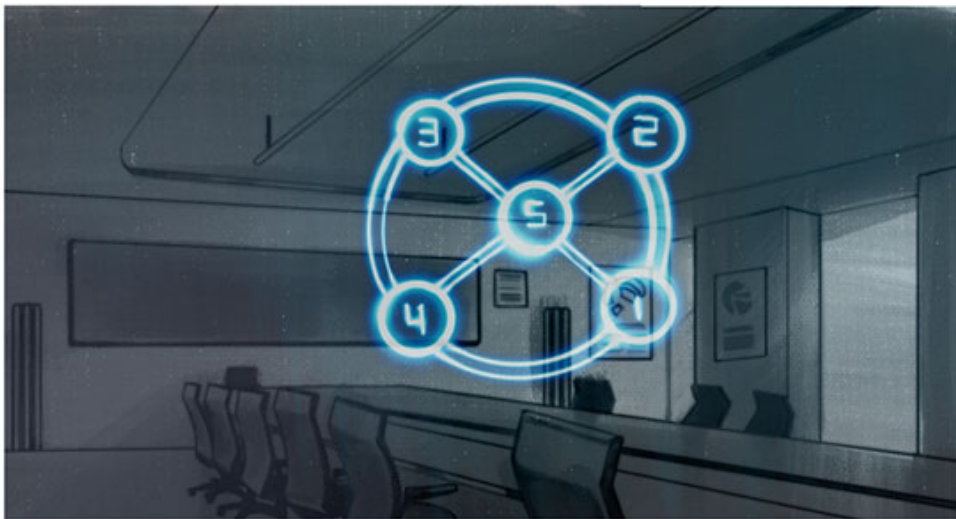
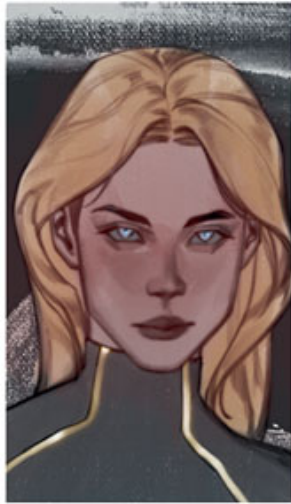
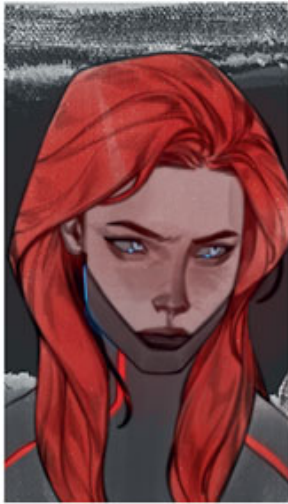
Кристина Той

*Я умирал не раз,
мне уже не страшно...*

*Он совершил много ошибок,
но успокаивал себя тем,
что инструкций к жизни
и не давали...*